ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

NiZHNY NOVGOROD 1(54)/2024

Олеся НИКОЛАЕВА
Переделкино
4

Игорь КАРАУЛОВ
Москва
10

Павел КЛИМЕШОВ
Нижний Новгород
17

Осип БЕС
Нижний Новгород
21

Алена БАЙКИНА
Выкса
75

Максим ЗАМШЕВ
Москва
86

Валерия САЛТАНОВА
Ростов-на-Дону
91

Евгений ЮШИН
Москва
96

Владимир КРУПИН
Москва
102

Александр ГРИГОРЬЕВ
Нижний Новгород
115

Ирина ДЮГАЕВА
Оренбург
135

Евгений ХАРИТОНОВ
Белгород
148

Александр БОБРОВ
Москва
156

Михаил ЧИЖОВ
Нижний Новгород
174

Вячеслав ФЁДОРОВ
Нижний Новгород
201

16+

В НОМЕРЕ

Поэзия

Олеся НИКОЛАЕВА
ТЕОДИЦЕЯ 4
Игорь КАРАУЛОВ
НАМ РОССИЯ – БОЛЬШАЯ, НА ВЫРОСТ... 10
Павел КЛИМЕШОВ
...НО ЗАРНИЦЫ ЗРИМЫЕ ГОРЯТ 17

Проза

Осип БЕС
ВОРОБУШЕК 21
МЕРТВЕЦЫ 38
Александр ОРЛОВ
ЛОШАДНИКИ 48
Владимир КУЗИН
ДАУН 54
СВЯТЫНЯ 64
ДОХОДЯГА 69
Алена БАИКИНА
БАБУШКА-БАРМЕН 75
Елена БЕРМУС
ЭПОХА ВАЛЕНТИНЫ 80

Поэзия

Максим ЗАМШЕВ
ТАКАЯ ЖИЗНЬ, ЧТО БЛИЖНЕГО НЕ ВИДИШЬ 86
Валерия САЛТАНОВА
Я ШЛА ПО ЛУЧИКУ МОЛИТВЫ... 91
Евгений ЮШИН
ДУША ПРОЛЕТАЕТ 96

Проза

Владимир КРУПИН
ДВА СНАЙПЕРА 102
ДУНАЙСКОЕ ПОХМЕЛЬЕ 105
Иван ЯКУНИН
ПОБЕГ 109
ОДНОКЛАССНИКИ 112
Александр ГРИГОРЬЕВ
НАТАШЕНЬКА ВЯЧЕСЛАВНЕНЬКА 115
Анна ГУРИНА
ОН 132
Ирина ДЮГАЕВА
ХИКИКОМОРИ КАМИЛЛА 135

Роман РАЗЖИВИН
КЛУБ ПОТЕРЯННЫХ НАДЕЖД 138
Денис КРАСНОВ
И. Т. Д. 141

Стихи по кругу

Евгений ХАРИТОНОВ 148
Светлана ВОЙТКО 149
Елена ГУСЕВА 149
Артем БОРОНИН 151
Галина ТАЛАНОВА 151
Олеся РЬЯНОВА 153
Константин ЛОБОВ 153
Александр ПОПОВСКИЙ 154
Александр ЛУШИН 154

Публицистика

Александр БОБРОВ
НАБЛЮДЕНИЯ И ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ 156

Вехи памяти

Михаил ЧИЖОВ
«ЕГО ЖИЗНЬ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ОТДЕЛИТЬ ОТ ЕГО КНИГ»
К 120-летию со дня рождения Аркадия Гайдара 174
Вячеслав ФЁДОРОВ
ПОСЛЕДНЕЕ НЕБО ЧКАЛОВА
К 120-летию со дня рождения легендарного летчика-испытателя,
Героя Советского Союза 201

Литпроцесс

Николай ПЕРЕЯСЛОВ
А ВЕЧНОСТЬ УХОДИТ В ПЕСОК…
Андрей Шацков и его поэзия 213
Елена КРЮКОВА
«...ЕСТЬ ДНЁМ – СИНИЦЫ, НОЧЬЮ – СОЛОВЬИ»
О поэзии Олега Рябова 218
БИТВА И ПОБЕДА
О поэзии Виктора Петрова 226

Прощальное слово

Евгений ЭРАСТОВ
ЧЕРНОРАБОЧИЙ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ
Памяти Валерия Шамшурина 232

Олеся НИКОЛАЕВА

Родилась в 1955 году в Москве. Окончила Литературный институт (семинар Е. М. Винокурова). Ведет семинар поэзии в Литинституте, профессор кафедры литературного мастерства.

Выступала со стихами и лекциями в Нью-Йорке, Женеве и Париже, преподавала древнегреческий язык монахам-иконописцам Псково-Печерского монастыря, работала шофером игуменьи Серафимы (Черной) в Новодевичьем монастыре (1995), в 1998 году была приглашена в Богословский университет святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова читать курс «Православие и творчество» и заведовать кафедрой журналистики.

Автор более пятидесяти книг стихов, прозы и эссеистики. Произведения переведены на английский, итальянский, китайский, немецкий, французский, японский и другие языки. Лауреат многих литературных премий, в том числе национальной премии «Поэт» (2006), премии им. Бориса Пастернака, Патриаршей литературной премии (2012). Живёт в Переделкине.

ТЕОДИЦЕЯ

Взаймы

Сумерки водянистые
сгущаются на ходу.
Словно бы сребролистные
ели в снежном саду.

Встрепенешься, разбужена
тайным пеньем из тьмы.
Все это незаслуженно –
в долг этот сад, взаймы.

Лучшие украшения –
скрипочка со смычком
все покроют лишения,
все лежанья ничком.

Сердцем – за музыкантами,
глядь – а на дне сумы
ларчик резной с талантами:
в долг это всё, взаймы.

А не отдашь – сторицею
взыщется за постой:

будешь немой черницею
воздух глотать пустой

Ведь недаром у сумрака
столько умбры, сурьмы,
столько охры и сурика,
и багряной каймы!

И не за так – слетаются
ангелы петь псалмы –
небо с землей срастаются
под прикрытьем зимы.

Что отдам за победное
Таинство, Элогим? –
Это ль пальтишко бедное
с сердцем моим под ним?..

* * *

П. Л.

Помню эту блаженную пору, поющий словарь,
и, закутанный в облако, словно какой небожитель,
сам себе ты пророк, и священнослужитель, и царь,
и свой собственный узник, истец, совопросник, мучитель.

На глаза легкомысленно челка спадает со лба,
и покуда звучит свысока самовластная лира,
где-то около сердца на скрипке играет Судьба,
увлекая в прекрасность и праздничность страшного мира.

А кто скиснул и сдулся в потемках, как шар надувной,
ныл, скулил, – и не жар от него, и не холод, –
и обиды копил, и таскал, как рюкзак, за спиной,
тот и не был ни царственно юн, ни божественно молод.

Мальчик с зайцем

Желчный, злобный, почти лежачий старик. У него в мамках
немолодая дочь. Трогает его простыню: мокро? сухо?
А на фортепьяно – старые фотографии в рамках.
С одной из них смотрит мальчик с волосами из пуха,
пятилетний, в длинных шортах на лямках,
а в руке он держит зайца плюшевого за ухо.

– Сын? – спрашивает врач скорой помощи, указывая на фото.
– Отец это мой, – вздыхает немолодая женщина. Постарела рано…
А старик костерит и ее, и медработников, и еще кого-то,
Кого он потусторонним взглядом видит с дивана.
А когда садится, смотрит вполоборота
и особенно ненавидит мальчика с зайцем, глядящего с фортепьяно.

Словно тот обманул его! Посулил одно, а вышло криво, горбато.
Достались от жизни опивки одни, обмылки,
как в голове у этого зайца труха, опилки и вата.
Жена эти уши потом использовала, как тряпки, мыла ими бутылки.
А мальчик с зайцем всё сияет в лучах заката,
будто не видит, как старика кладут на носилки.

– Что ты красуешься передо мной! – усильем воли последней
взором скользит по фото старик, но грудная клетка
надрывается кашлем, пахнет валокордином.
Уже в передней
так он кричит, что за стеной вскидывается соседка:
– Знать я твоих не желаю розовых бредней
и обличений безгласных твоих, малолетка!

Но мальчик с зайцем не слышит его. Невинно
он смотрит фотографу в объектив, боясь рассмеяться,
иль нос почесать некстати, иль скорчить мину,
иль зайца к груди прижать, как родного братца.
И вдруг замирает, будто рассматривает картину,
не переставая мечтательно улыбаться…

Теодицея

Это кто этот мир, этот сад
преподносит как черный квадрат –
дырку в грубой бездушной рогоже,
уверяя: никто не воскрес!
Нет ни глаз, ни ушей у небес.
Ничего у них нет. Ничесоже!

А раз так – как не рвать, не топтать,
не плевать, не хулить, не роптать,
призывая мокриц и драконов,
повторяя: никто не воскрес…
Славно здесь погулял мелкий бес,
семя в землю излил Передонов.

Оттого ли у отроковиц
и у отроков – между ресниц
вдруг такое мелькает…
В народе
«Свят, свят, свят», лоб крестя, говорят
на мертвящий, мертвеющий взгляд
василиска в российском изводе.

– Расколдуй меня, – просит страна.
Просят Солнце, Земля и Луна.
– Призови чудотворные силы.
Отдери этот черный квадрат,
за которым – сияющий град
и живые встают из могилы.

…Из глубин вековых – в свете дня
собирается вместе родня,
просит дать современный толковник.
И ведет вороного коня
прадед мой.
Он моложе меня.
Он – красавец, он – царский полковник.

Ветка с веткой на крепком стволе.
Древо высится. А на столе
вина царские, хлеб, разносолы...
Древний князь, выясняющий связь
меж потомками, благословясь,
Жизни вечной толкует глаголы.

…Если верить не хочешь – не верь,
закрывай свою черную дверь,
наколи себе метку на шее.
С Недотыкомкой в сердце – хана.
Но захочет Господь – и она
станет доводом теодицеи.

Живая

Я, говорит Земля, живее всех вас, людей.
Чую ваше дыхание, настроенье, каждый флюид,
ваши разбойничьи замыслы и сгущенье идей
и дурные энергии отправляю в Аид.
Там зачинаются землетрясения, вспыхивает огонь,
лава вскипает, жаром дышит вулкан,
мечется пламя под ветром, как рыжий конь,
растрепанный горизонт встает на дыбы, багрян.

Вы меня раните, травите, от источников вод
смрад поднимается, дохнут кроты в норе,
в суицидальном ужасе бьется, ревмя ревет
безголосая рыба, рак свистит на горе.
Время сжимается кольцами, словно сытый удав.
Ткань бытия истончается, а вы с унылым лицом,
не понимая знамений, знаков не разгадав,
горло мне заливаете жарким жидким свинцом.

Я говорю с вами оползнем, ураганом ору,
я воплю наводнением, бью наотмашь, в упор.
Иль как на Валтасаровом нечестивом пиру
смерчем тугим по воздуху пишу вам ваш приговор.
Даже бешеный лис нору свою хранит,.
даже дятел гнездо не простучит до дыр,
вам же Матерь-Земля – просто мертвый магнит,
и ваши сердца, как наледь, в которой вморожен мир.

…Так говорит Земля, и, к ней с любовью припав,
слышу ее дыханье сквозь хрип и муть:
она провожает мертвых у перистых переправ
и к жизни зовет неживших к себе на грудь.

* * *

Какие тонкие материи
плетет за окнами зима,
за их завесами – мистерии,
театр теней, игра ума.

В средневековых облачениях
свечей блуждает робкий свет.
И нечто в тайных изречениях
готово приоткрыть ответ.

Живая жизнь узнать заранее
желает, что ей предстоит,
и собирает предсказания.
Ее саму двоит, троит.

То видит долю неимущую,
то взрывом сердце поразит.
Так заглянувшего в грядущее
то кинет в жар, то просквозит.

Посланьем кажется космическим
паденье снежного дождя,
к корням оккультным, архаическим
и до-евангельским сводя.

Впадает в древний ужас перстное
беспомощное существо,
и мнится – воинство небесное
над ним справляет торжество.

Накопленное поколеньями
шлет дальше свой видеоряд. .
И дети спящие – с виденьями
зимой ненастной говорят.

Рассказ

Актриса, бывшая красотка, на главную не тянет роль, – так некрасиво постарела и так некстати располнела, а все жеманна, как молодка, увядшая желтофиоль.

Была когда-то знаменита, была когда-то именита, а вот теперь – почти забыта, в глазах – хроническая боль.

Хотя она и молодится, – здесь вспять растенья не цветут, – и амплуа менять стыдится, но в героини не годится, а в куртизанки не берут.

Ну, только разве что матрону сыграть зовут, по телефону разок консьержкой позвонить. А то – надсмотрщицей на зону тупых охранников

журить да зечек молодых чморить. Иль на каталке подвозить Офелию и Дездемону, когда б ей новый сериал роль нянечки больничной дал…

Осталось разве что хвалиться былым любовником, сердиться, когда не верят ей, а он все также ладно скроен, строен, богат, востребован, спокоен, к элите славою причтен.

Скользя глазком по интерьеру, она твердит интервьюеру о том, как страстно был влюблен тот, имярек: рвалась на части его душа, кипели страсти… Интервьюер устал, смущен.

И он не верит! И сама-то, историей любви богата, вдруг усомнилась – а не сон все это было? Всхлипы, вскрики! А где свидетельства, улики? Все смыло за один сезон.

Тьма настает, и память глохнет, и мокрый глаз от ветра сохнет, и блефом обернулась быль. И в рукаве не туз козырный, а так, шестерка. И – настырный – во всем дешевый водевиль.

И что теперь? Мораль какая? Морали нет. Пускай, икая, былой поклонник о своем житье печется, окликая любовь былую. Пьет вино. И слушает, как льнет к гобою виолончель… Давным-давно был счастлив он лишь с ней вдвоем! Лишь с ней вдвоем он был собою. Водой был полон водоем!

А ночь – сияньем. Женский локон так нежно щеку щекотал, и звездной сетью из волокон он пойман был, и в ней из окон над спящею землей летал…

Такое – не исключено. Напротив, очень вероятно: все воедино сведено, вдруг совпадают нити, пятна, слова и чувства. Безвозвратно, казалось, все пропало, но – живет живое, и обратно уносит памяти кино, спрядая нити деликатно, как звездное веретено.

Игорь КАРАУЛОВ

Родился в 1966 году в городе Москве, где и проживает. Окончил географический факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Работает переводчиком.

Автор семи поэтических книг. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Нижний Новгород», «Волга», «Бельские просторы», «Плавучий мост» и других. Выступал с публицистикой в газете «Известия», «Литературной газете», на сайтах «Свободная пресса», «Русская ідея» и АПН. Лауреат Григорьевской поэтической премии (2011). Победитель Волошинского литературного конкурса (2017), дипломант премии «Московский счет» (2019). Лауреат премии «Лицо нации» (2022).

НАМ РОССИЯ – БОЛЬШАЯ, НА ВЫРОСТ...

* * *

Когда войну мы вгоним в гроб
и хоронить сойдёмся вместе,
когда её бугристый лоб
расстрига-ветер перекрестит,
когда её в донецкий кряж
зароем, чтоб не восставала,
и терриконовый пейзаж
над ней сомкнется без прогала –
мы возвратимся в города
и павильоны «соки-воды»
собой заполним без труда,
как землю мирные народы.
И сок гранатовый никак
нам не напомнит о разрывах,
и о внезапности атак,
и о случайностях счастливых.
Мы им напьёмся допьяна,
потом очнёмся и заметим,
что погребённая война
иначе снится нашим детям.
Они рисуют лик войны
красивым, ласковым, нестрогим.
Они почти что влюблены
в неё на радость педагогам.
И кто-то в класс ворвётся: нет,
мерзее не было старухи!
Но где же взять её портрет?
Они к рассказам нашим глухи.

И станет модным аромат,
знакомый нам как трупный запах.
А значит, вновь глаза глядят
с привычным холодом – на запад.

* * *

Я говорю о старых игроманах,
потрёпанных судьбой ролевиках,
об их смешных интригах и романах,
их рюкзаках и их дождевиках.
Они идут в сиреневом и чёрном,
Колумбы нарисованных земель.
Усатый дед назвался Арагорном,
старушка навсегда Галадриэль.
Бухгалтерши, агенты страховые,
курьеры по доставке мелочей
лелеют деревяшки боевые
и навыки шутов и палачей.
Один певец, другой колдун злодейский
идут походом с севера на юг.
А кто-то царь, быть может, иудейский,
но как его заметишь среди слуг?
Нам постлана одна постель земная,
ложись в неё и плоть свою укрой,
своих потешных битв не вспоминая.
А всё-таки припомнится порой
эльфийки секондхендовское платье,
противник перешёл за Ахеронт,
и рушатся охранные заклятья,
но войско мёртвых цепко держит фронт.

* * *

Буйная растительность, однако.
Главное, пока не началось
наступленье холода и мрака
в мире, продуваемом насквозь.

Главное, что солнышко нагрело
теплохода белые бока
и танцует лодочка на гребне.
Главное, что русская река.

Русская, как школьная задача,
до звонка решённая в уме.
Белый гравий и песок горячий.
И, конечно, церковь на холме.

Женщина застыла на пороге
и дитя готовится внести.
И кафе, где сиживали боги,
как всегда, откроют к десяти.

Главное, что лето не проходит,
только пролетают облака.
Можно сесть на этот теплоходик,
можно посмотреть издалека.

* * *

В этой сутолоке московской
нелегко усидеть в седле,
и профессор Майрановский
доживает в Махачкале.
Рядом плещется море синее,
по дорожке идёт мулла.
Свои руки простёрла химия
в человеческие дела.
Эти руки в крови и рвоте
здесь нащупали свой предел.
Если вы до сих пор живёте,
знать, профессор недоглядел.
Расцвели города, районы,
в них итожат свои деньки
провалившиеся шпионы,
полицаи и следаки.
Кто косится из тьмы прихожей,
позвонит ли горсвет, горгаз.
Кто заранее чует кожей:
это снова не к нам, не нас.
Кто накидывает на плечи,
обрывая с прорехи нить,
телогрейку, навеки зэчью –
не согреться, так пофорсить.
Или в праздник у пионеров
блещет выправкой удалой:
поглядите, какие нервы,
хоть пили их бензопилой.

* * *

Я иду по этой улице
тенью лета и тебя.
Кто-то выйдет и простудится:
недовыдали тепла.

Низкорослая азалия,
пеларгония в окне
погибают в беспечалии
и рождаются в огне.

Этажи шестые, пятые,
бездоходные дома.
Беспородная, патлатая
выбегает шантрапа.

От звонка трясётся будочка,
в ней чужие голоса.
Сердце в скважину, как дудочка,
еле втискивается.

Это всё родится заново,
но уже не для меня.
Я такое вижу зарево
повивального огня.

Мною улица истоптана
до последних бакалей.
Я однажды стану топливом
наподобье тополей.

* * *

Я читал сегодня не Басё,
мне иное шепчет небосвод.
Где-то, где-то в Буркина-Фасо
грациозный бродит бегемот.

Я купался в пепельной реке,
примостившись на его спине,
и художник Водкин, не Сакэ,
написал картину обо мне.

Это страсть играет в города,
норовя уткнуться в твёрдый знак.
Туарегских слов белиберда,
не переводимая никак.

Кто собрался с ночи в Тимбукту,
тот ещё успеет на обед,
а чужая бусинка во рту
оказалась лучшей из планет.

Что ты мелешь, если между строк
сыплется древесная мука
и в песчаной тундре носорог
отрастил ветвистые рога?

И куда ты денешь это всё,
выходя к Создателю на шмон:
тёплый вечер в Буркина-Фасо
и клыки, прекрасные, как сон?

* * *

Он не любит столичную пену,
а в районах считай что родня.
Он выходит на летнюю сцену
и, конечно, поёт про коня.

Юбилей ли дорожного треста
пыль пускает в людские глаза
или музыки просит невеста
удалого пивного туза.

Он по нотам немного мазила
и костюм бы ему поновей.
Ты давай, чтобы сердце щемило,
по-простому, без этих затей.

Много их колесит по России,
накатали себе колею.
И поют они песни чужие,
и не в силах придумать свою.

Нам Россия – большая, на вырост,
на три вечности хватит вполне.
Мы в России сухие, как хворост.
Мы трещим в её жарком огне.

Нам бы только побольше удачи,
не пропали бы воля и труд.
Ты послушай, а сердце-то плачет.
Значит, есть оно. Значит, не врут.

Вот он снова поёт про землянку,
про смуглянку заводит, звеня.
Ковыряет сердечную ранку –
и, конечно, поёт про коня.

И в укромные сусличьи норы
проникают надежда и страх.
Конь идёт. Конь несётся, как скорый,
вдоль по полю на полных парах.

* * *

Сегодня мы не смотрим новостей,
на день забыты сводки или сводни.
Коловращеньем листьев-лопастей
мы с августом прощаемся сегодня.
Проходит август, господин усадьб,
начальник обмолотов и покосов.
Уже не привести его назад
и неудобных не задать вопросов.
Он Молотов и он же Риббентроп,
он сибарит в своей песочной тройке.
А завтра осень изморосью троп
придёт взыскать былые неустойки.
Да, осенью расплатимся за всё,
все договоры с подписью и в силе.
Да, осенью наплачемся за то,
что августовских дней не оценили.

Что не прочли его амбарных книг
и со стола смахнули, не подумав,
пустую вечность, выдутую в миг
искусством насекомых стеклодувов.

* * *

Я стал советским скучным типом,
пустил часы в обратный ход,
но я не сделался полипом
и прилипалой у господ.

Питаюсь я по Микояну,
верчу диеты на бую
и предпочтение баяну
пред саксофоном отдаю.

Вы не ошиблись, правда ваша:
я совершенно устарел.
Советский, будто простокваша,
я оказался не у дел.

А дел всегда, как в мясорубке,
невпроворот, невперемол.
Кругом нужны мозги и руки,
но где он, верный комсомол?

А вот же он, в консервной банке,
судьбою шпротною влеком.
Все эти рокеры и панки,
что создал питерский горком.

И я, пускай иного званья,
в последний слой едва вошёл.
Я называю «Юрюзанью»
ваш одноразовый «Стинол».

Вот-вот на нас вернётся мода,
мы накануне рубежа,
когда уже близка свобода,
но нет консервного ножа.

* * *

Они не умерли, не умерли.
Зазря им некрологи строчат.
Они теперь, наверно, в Юрмале
трамбуют тапками песочек.
У них теперь иные радости,
но песенка ещё не спета,
и обходительные лабусы
с утра им подают ристретто.
На эти пляжи вечно юные
ссылают брошенных певичек.

Туда, ослабленные дюнами,
доходят зовы электричек.
Да кто только не бродит пляжами,
не ищет жемчуг после бури.
Не исключаю, что однажды я
проснусь на пляже Келасури.
Не огороженные бонами,
просторы вод приятны глазу.
И чуть намоченные волнами
талоны на обед в турбазу.
И буду ждать, как дара царского
и пуще всех подлунных выгод,
харчо из риса краснодарского
с бараньей косточкой навылет.

* * *

Жил в тоске многоподъездной,
где панель, а не кирпич,
никому не интересный
дядя Женя, старый сыч.
Он обругивал мальчишек,
что с мячом наперерез.
Из-за пенсионных книжек
он ходил, ворча, в собес.
Он доказывал кассирше,
что четыре – дважды два.
Он смотрел на вещи ширше:
вещи больше, чем слова.
Чем бывал он в жизни занят,
толком я не узнавал.
Он сидел. За что – бог знает.
Он когда-то воевал.
Он переправлялся через
Днепр – и там почти погиб.
Дядя Женя – лысый череп.
Дядя Женя – чайный гриб.
Кто б подумал, что бывают
и такие времена.
Я за тех, кто доживает,
вместе с ними пью до дна.
Я и сам из тех инкогнит,
разбежавшихся волчат.
Хорошо, что нас не помнят,
в дверь ночами не стучат.
А стучат одни костяшки
домино на целый двор.
Вышел в клетчатой рубашке
Дядя Женя на простор.
Впереди в багровой пене
диск садится за рекой.
Позади у дяди Жени
нету тени никакой.

Павел КЛИМЕШОВ

Родился в 1946 году в Горьком. Окончил историко-филологический факультет Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. Работал токарем, литературным сотрудником в ряде изданий местной периодической печати, Художественном фонде РСФСР, нескольких книжных издательствах.

Прозаик, поэт. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

...НО ЗАРНИЦЫ ЗРИМЫЕ ГОРЯТ

Соло

А. В.

Безлюдие – мой брат,
Что рядом, за плечами,
Когда мне ноты брать
Смиренья и печали.

И песнь моя звучит
Над вкрадчивым предместьем;
И утром и в ночи
Мы нераздельно вместе.

Услышат ли её –
Ничейная забота,
Разбудит забытьё
Усталого кого-то?

А нет – тому и быть.
Гортань привыкла к соло
Тоскующей судьбы
По призракам весёлым.

Истина

Дождь стегает по стене и крыше,
Чистит впрок убежище моё.
Что я в шелесте небесном слышу?
Перепевы про житьё-бытьё.

Да, оно ни шатко и ни валко,
Меж надежд и бед заключено;
Только всё же не настолько жалко,
чтобы опостылело оно.

Нет, в крови – веленья строгих предков,
Их незримый, волевой пригляд;
Пусть живу взаимосвязью редко –
Но зарницы зримые горят.

И когда их свет строку диктует,
Словно воспаряю в вышину,
Прозревая истину простую –
Ту первоявленную, – одну.

Театр

Стихотворения чудный театр...
Белла Ахмадулина

Я – не актёр, лишь работник кулис.
Пьеса – в разгоне, разительно действо.
Сумрак за яркою сценой завис;
Я – во служенье и некуда деться..

Странно актёры глядят на меня:
Кончились реплики, я – за суфлёра,
Тянут ладони, моля и кляня,
Дабы не вскрылась внезапно афера.

Что же мне делать? Спектакль спасать!
Я и не знал, что к актёрству причастен…
Славно сливаются вновь словеса.
Глянуть вблизи – сумасшедшее счастье.

Незабвенное

Т. П.

Дни мои не наполнены, плоски,
Их в надмирности не лови…
Так ранимы в душе отголоски
Той далёкой, как юность, любви.

Ликовало неистово тело
И с душою сплеталась душа,
А судьба распахнуться хотела,
Бытовые пределы круша!..

Неужели такое бывало?
Да, в далёкой, святой стороне,

Что по мне не тоскует нимало,
И теперь не признает вдвойне…

Только память в минувшее манит –
Возвращает к началу начал,
Где свобода простых пониманий
И сироткой забытой печаль.

Случай

В автобусе девочка пела
Для куколки милой своей;
Вершилось за окнами дело –
Бесился февральский увей;

И в креслах сидела угрюмо,
Нахохлившись, группа людей
И думала серые думы
На фоне весёлых затей.

А девочка нежила «дочку»
И пела, баюкая всласть,
В начале совсем в одиночку,
Но группа вослед «завелась»:

Прислушалась к пенью с улыбкой,
У всех засветились глаза…
А сумерк за окнами зыбкий
Летел без просвета назад.

А девочка пела и пела
Всё истовей, всё веселей –
Вершила заглавное дело,
Что детством завещано ей.

* * *

Я замкнулся… Простите, братцы.
Не вражда оградила, нет,
Просто время в себе разобраться
И на всё получить ответ:

Жил со строгостью иль с любовью
И туда ль, как наметил, шёл,
Не рассорился ли с собою –
Ведь дорога была не шёлк…

Да,, любил, но не очень много,
Только дружбою дорожил,
Пусть друзья за смертным порогом –
Души их до сих пор свежи.

Ну а женщин – лишь единицы…
Не телесная – братская связь
Ненавязчиво, ласково длится
Упоительная приязнь.

Уезжал, чтоб возделать землю.
Русским летом ласкало село.
Земледельческий труд приемлю –
Просветление в душу вошло,

Осенило меня стихами.
Не тщеславия ради пишу –
Чтобы рифмы никак не стихали,
Усмиряя столетия шум.

Проза

Осип БЕС

Родился в 1985 году в Лесосибирске, Красноярский край. В 2001 году переехал в Нижний Новгород, учился в Нижегородском художественном училище и Нижегородском театральном училище.

Работал грузчиком, строителем, археологом, преподавателем рисунка и живописи. Дипломированный фотохудожник, дизайнер.

Автор романа «Стекло» (2010). Издатель и составитель сборника «Плохое время для героев» (2011), сборника «Души прекрасные порывы» (2017) и сборника прозы и поэзии «Мои лабиринты» (2021). Один из основателей мультикультурного Объединения радикального творчества.

Живет в Нижнем Новгороде.

ВОРОБУШЕК

Для Таси

Когда твое такси скрылось из вида, я еще долго стоял на одном месте, глядя в ту точку, где автомобиль прощально моргнул мне габаритами. Затем поднял глаза, посмотрел в черное небо, посыпавшее город колючей снежной картечью, натянул капюшон, уже не волнуясь, что волосы паклей прилипнут ко лбу, и зашагал прочь без какого-либо вменяемого маршрута.

Зима еще огрызалась последними метелями, но атаки ее захлебнулись, исчерпав боекомплект. Февраль, растеряв все снабжение, сегодня перевалил за свою середину. Несмотря на то что девушки на улицах еще прятали от снега и ветра букетики в этот насквозь коммерческий праздник, мобики в окопах месили уже совсем весеннюю грязь.

Все шло своим чередом. Кто-то сбежал из страны, кто-то мобилизовался и уехал на фронт, кто-то, как я, просто болтался без дела по городу, не зная, куда себя деть. Лента новостей полыхала невиданными сражениями ботов, бурлила проклятьями, зевала докладами и сообщениями о погибших и раненых, которые приходили теперь почти каждый день, одинаковые и скучные . Хорошо, что ты не читала такие новости, порой даже мне становилось от них тошно, я с удовольствием и сам бы их не читал.

Мы встретились пару лет назад, и, кроме той, первой встречи, у нас было еще несколько свиданий. Не знаю, что ты сама думала о них, но я определенно считал эти встречи свиданиями. А поскольку в последнее время мне не с кем стало разговаривать, делиться мыслями и происходящим

вокруг, то я начал разговаривать с тобой, избрав для этого достаточно необычный способ. Наши встречи были настолько редкими, что я принялся обо всем рассказывать тебе мысленно, и с тех самых пор ты всегда находилась рядом со мной, пусть даже несколько виртуально.

В конце концов, у людей есть не только внешний, но и внутренний мир, так почему тебе не пожить в моем? Пусть в нем обитают не одни лишь мрачные призраки.

Тем временем война затягивалась. Быть позитивным и видеть вокруг только хорошее решительно не получалось. Но война контрастна, на фоне самых черных теней свет воспринимается ярче. В этом красота войны.

Однажды я обещал тебе доказать, что война бывает красивой. Тогда я не знал, что мое стремление забросит меня в самую ее столицу, в город, имя которого звучит чаще других из любого утюга, телевизора или компьютера. В город, в котором, несмотря на обстрелы, распускаются цветы, а люди делят со мной последнюю банку консервов. А вокруг будет весна, и я буду курить на пустой, словно вымершей, простреленной насквозь улице, и только фонарь составит мне компанию.

В один прекрасный день мне позвонил мой донецкий товарищ по имени Денис и в ходе беседы, шутя, пригласил меня к себе в гости, а я, не придав значения своим словам, неожиданно для себя согласился.

«Серьезно приедешь?» – удивился Денис. «Почему нет?» – не менее удивленно подтвердил в ответ я.

Поразмыслив, я, конечно, пришел к выводу, что затея, мягко говоря, сомнительная, однако заднюю включать было уже поздно. Еще не хватало, чтобы меня посчитали трусом. Я вообще очень легко ведусь на такие предложения, от этого у меня куча проблем. Это называется «взять на понт». И я боюсь, что однажды кто-нибудь вынудит меня, например, спрыгнуть с крыши. То же самое касается и моих увлечений – дельтаплана, мотоцикла и сплавов на построенных из всякого хлама лодках, вопреки любым требованиям техники безопасности.

Однажды я отдыхал в Абхазии, и хозяйка домика, где мы с друзьями снимали комнату, настоятельно рекомендовала нам ни в коем случае не лазить по местным развалинам, так как они до сих пор заминированы. Но развалины были столь притягательны и живописны, что, вооружившись фотоаппаратом, я, конечно, туда полез. Тогда обошлось. Обойдется ли в этот раз?

И вот в один мартовский вечер я, стоя на автовокзале нашего города и жуя пирожок, безразлично наблюдал за воробьем, который прыгал вокруг меня и что-то отчаянно чирикал.

Но это было позже. Сейчас же, возле такси, ты обняла меня на прощание и как-то очень наивно положила мне голову на грудь. Мне нестерпимо захотелось смахнуть ладонью колючий снег с твоих волос, но я этого не сделал. А еще я, неизвестно почему, прошептал про себя: «Воробушек». Не знаю, как такое сравнение пришло мне на ум. «Маленький, хрупкий, тебя защищать хочется! Всегда теперь буду тебя так называть». Но я опять ничего тебе не сказал, и ты уехала, а я остался стоять, глядя в черное небо.

* * *

Эта поездка – еще одна из дурацких авантюр, в которые я влезаю с завидным постоянством. Я говорил тебе однажды, раздуваясь от важ-

ности, что нарочно ищу сложные жизненные маршруты, для того чтобы жизнь была интересней.

Это не так. Точнее, не совсем так. В действительности я с детства привык вначале делать, а потом уже думать, что неизменно приводило к самым непредсказуемым последствиям. Меньше всего хотелось бы рассказывать тебе про исключительность и «некаквсейность» своего характера, как это любят делать многие искатели адреналина. Мне одинаково противны как обыватели, так и их оппоненты, эти напыщенные псевдогерои.

Пробираться по колено в ледяной воде болота в непроходимом лесу, а потом месяцами доставать из земли чьи-то чужие кости – профессия археолога, которую я выбирал себе под стать, любимая, но не всегда приятная. Тащить, отдуваясь, в гору неуклюжую на земле конструкцию дельтаплана, чтобы несколько секунд провисеть под ним в воздухе, рискуя затем сломать себе в лучшем случае ногу, – игра, не стоящая свеч. А рокот и фырканье мотоцикла – это всего лишь эхо несбывшейся детской мечты, помноженной на банальные условия городского трафика.

В общем и целом, мои «странствия и приключения» – это всего-навсего следствия необдуманных поступков. Но, безусловно, в таком образе жизни имеются и свои плюсы, мне не придется выдавливать из себя сюжеты для будущих книг.

Шофер посигналил, воробей улетел, я доел пирожок и полез в салон микроавтобуса, который должен был доставить меня в столицу, где мне надлежало пересесть на автобус уже до Донецка.

«Почти тридцать часов на заднице, с одной пересадкой и короткими перекурами, – прикинул я в уме, – сомнительное удовольствие».

Я осмотрелся. В салоне кроме меня находилось несколько вездесущих узбеков, дремал мужик пролетарского вида и две девочки-нимфетки громко обсуждали ролики в интернете.

Сейчас дверь микроавтобуса закроется, и время потечет совсем в другом ритме, а все эти люди и многие другие, встретившиеся мне позже в пути, превратятся в декорации. Так будет продолжаться ровно до тех пор, пока подошва моего запыленного ботинка вновь не коснется этой платформы. Если я, конечно, вернусь.

Знаешь, у меня в последнее время появилось странное чувство, что теперь есть то место, куда можно вернуться. Раньше такого места у меня не находилось, и я был волен болтаться где попало с наплевательским отношением как к самому себе, так и ко всему, что меня окружало. Но микроавтобус тронулся, остался за спиной наш с тобой мирный город, а за мной по всем дорогам потянулась теперь звенящая цепь невидимого якоря.

* * *

– Первый раз? – пограничник оторвал взгляд от монитора и внимательно посмотрел на меня.

– Да, – кивнул я в ответ.

Он еще раз взглянул на меня, теперь как на полного кретина, и снова уставился в монитор. Я же раздумывал над тем, не связана ли заминка на КПП с моим сомнительным политическим прошлым, настоящим и, видимо, будущим. Но все обошлось, покопавшись в компьютере, пограничник вернул мне документы, и я вышел на улицу к автобусу и ожидавшим возле него только меня остальным пассажирам.

Еще в Москве на автовокзале, когда покупал билет, я заметил несколько странное к себе отношение. Кассирша, услышав, куда я еду, принялась слишком участливо разъяснять мне подробности отправления автобуса, расписания остановок и прочие детали поездки. Мне даже стало интересно, сколько молодых людей с рюкзаками цвета хаки проходят мимо нее каждый день.

В салоне оказался только один парень, которого я мысленно отделил от остального дорожного люда. На нем были черные тактические брюки, берцы-облегченки, а из-под воротника куртки выглядывала татуировка с трилистником клевера, набитая на шее. С ним мы покурили пару раз на остановках и обменялись незначительными фразами. Остальные же пассажиры были явно гражданскими и занимали примерно одну пятую мест от общего числа в почти пустом двухэтажном донецком автобусе.

Я, расположившись сразу на двух креслах, было решил, что доеду до места с комфортом, но после Воронежа народ стал прибывать, и вскоре на соседнее кресло втиснулась объемистая тетка с авоськой. Прижавшись к окну, я попробовал читать, но голова была тяжелая, и слова «Конармии», которую я брал в дорогу, отказывались складываться в осмысленные предложения. Строчки расплывались и прыгали, и вскоре я задремал, очнувшись уже на КПП.

Пройдя пропускной пункт и глядя в окно, за которым была абсолютная чернота, я немного поразмыслил над тем, что теперь нахожусь на территории воюющей республики, но сделал для себя вывод, что внутренне во мне ничего не изменилось. Сознание безразлично прочертило границу на невидимой карте, только и всего. Не было ни страха, ни боли, не было обстрелов и развалин, я не видел искореженной техники и чужого горя, не было людей. Была только непроницаемая чернота стекла, прыжки автобуса на неровной дороге и условная линия, разделившая нас с тобой.

Покопавшись в телефоне и поняв, что за условной линией исчезли интернет и мобильная связь, я стянул с себя куртку, повозился в кресле, безуспешно пытаясь придать комфортное положение телу в отведенном мне теткой пространстве, и, с досадой вздохнув, окончательно закрыл глаза.

Снилась почему-то бывшая, с которой мы ругались за столиком в кафе. Она долго выговаривала мне что-то обидное, а затем ушла, прежде чем я успел ей ответить, дверь за ней захлопнулась, а я, с трудом проснувшись, отделался, наконец, от неприятного сна.

Автобус не двигался. По возне в салоне я понял, что это очередная остановка. Куртка, которую я подкладывал под голову, сползла, и физиономия моя частично приклеилась к стеклу. Я разлепил глаза и, не отрывая от стекла головы, уставился в хмуро начавшееся утро.

На фоне однообразного неба то тут, то там торчали ровные зубцы терриконов. «Слишком ровные», – вяло подумал я, вспоминая, что терриконы видел в детстве на Урале, но они были там немного другие и назывались как-то иначе.

Еще за окном находилась пара ларьков и улица в стройный ряд двухэтажных домов. Но линия крыш вдруг оборвалась под моим сонно блуждающим взглядом. Одного из домов на месте не оказалось. То есть он должен был там быть, как, например, зуб в челюсти, но его там не было, и от этого картинка выглядела неправильной и неестественной.

– Господи! – зашептала потеснившая меня в Воронеже тетка; когда автобус тронулся, мы проехали мимо и смогли рассмотреть то место, где находился провал. Ни развалин, ни следов пожара я не заметил. Так

бывает, когда на целом яблоке появляется первый след от укуса. Словно улицу кто-то укусил.

По разговорам пассажиров я понял, что мы проехали Макеевку.

Многократно слышимые ранее названия начинали вплывать в мою нынешнюю реальность и обретали в ней форму.

Далеко ли Макеевка от Донецка, я не знал, да и вообще не имел ни малейшего понятия, где нахожусь. Спрашивать у соседей мне не хотелось, а ориентироваться по времени прибытия, указанному в билете, было нельзя. Нас предупредили еще на столичном вокзале, что автобус запросто может опоздать на пару часов. «Если вообще доедет», – добавил тогда я про себя.

Сейчас же где-то неподалеку от нас несколько раз ухнуло и продолжило ухать подальше, уже за спиной. «Доберется ли автобус?» – вопрос из области черного юмора сразу перекочевал в насущную область. Но я отметил, что данный факт нисколько меня не встревожил. Автобус вполне может не доехать, но я решил разбираться с проблемами по мере их поступления, поэтому полез в карман за влажными салфетками и попытался привести в порядок свою помятую в дороге рожу.

Влажные салфетки крайне полезная вещь, когда в городе перебои с водой. Эти перебои спустя некоторое время стали волновать меня куда больше постоянных обстрелов. «Умирать надо опрятным», – думал я, недобро поглядывая на выломанные рамы окон, наспех заколоченных листами OSB прямо над моей головой. Без воды опрятным быть тяжело, а умирать грязнулей неудобно перед людьми.

Странные мысли приходили там на ум, но об этом я расскажу тебе немного позже. А сейчас, все же нетронутым добравшийся, автобус тормозил на площади вокзала «Южный» города Донецка.

* * *

– Не пристегивайся, – предупредил меня таксист, когда мы, с моим товарищем Денисом, забрались в машину, а я, плюхнувшись на переднее сиденье, по привычке потянул на себя ремень, – будет прилет, отстегнуться не успеешь.

«Ох уж мне эти предосторожности, – зло подумал я. – Если прилетит поблизости или же непосредственно в машину, то какая мне на хрен будет разница, пристегнут я или нет?»

Меня всегда умиляли некоторые правила безопасности. Например, обязательный шлем вкупе с дельтапланом. При нужном «везении», если воткнуться носом в землю, свалившись с порядочной высоты, голова твоя, возможно, уцелеет, а вот плечи… плечи, скорее всего, вырвет рамой, и у тебя будет замечательная возможность оценить, что плеч у тебя больше нет. Это как спасательный круг в северных морях – промучаешься чуток подольше. Про такие естественные здесь вещи, как каски и броники, даже заикаться не стоит, тут каждый решает сам.

Я оставил в покое ремень безопасности, чтобы не обижать таксиста, хотя предпочел бы пристегнуться. Большинство местных водителей ездят здесь как попало, а военным на правила дорожного движения вообще насрать. Нет, под танк, конечно, попасть сложно, танков я в городе, по крайней мере, не видел, а вот заехать под какой-нибудь армейский «Урал» проще простого.

Я знаю, что такие детали не слишком тебя заинтересуют, но мне придется упоминать о них и дальше. В этой картинке важны даже невыразительные для тебя штрихи.

Мы перекусили у подруги моего товарища и отправились в центр города уже на автобусе.

Дожидаясь его на остановке, я разглядывал синеватые пирамиды терриконов вдалеке, когда оттуда отработали «Грады». Залпов слышно не было, но дымные шлейфы их снарядов потянулись куда-то в сторону Авдеевки и некоторое время висели в воздухе, пока не растаяли на легком ветру.

Тут же прилетела ответка. Разрывы ее снарядов напротив были слышны хорошо, но куда они угодили, видно не было, а канонада продолжилась, уже удаляясь.

К канонаде я привык почти сразу, как приехал. Она постоянна, и привыкнуть к ней довольно легко, как к тиканью часов или, например, к капанью воды из протекающего крана. Лишь первое время я донимал Дениса вопросами о том, «прилетело» это или «улетело». Он мне объяснил, и через какое-то время я решил, что научился разбираться в происхождении различных тревожных звуков. Как позже выяснилось, думал я так зря.

Тем временем потрепанный «пазик» довез нас до центра, и, спугнув стаю нахальных голубей, мы затопали в сторону бульвара Пушкина.

Голубей здесь, кстати, полно, и среди них очень много белых. Никогда не видел столько белых голубей. Ты бы, наверное, тоже удивилась.

Эти птицы мира прекрасно приспособились к войне. Они привыкли к обстрелам, их численность на улицах возросла, в отличие от людей, которые сидят по домам. А вот воробьев я почему-то здесь почти не видел.

Тебя, Воробушек, мне тоже тяжело здесь представить. Нет, на улицах много девушек, в процентном соотношении к остальным прохожим. Они ничем не отличаются от девушек в нашем с тобой городе: каблучки, весенние короткие юбки. Многие из них служат, многие специально приехали сюда из других городов, где-то здесь, в волонтерских организациях, есть даже пара моих подруг.

Но тебя представить в этом городе у меня не получится. Да и не хочется мне тебя здесь представлять. Ты настолько чужда происходящему вокруг, что я не уверен, поймешь ли ты все то, что я захочу тебе рассказать.

Ты далеко, и слава богу, а я здесь, и я буду гулять по бульварам, слушая неумолкающий назойливый гул.

Ты не любишь эту войну, ты вообще войну не любишь. «Зачем это все нужно?» – спросила однажды ты.

Я не знаю. Может быть, только затем, чтобы однажды «здесь» не оказалось около тебя.

Побродив по центру, мы зашли в пиццерию. Я взял себе кружку местного пива, непьющий Денис заказал себе кофе. Мы прошли в пустой зал и уселись за столик у окна.

Здесь не Сталинград, конечно, кафе и бары работают, хотя многие из них закрыты. Работает сеть местных супермаркетов, не столкнувшись еще с натиском «Пятерочек» и «Магнитов». Подобная встреча сулит супермаркетам катастрофу похуже любой стрельбы. Открыт кинотеатр, и на его экранах все те же шедевры отечественного кинематографа. Центральный рынок открыт, несмотря на то что недавно попал под обстрел.

Но людей везде было мало. Я поглядел в окно на пустынную улицу. Если выйти в нашем городе погулять воскресным утром, то будет так же безлюдно, как субботним вечером в Донецке. Позже один ополче-

нец ответил на мой вопрос о том, почему сидеть в доме безопаснее, чем находиться на улице.

«Чтобы сложить дом, надо его целенаправленно обстреливать, – объяснил он, – одного снаряда недостаточно, а кому придет на ум специально шмалять по зданию с гражданскими и тратить на них боезапас?»

Больших разрушений в центре я действительно не заметил, но это не значило, что их не было совсем. Хвала коммунальщикам, они моментально латали посеченные осколками дома и чинили разбитые тротуары. Времени не хватало только на окна. Оттого многие из них были забиты плитами OSB, и если оглядеться по сторонам, то становилось понятно, куда именно недавно прилетело. Почему именно OSB, осталось для меня загадкой.

После девяти вечера город совсем вымирал. Закрывались кафе и супермаркеты, переставал ходить транспорт, а запоздавшие прохожие спешили по домам. На улицах оставались лишь редкие подвыпившие компании или же бродили небольшими группками военные. Первое и второе легко могло совмещаться.

Касаемо военных – конечно, это были не солдаты регулярных войск, а скорее представители разношерстных добровольческих формирований. Шевронов и других знаков различий они, как правило, не носили, оттого, кто перед тобой, понять было практически невозможно. Естественно, что подобные личности не были, аки Рэмбо, увешаны с ног до головы всевозможным вооружением, но гадать, не припрятал ли за пазухой подвыпивший боец гранату, у меня никакого желания не возникало, поэтому я, если мне случалось совершить вечерний променад, обходил таких персонажей стороной.

Тем не менее город продолжал жить своей околовоенной жизнью. Люди вставали утром, одевались, завтракали и, пробив в компостере билет, ехали на работу. Компостер, разумеется, вызвал у меня настоящий восторг!

Он, понятное дело, был не таким, похожим на дырокол, приспособлением, как в моем незапамятном детстве, но от него все равно потянуло теплом воспоминаний. На долю секунды меня перебросило из троллейбуса в воюющем городе на десятки лет назад в желтый автобус ЛиАЗ, к инею на его стеклах, в маленький сибирский городок за окном.

Но местные жители привыкли к компостерам, к тому, чтобы каждый день пробивать в них свой билет. За девять лет притупятся любые чувства, кроме, пожалуй, усталости. Она будет только копиться. Я видел ее здесь на многих лицах мужчин и женщин, молодых людей, и на лицах совсем юных девушек. И не надо мне что-то рассказывать, сыпать бравадами, я скорее поверю своим глазам. Эти люди устали. Устали и от тех и от этих, устали от пустых надежд и таких же пустых обещаний. И оттого, что хлеб подорожал.

Да. Именно тот самый условный хлеб. В таком состоянии тебе становится пофигу на весь театр военных действий вместе с маршалами и генералиссимусами, пофигу на то, что там удумали президенты и их кабинеты министров, наплевать на всю экономику и геополитику, тебя интересует, когда в твоем магазине появится хлеб, а в кране вода. Нужно правильно расставлять приоритеты.

Мне хотелось бы рассказать тебе об этом больше, но я еще обязательно вернусь к этой теме.

Мы поднялись из-за столика пиццерии, попрощались с девушкой за кассой и, оставив ее одну в пустом кафе, вышли на улицу. Нужно было

возвращаться на квартиру к Наде, подруге моего товарища, где мы временно разместились, сегодня был день воды.

Воду в Донецке давали один раз в три дня с семи до девяти вечера, но этого могло и не произойти, а значит, необходимо было не только успеть провести различные гигиенические процедуры, но и наполнить водой все резервуары в доме. Пятилитровые пластиковые баклажки были обязательным атрибутом почти любых помещений.

Когда я приехал сюда, отсутствие воды стало для меня серьезной проблемой. Дело в том, что у меня уже очень давно выработалась одна привычка, которой я привык потакать. Не знаю, можно ли назвать ее дурной, но заключалась она в том, что я толком не мог проснуться, если прямо из постели не попадал сразу в душ. Это создавало массу неудобств во время экспедиций, политических съездов или литературных семинаров, когда мы делили один номер в гостинице на несколько человек. Обычно я вставал раньше всех, чтобы, никому не мешая, просыпаться под струями воды, а дома даже умудрялся выкуривать первую утреннюю сигарету, стоя под душем. Если же этого не происходило, то мое утро становилось неполноценным и весь последующий день я чувствовал себя неуверенно. Но что поделать, здесь мне пришлось терпеть.

Сегодня вода была, и мы, заказав какой-то еды – доставка в Донецке тоже работала, – и вытащив из холодильника пару запотевших бутылок, расселись в гостиной за маленьким столиком. За окнами были слышны далекие разрывы, в ванной шумел кран, и, ведя неторопливую беседу, мы отвлекались от нее только на то, чтобы поменять баклажки.

Я старался посвятить новоиспеченных россиян в тонкости российского быта, они же делились со мной подробностями будней донецких.

– Да, – вспомнил я, – я хотел в качестве сувенира осколок домой привезти, желательно не в собственном теле. Где мне его взять?

– На балконе посмотри, – улыбнулась Надя. – Там в шкафу кусок от снаряда лежит.

Куском от снаряда оказался блок стабилизатора ракетной части реактивного снаряда установки «Град», стодвадцатидвухмиллиметровая стальная хреновина, весом килограммов шесть и сантиметров тридцать в длину.

– Мне его друзья на день рождения принесли.

Надя тоже выглянула на балкон, где я вертел в руках ржавую железяку. Железяка была безвредной, но, несмотря на это, выглядела крайне опасно.

– Где они его взяли?

– Да здесь недалеко, в лесопосадке нашли, мы потом в него цветочки ставили. Если хочешь, забирай, – закурив сигарету, добавила Надя.

– Если его у меня на КПП найдут, то меня посадят. Не исключено, что прямо на него, – мрачно пошутил я и тоже закурил.

* * *

– Когда уже воду нормально дадут?

– Когда Славянск возьмем.

– Пойдем возьмем?

– Пойдем.

Двое добровольцев лениво шутили, стоя за барной стойкой, когда я спустился в штаб.

Формально я относился к одному из добровольческих движений, а в кармане у меня лежал шеврон с изображенной на нем гранатой. Прав-

да, прилепить мне его было некуда, я сознательно не брал сюда из дома армейских вещей и ходил исключительно в гражданке, инстинктивно чувствуя, что этот городской доспех прикроет меня лучше камуфла. Но шеврон с собой носил, так, на всякий случай.

После выходных моим друзьям нужно было выходить на работу, и оставаться у них мне было неудобно, поэтому я, подхватив рюкзак, отправился селиться в местный штаб организации. Кров и пища для приезжих волонтеров в нем имелись, и посильная помощь требовалась всегда.

Штаб находился в подвале, в бывшем помещении маленького бара, неизвестно какими путями доставшегося движению, и от бара там сохранилась барная стойка и стеклянный холодильник, в котором обычно хранят пиво и газировку. В основном помещении, по углам, на сложенных друг на друга поддонах размещались несколько лежаков, на одном из которых я позже и расположился. Там же была небольшая кухонька, со всем необходимым, туалет и подсобка, переделанная под склад. Стены были увешаны флагами и плакатами, а свободное место делили между собой различные детали военного обмундирования и вездесущие баклажки с чистой водой.

В штабе вечно толкался разношерстный народ. Волонтеры и журналисты, мобилизованные в увольнении и добровольцы. Кто-то приходил или уходил, приезжал или уезжал. Здесь можно было отдохнуть и переночевать, перекусить или же просто выпить кофе. В штабе всегда бурлила околофронтовая жизнь.

Своего земляка Юру я разыскал в подсобке.

– Пойдем, поможешь мне замок к двери приладить? – с ходу деловито предложил он, доставая из недр стеллажей испачканный маслом замок.

– Пойдем, – пожал я плечами.

– Прилетело тут недавно, – уже на улице буднично бросил Юра, заметив, что я разглядываю разбитые рамы первого этажа, прямо над нашими головами, – вон туда, на проезжую часть.

Я оглянулся. Действительно, в окнах первых этажей окружающих домов не было стекол.

– Посвети телефоном, а то я шурупа не вижу…

Внезапно, казалось, совсем неподалеку пять раз что-то сухо хлопнуло, треск прокатился мимо нас по улице и затих за углом дома.

– ПВО, что ли, наше работает? – пробормотал под нос Юра, продолжая ковырять отверткой замок. – Ты к нам надолго?

– Не очень, – перестал озираться я, – так, осмотреться…

– Ты вовремя, вечером девчонки шашлыки обещали. Поедешь завтра к Аркадичу?

– Что за Аркадич?

– Как тебе сказать? – Юра, наконец, закрутил неподатливый шуруп и выпрямился. – Завтра сам увидишь. У него, в общем, надо было уголь для шашлыков брать. У Аркадича угля много.

Перепрыгнув через бордюр, за нашими спинами на тротуаре остановился короткий белый микроавтобус «Тойота». Из него выскочил парень в камуфляже и с таким же шевроном на левом рукаве, что лежал и в моем кармане.

– Вы чего на улице делаете? – вместо приветствия выпалил он. – Прилет же был рядом!

– Где?

– Там, – парень неопределенно махнул рукой в ту сторону, где только что раздавались хлопки, – мирняк вроде посекло. Оглохли вы, что ли?

– Да слышали, – Юра покосился на меня, – замок вот чинили.

– Ну вы на всю голову… – парень закурил, – замок они, блин, чинили! Принимай обновку, – обратился он уже к Юре и кивнул на белый микроавтобус.

– Откуда подгон? – Юра пнул по широкому колесу «Тойоты» и заглянул в салон.

– Ну как обычно, всем миром собирали по копеечке, плюс власти раскошелились. Вещь! – Парень, которого звали Леха, обошел вокруг автомобиля. – Дизельный, полный привод. АГС бы еще в него поставить, цены бы ему не было! – мечтательно добавил он, осмотрев заднюю дверь машины.

– На склад генераторы приедут в пять, – оборвал Юра его грезы, – надо ехать разгружать. Вот и обкатаем обновку.

Я тоже решил поехать на склад. Просиживать штаны в штабе становилось скучно, да и бездельничать мне не позволяла совесть. Поэтому, прихватив пару сигарет с барной стойки, там всегда валялись несколько общаковых пачек, а мои деньги постепенно заканчивались, я пятым полез в «Тойоту», вслед за двумя молодыми парнями, волонтерами из Питера.

Мы проехали центр и, минуя обложенную мешками с песком заправку, повернули в промзону. Потянулись притихшие заводы, их огромные пустые здания выстроились вдоль дороги, трубы не дымили, а большие железные ворота проходных давно некому было открывать. Зато то тут, то там к заводским заборам прилепились многочисленные салоны ритуальных услуг, пыльные пластиковые венки висели на стенах, а из дворов, если таковые имелись, маячили серые силуэты надгробных плит.

Но жизнь все-таки продолжалась. Странная, на контрастах, жизнь. Когда мы сворачивали к складу, мимо нас с ревом промчался блестящий хромом и глянцевыми боками мотоцикл. Я с недавних пор стал внимательнее присматриваться к мототехнике, и мне показалось, что это был «Харлей Дэвидсон», совсем неуместный здесь, среди брошенных громадин заводов, но подробно разглядеть мне его не удалось.

– Да че вы их вчетвером таскаете?! – орал на грузчиков водитель КамАЗа, когда мы въехали на территорию склада. – Берите вдвоем! Мне их вот такие студенты, – водитель продемонстрировал грузчикам мизинец, желая объяснить физические характеристики студентов, – вдвоем грузили!

– Вот и вез бы сюда своих студентов, а нам здесь еще до темноты пахать, – огрызались в ответ грузчики.

– Да какой дурак сюда поедет? – грустно вздохнул водитель, намереваясь забраться в свою кабину.

– Не кипятись, земляк, – Юра хлопнул его по плечу, – мы же приехали. Сейчас все разгрузим.

На номере КамАЗа стоял код нижегородского региона, и поэтому водила, благодарно крякнув, взялся нам помогать. Но, несмотря на это, дело пошло немногим быстрее. Весившие по сто двадцать килограммов коробки с генераторами выскальзывали из рук, пальцам не за что было уцепиться, и в итоге мы провозились с ними до самого вечера.

Костер уже догорал между сложенных вокруг кирпичей, когда мы вернулись в штаб.

– Осталось что-нибудь? – поинтересовался Юра, подходя к огню.

– Да, мы вас ждали, – поднялась навстречу девушка Ольга, руководитель штаба, – чего вы так долго?

– Да… – вместо ответа махнул рукой водитель Леха, отряхивая свою запыленную «горку», – так где мясо-то?

– Внутрь унесли, – Ольга оглядела потемневший двор. – Надо будет здесь прибраться на днях, мусор, листья, палки всякие валяются, некрасиво, – добавила она и притоптала подошвой тактического ботинка остывающие угли.

К вечеру в штабе осталось совсем мало людей. Кроме нас там была еще только пара питерских волонтеров. На складном походном столике стояла тарелка с дымящимися кусками мяса, буханка ржаного хлеба, несколько бутылок вина и пара бутылок джина. Дополнял натюрморт армейский нож с зазубренным сверху лезвием.

Не дожидаясь остальных, Леха воткнул нож в ближайший кусок и, обжигаясь, ухватил его зубами.

– Не ешь с ножа, злой будешь, – улыбнулась, глядя на него, Ольга.

– Я и так злой! – промычал Леха в ответ.

– Жестковато получилось, – Ольга принесла с кухни посуду, – надо было шею брать, но ее не было, пришлось купить окорок.

Дневная усталость дала о себе знать, и в основном все ели молча, разместившись на лежаках, время от времени поднимая из своих углов пластиковые стаканы и произнося дежурные тосты. Так и не допив вино и едва попробовав джин, люди начинали раскладывать спальники. Я тоже клевал носом, но все же решил перед сном подняться на улицу и выкурить дежурную сигарету.

Арта громыхала за городом отдаленными грозами, но здесь было тихо и даже спокойно. Совершенно пустые улицы освещали только фонари, и создавалось ощущение глубокой ночи, хотя часы показывали чуть больше двенадцати. Окна в домах не горели. Позже Леха рассказал мне, что высотка напротив штаба полностью пуста, а жильцы уехали оттуда после прилета.

Я докурил, выбросил сигарету и вдруг почувствовал себя единственным человеческим существом во всем городе. А Донецк забылся вокруг меня тяжелым тревожным сном, и неизвестно зачем освещали его безлюдные улицы, площади и проспекты никому не нужные фонари.

* * *

Аркадич, несмотря на свои восемьдесят два года, оказался весьма бойким стариком. Он везде и всюду старался нам подсобить и не слушал наших протестов. Был, казалось, сразу за каждым углом и в каждой разрушенной комнате.

Я не уточнял, что конкретно прилетело к нему в дом, но, судя по виду, остальные дома в частном секторе оставались целыми, а вот дом Аркадича превратился в руины. Второго этажа не было вовсе, первый же выгорел и частично обвалился. Попадание получилось достаточно точным, с небольшим разлетом, на заборе из профнастила, в двух метрах от дома не было ни царапины, так же не пострадали и бытовые постройки. В одной из них и ютился теперь Аркадич.

Мы приехали примерно к обеду. Я и два молодых питерских парня, Никита и Дмитрий, те, что помогали вчера разгружать тяжелые генераторы.

Наши волонтеры приезжали сюда уже не в первый раз, когда было время и когда люди не были заняты на других работах. Разгребали завалы, вывозили мусор и старались спасти то немногое уцелевшее, что не уничтожил пожар.

Аркадич был благодарен и обычно в конце дня угощал чем мог приехавших к нему парней и девчонок. Водилась у него и водка. Поэтому поработать у Аркадича считалось делом весьма почетным.

Натянув на себя чьи-то промасленные штаны, спецовку и вздохнув о том, что подходящей обувки в штабе для меня не нашлось, я тоже отправился к нему.

Войдя во двор, переступая через куски бетона, я вдруг поймал себя на мысли, что стараюсь обходить обломки только затем, чтобы не поцарапать о них свои «рейнджеры», не задеть ненароком носком ботинка обугленный кирпич.

Мне стало стыдно, я пинком отшвырнул в сторону кирпичный осколок, но все-таки решил раздобыть у Аркадича рабочую обувь.

Я снова вспомнил этот пустяковый случай, когда вернулся в штаб. Случай наглядно продемонстрировал ту самою пирамиду ценностей, в которой находились вода и хлеб, и прочие, казалось, мелочи, для местных жителей, по сравнению с глобальными событиями, происходящими вокруг. Об этой шкале приоритетов я заикался тебе ранее.

Ты можешь себе представить, что где-то совсем рядом сходятся две армии и люди рвут друг друга в клочья, совсем близко падают снаряды, постоянно слышен гул канонады, а ты стоишь на горячих еще развалинах, чешешь репу и думаешь: «Грязно тут у вас, как бы мне ботинки не испачкать»?

Человек на войне быстро учится ценить то немногое, что у него осталось, и то, на что он еще способен повлиять. Предотвратить попадание невозможно, а вот уберечь условные ботинки вполне по плечу.

Войдя во двор, я искренне обрадовался тому, что в огороде у Аркадича стояли две ванны, наполненные чистой водой. Я сильно хотел пить, а еще переживал, чем буду оттирать сажу с лица после работы. Конечно! О чем еще здесь переживать?

Из предложенных инструментов я выбрал почти родной в моей археологической работе «фискарь». Полностью металлическую лопату марки Fiskars. Уж не знаю, откуда она оказалась у Аркадича. Я повертел в ладонях привычную железную рукоятку, проверил лезвие, его стоило бы заточить, но, чтобы копать камни, оно, в принципе, подходило.

Фискарь, лязгнув, зарылся в кучу бетонного крошева. Работа началась. Из-под обломков показались первые артефакты. Оплавленные компьютерные диски. Они все еще переливались тускло потемневшей радугой.

Один из них уцелел, на нем виднелась сделанная черным маркером надпись: «Семейный архив», но вряд ли диск читался после такого жара.

Остатки бытовой техники, осколки посуды, словно кусочки керамики, выныривали из-под стального лезвия. Все это безжалостно сыпалось в мусорные мешки, набитые прошлым добродушного старика.

Я вошел в раж. Типичный азарт археолога, которому не терпится узнать, что покажется из-под лопаты в следующий момент.

Внезапно фискарь неприятно спружинил назад при следующем ударе. Так бывает, когда под лопату попадает резина, ткань или достаточно плотная бумага. Я пошарил за спиной рукой в поисках совочка, сообра-

зил, наконец, что я не на раскопках, взял какую-то палку и расковырял ею кирпичный балласт. Под ним, среди углей, белел корешок книги, я потянул за него, вытащил и грустно улыбнулся. Книга называлась: «На Западном фронте без перемен». Я отложил ее в сторону и снова загнал лезвие фискаря в обугленную глубину завала, но эффект повторился.

На этот раз я, чуя очередную добычу, поумерил пыл. Кончиком штыка срезал несколько сантиметров угольно-пыльной поверхности и выудил на свет следующую книгу. Ту самую «Конармию», что лежала и у меня, на дне моего рюкзака.

Дальше книги шли одна за другой. Чего тут только не было! Научные труды, большие и тяжелые фолианты энциклопедий, разноцветные альбомы известных художников, советская и зарубежная классика.

Теперь уже мы, с моими коллегами-волонтерами, все втроем кинулись руками разгребать мусор, выхватывать из его недр новые находки и, в восторге, стирать с них копоть грязными ладонями. Библиотека Аркадича действительно впечатляла.

Удивительно, но книги практически не пострадали, испачкались, закоптились, но странички их остались целыми. Только чуть суховатыми и ломкими на ощупь. Такого не бывает у домашних, благополучных книг.

Осторожно мы выносили их во двор, складывали стопками и укрывали брезентом.

Под конец рабочего дня у меня выдалось время отложить фискарь и немного осмотреться.

Начало смеркаться, и руины, окончательно растеряв скупые цвета, почернели и замерли неестественным силуэтом разрушенного дома. Парни ушли ужинать в бытовку к Аркадичу, я же, включив камеру в телефоне, решил еще раз пройтись по комнатам.

О назначении их я мог догадываться только по сохранившейся кое-где мебели.

Первая комната была почти не тронута огнем. Небольшой диванчик устроился в углу, простой, еще советский письменный стол, упавшие табуретки, одна которых беспомощно подняла ножки к потолку. Обои в цветах едва попробовало пламя.

Кухня тоже уцелела. Все находилось на своих местах. Газовая печь, раковина, в ней повернутый набок кран, кастрюльки на полках, чайник на плите. Застывший мирный быт, жуткая в своем спокойствии кухня.

Взрывная волна не пожелала сюда заглянуть, огонь побрезговал предложенным угощением. Ни один магнитик не упал с холодильника, ни одна ложка не скатилась со стола. Все осталось на месте, но все почернело, каждая мелочь сделалась угольно-черной. Война порой бывает большим оригиналом.

Я, будучи дизайнером по образованию, по достоинству мог оценить эти ее таланты. Война с легкостью превращала в арт-объекты не то что дома и улицы, но целые города. Мне было чему поучиться у этого маэстро. И, что скрывать, камеру в телефоне я включил в том числе и затем, чтобы запечатлеть ее дизайнерский проект.

В следующей комнате меня ждала следующая инсталляция. Задумка была не нова, идеальным было исполнение.

В одном из отсеков обугленного шкафа помещался телевизор. Благодаря умелым рукам огненного скульптора телевизор показал свое истинное лицо. С полки стекало расплавленное чудовище – олицетворение ужаса и боли.

Пару дней назад в центре города снаряд угодил в тротуар рядом с витриной одного модного магазинчика. К тому времени, когда я проходил мимо, витрину уже залатали вездесущим OSB, но вывеску не тронули. Что было там написано раньше, разобрать не представлялось возможным. Буквы вырвало взрывом, и они повисли на проводах электроподсветки в неправильном порядке. Жутко становилось от того, что буквы будто бы складывались в короткие и отрывистые слова, похожие на гортанное воронье карканье, а слова, в свою очередь, в предложение из двух строк. В том странном языке доминировали согласные, гласных букв почти не было. Так война изобретала свой собственный язык.

Вечер опустился на импровизированную галерею. Скелет лестницы, упиравшийся рогами в пустоту, причудливые силуэты обвалившихся стен скрывала темнота, и я решил присоединиться к моим трапезничающим коллегам.

Когда я вошел, Аркадич вскрывал банку с паштетом. На столе стояла консервированная сайра, сардина, лежала распакованная пачка галет. Галеты в данном случае предполагалось употреблять в качестве хлеба, паштет стоило намазывать именно на них.

– О, писатель вернулся! – усмехнулся Аркадич, обернувшись ко мне. Видимо, кто-то из молодых коллег уже взболтнул ему о роде моих занятий. – Присаживайся к столу, угощайся Батькиными подарками.

– Покорнейше, – улыбнулся я и полез на свободное место.

«Батькиными подарками» Аркадич шутя именовал гуманитарку из Белоруссии. Да и вообще он любил шутить.

Много лет Аркадич трудился на научном поприще, о чем поведал нам, разливая водку. Даже изобрел какие-то «магниты». Что это за магниты и зачем они нужны, я как истинный гуманитарий, конечно, не понял, но было ясно, что открытие крайне полезное.

Его помотало по тогдашней, еще общей стране, в связи с чем у него накопилось множество интересных баек, которыми он с удовольствием делился. Случилось ему жить и работать и в нашем с тобой мирном Горьком городе.

Я смотрел на него и поражался тому, сколько тепла осталось в этом пожилом человеке.

Аркадич тем временем пододвинул банку с рыбой ближе к центру стола, кивнул на нее волонтеру Никите и хлопнул того по плечу.

Сколько таких банок у него самого? Сколько галет? У него за спиной была долгая и сложная жизнь, и вот на финишной прямой случайный снаряд превратил всю его жизнь в руины, и никуда не годный диск «Семейный архив» торчит там среди обломков кирпичей. А он, Аркадич, улыбается и продолжает угощать галетами и водкой совершенно случайных для него людей, сидя в маленькой бытовке, в прифронтовой зоне, на самом берегу войны.

Мне почему-то вспомнилась история об одном профессоре математики из блокадного Ленинграда. Суть истории была в том, что профессор высчитал процент попадания авиабомбы именно в его квартиру. Процент оказался ничтожным. Профессор просидел в своей квартире до конца блокады и в бомбоубежище он не ходил.

– Снаряд дважды в одну воронку не попадает, – неуклюже ляпнул я и осекся, когда речь за столом пошла о недавних прилетах.

– А мне и одного хватило, – добродушно заметил Аркадич и разлил остатки водки.

Он подошел ко мне, когда мы уже собирались уезжать.

– Послушай, писатель, ты ведь напишешь о нас? Обо всем этом? Чтобы люди знали…

– Напишу, я обязательно напишу!

Я посмотрел в глаза старика, но опустил свой взгляд на непоцарапанные свои ботинки.

* * *

Ты как-то сказала, что я совсем не знаю тебя, а здесь мне стало казаться, что я знал тебя всегда, просто никак не мог найти.

Но однажды я тебя нашел. Помнишь? Литературный фестиваль, на который я, в общем, не собирался и вдобавок заболел. Но там было назначено несколько важных встреч, и ехать было необходимо. Немного отлежавшись и поскрипев зубами, я с грустью понял, что безнадежно опоздал на наш писательский автобус, а прибыв на вокзал, выяснил, что никаких рейсов в нужное мне место в ближайшие дни не будет.

И вот тогда я совершил тот самый необдуманный поступок, из тех, о которых я тебе уже рассказывал. Хотя меня здорово пошатывало, голова кружилась, а перед глазами расплывались разноцветные круги, я решил, что доберусь на фестиваль во что бы то ни стало.

Не буду считать, сколько километров я прошел пешком, сколько машин сменил, добираясь туда автостопом, но затемно я был на месте. А утром я впервые увидел тебя.

Все эти события я прокручивал в памяти, лежа на поддонах в темноте штаба и дожидаясь утра. Всю ночь я не мог уснуть, у меня такое часто бывает, но сегодняшняя бессонница носила несколько иной характер.

«Может быть, просто весна? – предположил я и сам же себя опроверг. – Весна здесь давно, и я давно акклиматизировался. Зима кончилась и в моем городе, зима кончилась везде…»

Но я чувствовал едва заметную перемену вокруг. Любая вещь, на которую падал мой взгляд, выглядела теперь чуть иначе. Армейские рюкзаки и разгрузки, темной массой сваленные в углу, осколок сто двадцатой мины с хвостовым оперением, что закатился под Лехин лежак и был мне отсюда виден, даже сам Леха, блаженно и глупо улыбавшийся во сне. Все стало чуточку другим, поменяло окрас, посветлело.

Я прислушался к себе. Новое чувство не несло той тревоги, которая в последнюю зиму так часто глодала изнутри мои ребра. Не было тупой отрешенностью, когда я молча наблюдал за сигаретой, пока белый пепел не падал на пол. И безнадегой зимних моих ночей оно тоже не было.

И чувство не было новым. Я просто забыл, как его зовут. Зима кончилась, Воробушек. Зима кончилась и во мне.

– Подъем! – ворвалась в комнату Ольга.

Парни заворочались и заворчали. Я же подскочил сразу, радуясь отсрочке для своих навязчивых мыслей, которые упорно толкали меня к единственно верному объяснению всех моих перемен.

– Та-а-ак, – заприметила меня Ольга, – диспозиция такая: берешь вот этих двух гавриков, – Ольга не глядя кивнула в сторону Дмитрия и Никиты, – и еще одного, он вчера из Ростова приехал, сейчас пока на другой хате сидит, и устраиваете во дворе субботник. Ты за главного. Все понятно?

– Товарищ командир, – деланно заканючил я, настроение мое было странно приподнятым, – дык у нас же ж инструменту нема, негоже пятерней, аки граблями, дворы убирать.

– Не паясничай, – скривилась Ольга, – на складе есть две лопаты и грабли, у Юры спроси. А остальной инвентарь я скоро вам предоставлю.

Пока я брал у Юры лопаты, парни дожидались меня во дворе, туда же подъехал и новенький и теперь нерешительно мялся в стороне. Я оглядел его, он был совсем еще мальчишкой, в какой-то нелепой кепке, в разбитых берцах и растянутой футболке «Гражданская оборона», впрочем, когда-то и я выглядел точно так же.

Я подозвал его к остальным.

– В общем, так, бойцы, делаем следующее: квадратное катаем, круглое… круглое вообще не трогаем, пусть себе лежит. Ну, вы знаете. Погнали?

– А если мы «Лепесток» найдем, его отдельно положить? – вдруг подал голос новенький.

Я уставился на него, силясь понять, серьезно он или нет. Наличие в траве противопехотной мины «Лепесток» было вполне возможным, хотя и маловероятным, встречались они в основном на окраинах города. Но сейчас меня интересовало, шутит ли он или серьезно решил производить с «Лепестком» какие-нибудь манипуляции. Все-таки решив, что шутит, я иронично ответил:

– Лично тебе я разрешаю положить его себе в карман, на память… вечную.

Но, подойдя к зевающему Никите, все же предупредил:

– Вы приглядывайте за ним, как бы он тут у нас на собственной зажигалке не подорвался.

Погода была отличная. Конец марта в Донецке напоминал начало мая в нашем городе. Цвели деревья. Что это за деревья, а быть может, и кусты, я не знал, раньше я таких не видел. Пробивалась зеленая трава, скрывая всевозможные неприятности, а над головой было опасное, но такое синее небо, что кружилась голова, если долго на него смотреть.

– Есть у кого курить? – окликнул я парней, которые втроем безуспешно запихивали в черный пластиковый пакет огромную кучу сухих, жухлых листьев.

– Я хотел в штабе взять, – выпрямился Дмитрий, – но на стойке ничего не было.

– Вот жлобы, – процедил я, – отправили в мусоре копаться и даже куревом не снабдили.

– У меня есть, – опять удивил новенький, – только я таких раньше не видел. «Погони» называются.

Он покопался в своем рюкзаке, извлек оттуда блок сигарет в целлофановой, прозрачной упаковке и протянул мне.

– Ты где их взял? – спросил я, разглядывая сквозь целлофан бело-коричневые, мягкие пачки.

– В ларьке купил.

– Не «Погони», а «Родопи», совсем по-русски читать разучились. – назидательно начал я, и задумавшись, добавил: – Не иначе, дедушкин запас. Я таких с детства не видел. Лучшие сигареты Союза, говорят, когда-то были. Болгарские вроде…

Я повертел блок в руках, акцизы на пачках были свежие, но в Донецке случались и не такие чудеса.

– Народ, гляньте сюда, – отвлек нас Никита, ковырявший неподалеку лопатой листву. – Как думаете, они живые?

– Да, живые, вон та рожками шевелит.

Дело было в том, что под прошлогодними прелыми листьями Никита обнаружил колонию улиток, и событие привлекло всеобщее внимание.

– Это, наверное, виноградные, – неуверенно предположил Дмитрий.

– Нет, виноградные больше, – я знал точно, потому что когда-то виноградные улитки были моими питомцами. Однажды они, непонятно какими путями, сбежали из своего аквариума всем выводком, и я, придя домой, принял их за рассыпанную по полу картошку.

Эти же улитки были размером с грецкий орех, да и выглядели они на орехи похожими. Я протянул одной из улиток палец, и она тут же к нему прилепилась.

– Привет, поедешь со мной на Большую землю? – улыбнулся я. – Я тебя Беженцем назову.

Но, сообразив, что улитка, пожалуй, не выдержит дороги, я опустил «беженца» обратно к его панцирным собратьям.

– Парни, давайте их обратно листьями закидаем, мы им, наверное, всю экосистему испортили, – предложил Никита и, не дожидаясь ответа, высыпал на обнаруженную колонию целый пакет сухих листьев, который набивал последний час. Но его поступок возражений ни у кого не вызвал.

Появилась Ольга.

– Прикиньте! Мне это в местном ЖЭКе дали, – она гордо продемонстрировала вязанку лопат и грабель, компактно уложенных в зеленую тачку, – говорят, что инструмента у них полно, а людей совсем нет. Очень благодарили за помощь.

Я, не особо слушая Ольгу, сорвал с ветки маленький, липкий листочек и растер его в пальцах. Я каждую весну так делаю, есть у меня такой ритуал. Поднес пальцы к лицу и вдохнул исходящий от них аромат, они пахли свежей листвой и жизнью терпко и горьковато.

На ограду двора уселся воробей, посмотрел на меня глазом-бусинкой, прочирикал что-то и улетел.

Я не услышал свиста, просто почувствовал колебания воздуха.

«Это прилет», – успел безразлично подумать я и еще раз успел вдохнуть горький аромат листьев.

Мне еще столько нужно тебе рассказать об этом городе, здесь столько для меня нового.

Рассказать о его людях, о детях. Особенно о детях. Представляешь, где-то слышен обстрел, а на лужайке спокойно играют дети. Смеются, бегают друг за другом, качаются на качелях, будто и нет никакой войны. Я был поражен, наблюдая такую картину на набережной. Здесь, кстати, прекрасная набережная, я бы очень хотел, чтобы ты тоже увидела ее.

Это чудесный город, и я безоговорочно его полюбил.

Но всего не уместить в один рассказ, я постараюсь исправить эту несправедливость, когда вернусь.

Но я не вернусь.

«Снаряд попал во двор жилого дома в Донецке, есть сведения о погибших и раненых», – промелькнет в новостной ленте.

Возможно, это сообщение останется незамеченным. Может быть, кто-нибудь оставит комментарий, а кто-нибудь поставит сообщению лайк, и останется только гадать, что имел в виду этот человек.

Мне лично все равно. Ты не читаешь такие новости. И это правильно. Если б я мог, я бы и сам их не читал.

МЕРТВЕЦЫ

Я встретил ее на трамвайной остановке.

Она ничуть не изменилась. Длинные, прямые, иссиня-черные волосы сплошным потоком обрамляли лицо и шею, меняя русло, распадались у ее плеч. Насмешливая, чуть надменная улыбка, резко очерченные карандашом плавные изгибы бровей, ресницы небрежно прикрывали лукавые лисьи глаза.

Вчера у нее должен был быть день рождения, но она погибла год назад таким же летним, солнечным днем. Ее автомобиль разворотило противотанковой миной на окраине прифронтового города. Ей оторвало обе ноги, а после случившегося она умирала еще девять страшных часов.

Я осознал смерть непростительно рано, мне было всего лишь пять лет.

Нет, не увидел, не встретил, а именно осознал. До этого были сбитые зверушки, мертвые птички, «плюнь три раза, не моя зараза…» и еловые ветки, на которые нельзя наступать. Но тот день я помню до сих пор.

Лето, мои друзья-дошколята все на своих волшебных, загадочных дачах, а я, как всегда, остался один в скучном, «нискемнепоиграющем» городе. «Нискемнепоиграющий» – изобрел я тогда такое слово. Оно достаточно конкретно описывало настроение ребенка, у родителей которого дачи не нашлось, и вынужденного, в связи с этим, влачить одинокое существование в «нискемнепоиграющем» дворе.

Я много позже думал над тем, не стало ли отсутствие дачи переломом в моем детском сознании. Я до сих пор люблю одиночество и терпеть не могу любую коллективную деятельность. Возможно, именно тогда я к этому привык.

Возиться в песке одному – жалкое занятие, даже новым грузовиком похвастаться некому. Партизанить в кустах сирени, пуляя из двустволки в воображаемых врагов, тем более глупо. И некому показать припрятанный в подъезде коробок спичек.

Рассуждая подобным образом и размахивая в такт своим жалобам найденной где-то палкой, я оказался возле ржавых, гнилых гаражей, находившихся неподалеку от нашего дома.

В гаражах проходила теплотрасса, которая вечно ломалась, оттого там всегда рыли траншеи, стояла грязная желтая техника и высились неприветливые, с терпким запахом, горы потревоженной бурой земли.

Земля, вынутая ковшами, не желала греться на солнце, хмуро и холодно лежала она среди зеленой травы, угрюмая, чужая.

Позже я заметил, что котлованы заброшенных строек очень неохотно обрастают травой. Лишь редкие куцые сорняки цепляются за их

склоны. В остальном такое место может годами, а то и десятилетиями оставаться мрачной, безжизненной ямой.

Земля не любит, когда копошатся в ее чреве, копошиться безнаказанно разрешено там только червям. Она способна давать жизнь, но главной ее функцией всегда было хранить смерть и смерть переваривать, а то, что под ней, остается под ней.

Темный комок глины скатился с горы к моим ногам, испачкав синюю сандалию бурой влажной кляксой. Я посмотрел вверх и встретился с ним глазами. Точнее, не глазами, а взглядом, глаз у него не было. Из-под толщи земли смотрела на меня безглазая кошачья морда.

Он был таким же вырванным из глубины комком глины, этот кот, ничем от других комков не отличался. Даже шерсть того же бурого цвета.

Кот странным образом не сгнил и напоминал набитую землей, очень грязную куклу. Морда его выражала глупое удивление, с которым он таращил на меня свои пустые глазницы. Земля, случайно попавшая под равнодушный ковш, снова обрела на поверхности форму.

Кот смотрел на меня пустыми черными дырами, а я медленно и страшно понимал, что все мы: зверушки и птички, жучки-паучки, мама, папа и я, и даже еловые ветки – всего лишь безмолвные комья глины, пока нас не вытащили на свет.

Прекрасное далёко, но даже не глубоко…

Мы тонны бесполезного грунта под равнодушным ковшом экскаватора.

Потом было много смертей, и, стоя у могильной ямы, я дивился тому, насколько справедлива вторая часть фразы: «Прах к праху, земля к земле».

Нет никакого праха, к которому другой прах, есть земля, просто земля. Зимой она клацает в могиле, точно зубами, принимая в себя мерзлые комки себя же самой. Летом хрумкает, хрум-хрум. Хлюпает и чавкает весной и осенью. Ей вообще все равно, кто ты там был, ты просто недолговечный перегной внутри ее тела.

Впрочем, своего кота я не забыл. Волей случая выброшенный на поверхность, он все-таки обрел форму.

Потому я был несколько разочарован, когда свалился в могилу и разбил лбом череп своему первому мертвецу.

У меня было много друзей и знакомых, которые работали могильщиками, и они, как правило, кичились тем, что копают могилы. Я тоже копал могилы и выкопал их гораздо больше. Но я копал могилы в обратную сторону и не кичился этим. А ведь моя работа была гораздо занимательней. Всегда интересно узнать, кого ты встретишь в следующий раз там, под землей.

– Дядя Юра, почему у него зубы такие белые? Прям голливудская улыбка, – спросил я у начальника, собирая в ладонь выбитые мной зубы мертвеца.

– Это грунты как-то на них влияют, я точно не помню.

– Хммм… – пробормотал я задумчиво и облизал языком свои потемневшие от кофе и множества сигарет зубы, – земли, что ли, пожевать?

Череп несчастного сместился после моего неуклюжего на него падения, окончательно отделился от позвоночника и развалился на несколько частей. Набитая землей черепная коробка была пронизана тончайшими нитями корневой системы какого-то растения, отчего

складывалось впечатление, что после смерти волосы мертвеца принялись расти внутрь его головы.

«Как только беднягу вытащили на свет, он обрел форму, но отнюдь не содержание», – думал я, ковыряя ножом в голове своего подопечного.

После фотографирования я собирал хрупкие кости в черный непрозрачный пластиковый пакет, из земли оставались торчать только части ног мертвеца, когда услышал над собой голос одной из воспитательниц детского сада.

– Здравствуйте, вы здесь динозавра ищете? – игриво спрашивала девушка, заглядывая в мою траншею.

Надо сказать, что наши работы проходили на территории детского садика, совсем неподалеку, взвизгивая, резвились пестрые дети, а из-под земли молча следили за ними безголосые костяки. Это настраивало на философский лад.

– У вас здесь кладбище вообще-то было, – я устало выпрямился. Шутка про динозавра была самой банальной, что мне приходилось слышать. Самой оригинальной была шутка про трюфели. – Вот видите, ноги торчат? – указал я на недобранные мной кости.

– Да какие это ноги? Это корни деревьев, – недоверчиво хохотнула девица.

Мне все это порядком надоело, я нагнулся, поднял большеберцовую кость своего ископаемого первенца и молча протянул воспитательнице.

Та было потянулась к ней рукой, но внезапно охнула, отдернула руку и попятилась.

Стоя по грудь в черной, вскрывшей газон яме, я мстительно ухмылялся, наблюдая, как девица, поминутно оглядываясь, торопит в корпус садика своих разноцветных утят.

Кстати, если вы думаете, что мертвые послушно населяют только кладбища, что лежат там чинно рядками, аки школьники-отличники за партами, сложив руки на груди, то вы глубоко ошибаетесь. Они могут быть везде, где только пожелают. Везде, где есть земля. В сущности, они и есть земля. Миллионы рук, ног, целых и раздробленных костей переплелись друг с другом в вечной темноте и молчании. Мертвецы – настоящие хозяева нашего мира, соль земли, ха-ха, а мы только вахтовики у них на побегушках.

А сейчас встаньте и посмотрите себе под ноги. Там, под осенними листьями, брусчаткой или под полом вашего дома, мертвые улыбаются вам своими белоснежными улыбками и слушают ваши шаги.

Да, глупый образ мертвеца с гнилыми зубами не имеет ничего общего с реальностью. Скорее всего, зубы – это последнее, что от вас останется, сами же вы сгниете раньше, чем они. Когда я раскапывал детские могилы, то под крышкой гроба находил лишь несколько пуговиц да щепотку детских зубов.

Детские могилки – штука крайне удобная, от детей мало что остается. Отбил тахеометром пуговицы, сфотографировал пару косточек, получил деньги и копай себе дальше в свое удовольствие.

Помню, однажды мы поднимали целое кладбище, тысячи жмуров. Жмур – профессиональный сленг, так называют мертвяков.

Проект был чисто коммерческим, и платили нам не за часы нашей неблагодарной работы, а, чтобы мы не заскучали, платили за каждого конкретного, вынутого из-под земли жмура. То же самое, что картошку

копать, например, в колхозном поле, сколько килограммов накопаешь, столько и заработаешь.

Естественно, что ни о каком уважении к мертвым, которого и так ни у кого из нас давно не возникало, не могло быть и речи. Словно шакалы, мы растаскивали жмуров в разные стороны, как стервятники, цапались друг с другом за костяки. Начиналась великая погоня за мертвецами.

Я бросил лопату и остальной, напоминающий хирургический, инструмент у очередного пятна. На гладко вычищенной стальным ковшом бульдозера ржавой глине хорошо читались продолговатые пятна могил, над некоторыми из них уже копошились мои коллеги.

Стараясь не отставать, я несколько раз аккуратно вогнал длинное лезвие ножа в темную землю у западного края вытянутого пятна, и вскоре лезвие уткнулось в нечто твердое, пока невидимое. Плотная глина отходила легко, большими комками, и вот уже на свет проклюнулся похожий на шляпку гриба покатый лоб черепной коробки извлекаемого мертвяка.

«Добро пожаловать обратно в мир, – промурлыкал я про себя, здороваясь с мертвым. – Раньше ты был безымянным, никому не нужным тленом, теперь тебе дадут номер. Стоп! Номер у тебя уже есть. Ты – тысяча четыреста двадцать второй, – поразмыслив, добавил я, – так и буду тебя называть».

Действо, я заметил, правда чем-то напоминало второе рождение. Больные, противоестественные роды земли, где покойник – новорожденный, а я дотошный и внимательный акушер. У меня в наборе даже скальпель имелся.

Тем временем на поверхность выглянуло лицо, лицевые кости, точнее. Сжатые челюсти, залепленные глиной глазницы. Судя по отсутствию надбровных дуг и некоторым другим незначительным признакам, моим жмуром оказалась женщина.

«Тысяча четыреста двадцать вторая, значит. Привет, женщина!»

Надо было торопиться, обычно к обеду я поднимал на свет божий двоих-троих взрослых жмуров, а пока на моем счету был только один подросток.

«Где же было у тебя это ребро, Тысяча четыреста двадцать вторая? – злился я оттого, что второпях развалил женщине грудную клетку. – К черту, не было у тебя ребра, ладно? Только тссс…» – я огляделся по сторонам и незаметно выбросил ребро в отвал, бесформенную кучу отработанной земли.

Оставалось разобраться с фалангами. При более детальном осмотре, конечно, можно было понять, где и какая фаланга и от какого именно она пальца, но при таком темпе работы всем было наплевать. Случались и курьезы, нередко пальцы рук и ног у мертвецов запросто менялись местами. Я же насыпал фаланги более-менее художественной кучкой в ногах покойницы и с чувством выполненного долга, наконец, сдал жмура.

Дальше, в уставном порядке, мне необходимо было почистить дно гроба под фотографию, чтобы в мой табель внесли еще один готовый костяк. Но в гробу оставалось еще достаточно земли, и я, напевая песенку «Бесполезное ископаемое» Саши Скула, взялся за лопату.

– Какого дьявола? – вдруг невольно выругался я. Под штыком, у изголовья гроба, внезапно что-то захрустело. Я нервно ковырнул землю, и из нее посыпались раздробленные, мелкие, будто птичьи, косточки. Определенно, в гробу у изголовья лежал младенец. Стальной штык фискаря разрубил вдоль его скелетик, перемолов большинство костей.

– Твою мать! Откуда ты тут взялся? – процедил я сквозь зубы, склоняясь над трупиком, и тут же вспомнил Тысяча четыреста двадцать вторую. – Что если ребенок ее и их похоронили вместе?

Такое погребение встречалось мне впервые, практиковалось ли подобное раньше, я понятия не имел. Младенец был необычным, и, хотя я почти полностью разворотил его скелет лопатой, недоношенность костей бросалась в глаза.

Он был далеко не первым новорожденным, которого я второй раз вытаскивал в мир людей. Но этот экспонат отличался от своих сверстников размерами. Он был совсем крошечным, немногим больше моей ладони.

«Может, он и не рождался вовсе? – пронеслась в голове смутная догадка. – В конце концов, кладбище было прибольничным, всякое могло происходить. Женщина умерла при родах, а какие-нибудь могильщики-гуманисты решили не разлучать мать и ребенка».

Но делиться своей находкой я не спешил. Хватало того, что я лопатой уничтожил костяк, разрушил необычное захоронение, за что по голове не погладят, а вместо этого непременно принудят до конца смены, вооружившись кисточкой, сдувать пылинки с жалкой горки исковерканных костей. И денег за сегодня мне при таком раскладе не заработать.

Я снова огляделся. Начальник и листовик о чем-то увлеченно спорили вдалеке. Короткий взмах лопаты, и косточки младенца вместе с комками глины полетели в отвал, вслед за ребром его матери.

«Прости меня, Тысяча четыреста двадцать вторая. Твой ребенок не родился дважды, не будет у него номера».

* * *

– Ксюша, – представилась она чужим именем, а лисьи глаза ее открыто смеялись надо мной. Я, наконец обретя дар речи, боком, но все же решился к ней подойти и теперь не знал, как себя вести, осознавая всю жуткую суть происходящего. Передо мной стоял уже мертвый человек, а мне необходимо было начинать с ним беседу.

Я запомнил ее именно такой в нашу последнюю встречу. Всегда солнечная, она смеялась тогда особенно беззаботно. Никто не отговаривал ее от поездки, неблагодарное это занятие не пришло никому на ум. Если уж она что-то решила, то так тому и произойти. А освоить профессию военного корреспондента было делом, которое стояло первым пунктиком в списке ее желаний. Уезжая в зону вооруженного конфликта, она ставила жирную галочку напротив этого пункта, не догадываясь, что живой уже не вернется.

Тем не менее она была здесь. Стояла на остановке, естественная, ощутимая, живая, среди взмокших от жары людей.

Приходят ли они ко мне? Стоят ли молча вокруг кровати, смотрят ли укоризненно провалами глазниц, наполняет ли мой дом по ночам тяжелый запах земли?

Нет, такого со мной не случалось. Впрочем, однажды мне приснился сон, в котором свежевыкопанные мной мертвецы выбирались из своих могил и неуклюже ковыляли прочь к тусклому размытому горизонту. Мне было обидно оттого, что бессовестные мертвяки забывали отмечаться в табеле, а значит, вместе с ними ковыляла к горизонту и моя долгожданная зарплата.

А вот запах земли, запах вскрытого грунта… его, пожалуй, сложно не замечать, и отмыться от него бывает нелегко. Вначале я вовсе его не слышал, не обращал внимания, как он вползает тихонько в складки моей одежды, забивается грязью под ногти, липнет клейко на кончики пальцев, поднимаясь все выше, начинает скрипеть на зубах. И стелется по пятам холодным туманом потревоженных могил.

Я притащил его в дом и, ложась в кровать, косился на свою подругу, ожидая ее реакции. Но она ничего не чувствовала, а мне казалось, что я насквозь пропитался этим тяжелым смрадом.

Жмуры, к слову, пахнут точно так же. Вековым перегноем растений, насекомых и самих же себя. Отрешенный запах вечного забытья, аромат куска глины, трупной вони здесь давно нет. Трупный душок бывает у новичков, а они нас не интересуют, это не наша работа.

Но случалось всякое. В том году, незадолго до заморозков, мы наткнулись на необычное захоронение. Точнее, захоронением это место назвать было сложно, скорее всего, ее просто там второпях прикопали. При зачистке слоя на рыхлой поверхности чернозема внезапно проявился белесый человеческий силуэт.

Природный эксперт заботливо отфиксировал контур жмура липкой белой плесенью, а другие останки той женщины давно переварила земля. Мы, морщась от страшной вони и стараясь не испортить очертания мертвеца, битый час очищали совками ее склизкий силуэт. То, что это женщина, стало понятно по ее туфлям. Они хорошо сохранились, кожаные, похожие на босоножки.

Нежданчики случаются постоянно и в самых разных местах. Словно сам мертвец лезет наверх из-под лопаты, стремится на волю и просит безмолвно: «Найдите меня!»

В подвале гостиницы в центре города мы откопали расчлененку. Опять женщина, у которой не было головы, рук и правой ноги. Начальник тогда пошутил: «Это классика, пацаны, расчлененная шлюха в подвале гостиницы. Достойно фильмов Тарантино». Теперь на том самом месте стоит шикарный отель, возле него останавливаются дорогие автомобили, из высоких дверей выходят солидные мужчины и длинноногие девушки. Интересно, когда подвалы отеля наполнятся частями их тел?

– Мама, папа, я – счастливая семья, – весело подмигнул мне пробегавший мимо начальник.

В песчаном грунте у моих ног лежали трое. Женщина, мужчина, посередине ребенок. Чинно так лежали, разве что за руки не держались. Следов насильственной смерти видно не было, зажмурились они, скорее всего, от какой-то болезни. Но точно не от холеры, холерные лежали поодаль от остальных, и их могилы были густо засыпаны толстым слоем извести.

Интересное место работы досталось нам в тот раз, одни захоронения ампутированных конечностей чего стоили. Представляло собой такое захоронение яму кубической формы два на два метра, в которую когда-то сбрасывали вперемешку ампутированные руки и ноги.

«Все смешалось, люди, кони… и уши», – добавлял я про себя. Мягкие ткани тоже должны были попадать в такие ямы, но они, конечно, давно разложились. Мысль про отрезанные уши меня развеселила, и я, улыбаясь, ковырнул совком череп ребенка. Я решил достать его первым.

Встречались здесь и мертвецы с трепанацией. Верхняя часть головы у бедолаг была спилена, спилена ровно, аккуратно, будто крышку с котелка сняли. Глядя на них, так и подмывало наделать из их голов пепельниц.

Еще одной забавой стали для нас подзахоронения. Таким способом хоронили родственников или супругов. Со временем гробы сгнивали, истлевали доски, и покойники падали друг другу в объятия, сплетаясь в самых причудливых позах.

Особым шиком считалось очистить от земли сразу двоих, не потревожив сцену их бесконечного совокупления. Ну а позиции, в которых их находили, не пришли бы на ум самому развращенному любителю Камасутры.

Если же из-под «влюбленных» выглядывал третий мертвец, мы объявляли могилу групповухой, а захоронение вызывало у нас неподдельный интерес. Мы обсуждали его с особым цинизмом, сопровождая разговор похабными шутками.

Случался и настоящий «свальный грех» – ямы, где хоронили бедняков. Эти ямы отличались от братских могил, жмуры не лежали в них рядками. В глубокую бесформенную яму скидывали всех без разбору, мужчин, женщин, детей. А земля потом веками превращала их в единую костлявую массу.

– Была у меня одна жаба, любила она, чтоб я ее так же… – начал было один из парней, когда мы склонились над очередной «влюбленной парочкой».

– Хорош заливать, ты бы себе все кости переломал, – возразил ему кто-то.

– Он тоже переломал, – парень, с уместным здесь прозвищем Гроб, ткнул лопатой в осколки костей ног лежащего сверху мертвеца.

– Опять интимную жизнь мертвяков обсуждаете? – буркнул, подойдя сзади, начальник. – Не стыдно вам?

– У мертвяков вся жизнь интимная, – протянул задумчиво Гроб.

Вечером делали шашлыки. Костер развели прямо здесь, среди недобранных могил, и мертвецы заворочались вокруг в беспокойном любопытстве, втянули мертвыми носами горячий запах шкворчащего мяса, силясь подняться, казалось, потянулись к людям из игравшей искрами темноты.

На месте этого кладбища вскоре должны были вырасти две элитные высотки, а в советское время здесь стоял завод по производству каких-то медных изделий, и мы повсюду в земле находили мотки проволоки, обломки деталей или просто увесистые медные чушки. Со временем у нас скопилась внушительная куча бесхозного медного лома, который мы сдали, а на вырученные деньги устроили себе сабантуй.

«Элитные высотки, – хмыкнул я про себя, – где самый элитный этаж – “–1”. Всех достать мы все равно не успеем».

Одно время базой нам служил подвал обычного жилого дома. Мы разбирали погост неподалеку, и, поскольку антропологи из-за бумажной волокиты в своем офисе медлили забирать у нас наш «мертвый груз», мы принялись таскать свои «находки» прямо в этот подвал. Вскоре мы завалили его костями полностью, оставались лишь узкие тропинки между гор черных клацающих мешков. Жильцы дома и не догадывались, что прямо у них под полом дожидаются своей очереди отправиться в путь сотни мертвецов.

Так продолжалось до тех пор, пока начальник окончательно не озверел. Тогда он сгреб одного из жмуров, запихал несчастного в картонную коробку, утащил на почту и отправил того самой обыкновенной посылкой прямо антропологам в офис. Вопрос был быстро решен.

Мы все жильцы такого же глобального дома. Ходим по комнатам, едим, спим, трахаемся, любим и ненавидим друг друга, а под нами в темноте клацают зубами и смеются бесчисленные мертвецы. Им смешно, ведь мы умрем, а жмуры будут жить вечно. Дома и заводы рассыплются в пыль, медь окислится и, позеленев, растворится, как сахар в воде, сталь превратится в ржавую грязь, огонь потухнет. Жмур же никуда не денется, и даже если истлеет, то он, жмур, все равно где-то там. Ждет новичков к себе в гости, и звучит под ногами у нас неслышимый многоголосый их смех.

– Копали мы, значит, скифский курган на югах, – рассказывал, немного захмелев, парень, тот, который днем собирался поделиться своими любовными приключениями, – богатый курган, монеты, бирюльки всякие. Нашли хозяина, а у того реально кайло в заднице.

– Че, прям кайло?

– Ну, не знаю. Похоже просто. Тазовая кость проломлена, а из дыры железяка торчит.

– Видать, крепко кому-то насолил, – Гроб прикурил от огня сигарету. – Ты, Татарин, тоже осторожнее по бабам бегай, вобьет тебе кто-нибудь железку в жопу.

– Я русский! – взвился парень, гневно сверкнув черными, слегка раскосыми глазами.

– Ну, нам-то не гони, – ответил, ухмыльнувшись, Гроб фразой из известного фильма и выпустил дым.

Из темноты наблюдали за нами недобранные жмуры. Им тоже хотелось к огню, в земле было холодно и неуютно.

* * *

Мне не было страшно, я привык к мертвецам, но позже я никак не мог вспомнить, о чем говорил с ней, пока мы ехали в трамвае. Память заволокло странным прозрачным дымом. Теплым и почти домашним.

То, что это была она, я нисколько не сомневался. Но настойчивым совком ковырялась в грунте мозга единственно верная мысль – такого не бывает.

Земля неохотно, но все же отпускает своих мертвых наверх, а они, обретя форму, лежат потом на поверхности бесполезным хламом. Мертворожденный землей никогда не оживет. В набитом глиной черепе сознание глины, а вовсе не его. Выкопанный кот никогда не станет тереться мордой о ногу мальчика. Убитые девочки не возвращаются.

Машу тоже убили. В тот день на трамвае я как раз возвращался именно от нее.

Я откопал ее в разрушенной церкви, молодую девушку с пробитой тупым предметом головой.

Имя я придумал ей сам. Обычно я не давал жмурам имена, но Маша мне чем-то понравилась, вдобавок я работал на часах, а значит, мог возиться с ней сколько угодно. Маша и Маша, пусть будет Маша.

Копаясь в костях, я старался угадать ее внешность, подолгу разглядывая небольшой аккуратный череп или осторожно доставая мастихином землю из Машиных глазниц.

Я мог лишь примерно определить, что это была молодая, стройная девушка небольшого роста, так как неплохо знал анатомию, остальное я додумывал на ходу. Получалась эдакая тургеневская Ася, непременно с огромными карими глазами и легкомысленным локоном светлых волос, выбившимся из-под шляпки.

Почему-то хотелось, чтобы Маша была дворянских кровей и стала жертвой страстей любовных. Например, суровый отец в гневе случайно проломил ей череп набалдашником тяжелой трости за то, что она отказалась идти за престарелого князя. Или же муж-ревнивец, заподозрив в романе с красавцем-офицером, наградил ударом по голове обухом топора.

Но романтичной истории не выходило, скрестив руки на груди, Маша лежала в простенькой колоде, гробу, выдолбленном из цельного куска дерева, и никаких украшений при себе не имела.

Еще у Маши отсутствовали ноги и часть таза. Она потеряла их много позже своей смерти, что было совсем неудивительно: вокруг Маши переплелись множество коммуникаций, старых и свежих труб, высоковольтных и даже интернет-кабелей. Трактор мог зацепить ее ковшом, или же просто неряхи-рабочие повредили Машу лопатами.

Странным было то, что колода ее была невредима, только на дне горсткой лежали маленькие осколки Машиных ног. Словно то, что случилось с ней, случилось внутри ее гроба. Что произошло с тобой, Маша?

Я провозился с нею два дня, слушая музыку, не обращая внимания на окружающий мир. Чистил косточки, любовно смахивал кисточкой крупицы земли с ее рук.

На третий день Машу сфотографировали и увезли, осиротевшая колода осталась торчать из земли.

Тут же выяснилось, что колода никому не нужна. Парни, выковыряв ее, полдня таскали за собой, примерялись, хохоча, фотографировались, укладываясь внутрь, а после приспособили под мусорку.

Мне было грустно, и в глумлении над Машиной колодой я участия не принимал, рано собрался и поехал домой. А на остановке встретил ее. Свою убитую на войне подругу.

* * *

Горячий трамвай громыхал, качался и переваливался на своем вечном кольцевом маршруте по асфальтовым руслам улиц, по стальным рубцам рельсов. Пассажиры висели на поручнях, уже не стыдясь мокрых пятен подмышками, тяготились только своей разогретой плотью, обременительной и лишней в жарком мареве июля. Вздрагивали глубоко под рельсами, шевелили костями безучастные мертвецы. И вожделенная прохладная река сверкала вдалеке за окном.

Я смотрел на нее во все глаза, что-то рассказывал, а сам пытался угадать, на кой черт я ей сдался, почему именно я? Мы не были особо близки, были скорее приятелями, нежели друзьями. А теперь трясемся в железной коробке по ржавым рельсам меж двух миров.

Не пытайтесь найти свое местоположение на горизонтальном отрезке между точками А и Б, там вы себя не найдете. Система координат строится иначе. Есть другой отрезок, который устремляется вниз. Совместив условные точки на обоих отрезках, вы сможете понять, насколько вы глубоко.

Ничего больше не будет. Даже, казалось бы, ваше последнее деревянное приобретение вскоре у вас отберут. Хозяин вторгнется в него, как в арендованную квартиру, переломав доски многотонными беззубыми челюстями. Крест, или что вы там себе напридумывали, упадет, могильный холмик схлопнется. Всё. Fade to black.

Земля – мать? А вода как же? Сколько там в нас ее процентов? А сколько процентов земли? Из воды мы вышли, а в землю уйдем, потому что только она жрет мертвечину, отнимая ее у всех остальных стихий.

Возможно, по каким-то причинам земля отрыгнет вас, не до конца переваренных, из себя на поверхность. Несварение, такое у нее бывает. Но обнадеживать себя этим не стоит, вы не лучше блевотины когда-то съеденной пищи. Можете мне поверить, я знаю это точно.

«Знал…» – думал я, глядя на свою подругу.

И внезапно меня осенило. Ее никто не хоронил. Ее сожгли, кремировали, она не уходила в вечно голодную земную пасть.

На этой мысли она резко встала с сиденья.

– Мне, пожалуй, пора. Можно, я тебя обниму?

Я тоже поднялся. Ее объятия были теплыми, живыми, я чувствовал нежный запах ее духов.

– Не грусти, – она отстранилась и внимательно посмотрела мне в глаза, – у нее все хорошо. Можешь быть в этом уверен.

Железные двери захлопнулись за ней, но она не растаяла миражом в горячем воздухе, обернувшись, она улыбнулась мне и помахала на прощание рукой. И я видел ее, пока трамвай не свернул за угол.

Через несколько остановок вышел и я, раздумывая над последней странной фразой моей подруги. О ком были ее слова?

Хотелось курить, но сигарет не было, я выгреб все содержимое карманов, прикидывая, хватит ли на пачку. Среди смятых бумажек и горсти монет на моей ладони лежала фаланга маленького Машиного указательного пальца. Вчера я случайно смахнул ее кистью, собираясь позже положить на место, сунул в карман, а потом попросту про нее забыл.

Такое случается. У археологов в карманах со временем скапливается великое множество непонятных вещиц.

Александр ОРЛОВ

Родился в 1975 году в Москве Окончил Московское медицинское училище № 1 им. И. П. Павлова, Литературный институт им. А.М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Бийский вестник», «День и ночь», «Дети Ра», «Дон», «Дружба народов», «Литературная учеба», «Наш современник», «Подъём», «Сибирь», «Сибирские огни», «Юность». Автор сборников поэзии и прозы и книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси».

Лауреат всероссийских премий имени А.П. Платонова (2011), Ф.Н. Глинки (2012), С.С. Бехтеева (2014), Н.С. Лескова (2019), Д.Н. Мамина-Сибиряка (2020) и других, обладатель «Золотого Витязя», а также специального приза Издательского совета РПЦ «Дорога к храму» (2017).

Живет в Москве.

ЛОШАДНИКИ

Толпа шатнулась, глухо заворчала и плотнее надвинулась на узкое пространство, где лежал конокрад…

Александр Куприн, «Конокрады»

В кафе «Гнездо глухаря» они появились за сорок минут до встречи – Костя, которого прозвали Смышлёным за сообразительность, и особо опасный рецидивист Витя Чахотка. Эту пару хорошо знали бармены и официантки заведений, находящихся в начале Тверской улицы. Смышлёному было чуть более двадцати лет, и с седовласым и низкорослым Чахоткой они смотрелись как отец и сын. Никогда не имевший семьи и проскитавшийся в лагерях Витя Чахотка и правда уверовал, что этот смазливый и высокий парень приходится ему сыном, если и не родным, то наречённым. Они укрылись в дальнем углу и, как положено, в полдень опрокинули по сто грамм водки, заказав ещё по кружке разливного пива.

– Вить, а почему Викентия Павловича прозвали Футляром? – спросил Смышлёный.

– Да бог его знает, но только таких, как Кеша, днём с огнём не найдёшь. Старый вор. Кого ни спроси из пожилых, все знают, на всех пяти континентах. Это он к тебе благосклонен и дядей Кешей себя дразнить разрешает, но ты не переборщи с его расположением, – предостерёг Чахотка.

– Рассказывает он – заслушаешься. Особенно когда к нему в дом под Владимир ездили. И про воров, и про актёров, и про спортсменов, и

про певцов наших легендарных. Хоть будет что в старости вспомнить, если, конечно, жив буду, – рассмеялся Смышлёный.

В этот момент дверь открылась, и на пороге в лёгком пиджаке, кашне, летней кепке, надвинутой на лоб, и солнцезащитных очках появился дядя Кеша, или Викентий Павлович. Он сел к ним за стол, поздоровался и заказал себе сто грамм водки.

– Ну, когда они будут? – посмотрев в глаза, спросил он Чахотку.

– Палыч, с минуты на минуту должны появиться, – неторопливо проговорил Витя Чахотка, выпуская табачный дым из носа.

Как только Викентий Павлович опрокинул сто грамм водки и закусил, дверь открылась и вошли двое. Оба были высокого роста и поджарые. Только короткие волосы с проседью одного и лысая голова другого указывали на их возраст. После рукопожатия Чахотка представил Викентию Павловичу своих старых друзей – Олега Тюбетейку и Колю Голова Босиком.

– Прохарчитесь с дорожки. Можно и по стопарю махнуть, – предложил Чахотка.

– Спасибо, братцы, но сейчас Успенский пост идёт, и мясного, рыбного и молочного мы не едим, а вот овощей, грибов, фруктов, огородной зелени сейчас изобилие, так мы и лакомимся. В народе Успенский пост Лакомкой кличут, – поведал Тюбетейка.

– Ну, – широко улыбаясь, сказал Чахотка, – «расскажи, расскажи мне, бродяга, где растратил ты время своё».

– Разве, дорогой ты мой, всё вот так расскажешь? – с ответной улыбкой произнёс Тюбетейка.

– Всё крадёшь? – всё так же весело задал вопрос Чахотка.

– Да по-разному. Вот летом мы с Колей всегда поближе к морю едем. В Крыму отдохнуть есть время и приглядеть, что и где отработать можно, а в другое время года в соседние области мотаемся. Всегда типа работу ищем, присматриваем, где и как легче лошадок увести, сколько и какая охрана, ночью приходим в нужный момент и отрабатываем.

– Много времени тратите на гастроли? – с нескрываемым азартом продолжал Чахотка.

– Как бог даст! Случалось и по нескольку дней ждать удобного момента. Потом гоним к себе. Всё по уму: и машина своя есть, и документы от местного совхоза «Заветы Ильича». Хотя было так, что нас и замести могли, и пришлось нам по ночам верхом гнать, а днём заводить лошадей в лес или в пролесок отсыпаться. Но и это по мне, сколько крови выкипит, пока до дома доберёшься. Так что, пока нас легавые ищут по дорогам да грузовым машинам, мы полями да лесами айда домой. После нас только табак вынюхать можно. Коля – мастак такой ядрёный выбирать, что напрочь след отбивает. Богатства, конечно, нашим ремеслом никакого не наживёшь, но как без кражи жить? Соли нет в жизни. Пресно, – не унимался Тюбетейка.

– Да, без азарта не жизнь. Не меняешься ты. Четверть века знаю тебя, но ты без дела, без скакунов своих, не живой и не мертвый. Вспоминаю, как в Белом Яре ты по ним скучал. Угрюмый ходил. Только они тебе и снились. Что стряслось? – уже без улыбки хрипловато произнёс Чахотка.

– Вы сами знаете, что всё вокруг перевернулось, и жизни этой понять нам, видимо, не дано, но выживать-то надо. Я хозяйство своё завёл. Дом выстроил, вот на пару с Колей, при нас и конюшня. Лошадок там держим, которые с дела пришли и отдачи своей дожидаются. Нас никто не беспокоит. Места заброшенные, только вот рядом церковь,

разрушенная имени Лошадников, давно ей урон нанесли, ничего не осталось, а фрески светятся. Всё как надо до поры до времени шло: и менты местные, и колхозники, и батюшка наш ко мне с уважением. Всем всегда помогаю. Но вот в последнее время поосвобождались и с малолетки, и со взросляка деревенские ребятишки, и понятное дело, что сиживали они за бакланку, но гонора хоть отбавляй. Назначили мне стрелку, и я, конечно, приехал с Колей. Но у этих ни уважения к возрасту, ни к годам моим высиженным, я им про воровское, про то, как жить следует, а они мне всё своё: мол, ты фермер – и нам плати. Я им людей называю, о которых они по телевизору слышали или в зоне, а они мне своё. Послал я их куда подальше. Уехали мы промышлять, а когда вернулись, то забор у дома был снесён трактором, а лошадок и в помине нет, да и алабая моего Жасура застрелили.

– Хорошие дела, – медленно и с удивлением протянул Викентий Павлович.

– Ахалтекинца Гурида увели, а я его с Дагестана угнал, кабардинку Даханго (мы её Дашей называли) из республиканской конюшни увели, а там дежурство круглосуточное, решётки с запорами, овчарки кавказские – и всё равно отработали. Сейчас одна радость – араба Симгура пригнал. Я за таких лошадок жизнь готов отдать! – глаза Тюбетейки загорелись.

– Нелюди они, в них человеческого ни на грамм нет. Совсем оборзели. Что хотят, то и творят. Недавно деда с подводы скинули, чтобы кобылу забрать, – добавил Коля Голова Босиком.

– На что они им? – спросил Смышлёный, который всё время разговора рассматривал, как выглядит Викентий Палыч.

– Ты понимаешь, раньше лошадь крали как лошадь, она была интересна сама по себе. Сейчас не крадут, а грабят. Они на лошадок смотрят и что видят? Килограмм триста-четыреста мяса. Мне и в голову никогда не могло прийти убить лошадь. Мясники!

– У тебя там Миша Раскат смотрит? – спросил Викентий Павлович.

– Да, Миша, и знаю я его хорошо. Он с ними одного возраста почти и старался помочь как мог. С ним эти отморозки встречаются, а со мной не хотят, – злобно бросил Тюбетейка.

– Олег, а ты сам найти не пытался? – спросил Чахотка и продолжил: – Тебя же все там знают, сам говоришь.

– Пытался я найти, но разве сейчас отыщешь. Стопудово, они с опытными мясниками в сговоре, и если это так, а я уверен, что так, то между тем моментом, как живая лошадь войдёт в ворота бойни, и тем, когда о ней никто и никогда не узнает, пройдёт всего полчаса, и это максимум. Останутся шкура, ноги и голова, но если на бойне отлажена утилизация отходов, то ничего не найти. Но это не всё. Раскату они заявили, что если не будут иметь долю с моих дел, то со мной и Колей решат, как с моим псом, – с горечью ответил Тюбетейка.

– Костя, – обратился к Смышлёному Викентий Павлович, – возьми у моего брата, у Валика, телефон Миши Раската и так, без наезда, скажи, что до меня дошли вести о делах по лошадиной теме и что я ему поручаю решить все вопросы с этими мясниками. Но главное, ты до него донеси, что я вскоре приеду к нему, чтобы ждал меня и готовился к приёму.

Смышлёный в этот момент подумал: какой модный дед. Что ни говори, а этот лысый и голубоглазый урка выглядит эталоном столичного стиля, словно из Милана или Парижа неделю назад вернулся. Льняной

пиджак «Миссони», джинсы «Шервино», кашне из конопли и кепка от «Гуччи», очки «Том Форд» и мокасины…

– Когда ты, Олежек, нас пригласить готов? – миролюбиво спросил Викентий Павлович.

– Палыч, так я в любой момент! Сейчас Успенский пост идёт, а после него давайте – после Третьего Спаса, на Лошадиный день, – радостно сказал Тюбетейка.

– Это когда? – поинтересовался Чахотка.

– На Флора и Лавра, – сказал Тюбетейка. – Они же покровители лошадей, там три притчи есть о них. Святые эти колодцы копали, стены обвалились, и они заживо остались на дне, а через годы на этом месте забил родник. На водопой к нему пришёл хворый конь и выздоровел после того, как напился. Так люди начали пригонять коней к роднику. Потом раскопали это место и нашли невредимые мощи Флора и Лавра. Я и в конюшне всё как полагается обустроил.

– Что значит «как полагается»? Давай колись, – рассмеялся Чахотка.

– В конюшне у меня над яслями икона святых Флора и Лавра, а в старой разрушенной церкви на праздник Флора и Лавра батюшка наш служит и освящает просфоры, и я их скармливаю лошадкам, такие дела, – улыбнулся Тюбетейка.

– Основательно ты там устроился, – заулыбался Викентий Павлович.

– Все последние девять лет на воле на это ушло. Сейчас мы новый колодец вырыли, как раз приедете, закончим – и подземной водичкой вас угощу, пивом домашним, что на Лошадиный праздник варим, в баньке попаримся. Сразу как всё порешаем с нехристями, оставайтесь у меня. Живите, сколько хотите, – сказал Тюбетейка. – Жена моя рада будет, хоть и хворает последнее время.

– Что с ней, Олежек? – спросил Чахотка.

– Рак, – он помолчал и продолжил: – Ничего, говорят, сделать нельзя. Возил по врачам её, но говорят – поздно. Метастазы пошли. Месяц-другой – и вдовцом стану.

– Вы давно вместе? – поинтересовался Викентий Павлович.

– Я как пятёрку оттарабанил, гостил в Горьком, как только ему старое название вернули, и там, в Благовещенском монастыре, который восстанавливали, услышал, как местный владыка Николай ругал священников. Он им: «Вы, батюшки, так с церковными деньгами обращаетесь, что я стал думать, что у вас только одна извилина, да и та промеж ягодиц». Я стоял слушал и от смеха прикрылся рукой, а девушка, которая мимо шла, меня одёрнула. Сказала, что если что и услышал не для своих ушей, то стоит забыть. Так я с Оленькой и познакомился. Потом она меня к церковной жизни приобщила. Пока восстанавливали Спасский Староярмарочный собор, я чем мог помогал. В основном разгружал или таскал чего скажут. Женщина там была, Алина Яковлевна, дочка сталинского наркома, которая хорошо владыку Николая знала и нами руководила, она мне про него много что рассказала. Говорила, что владыка сразу после школы в пулемётное училище попал, а через три месяца, в конце 1942-го, – на фронт. Сестра ему перед отправкой крест сделала, а маманя его и тётки после ухода стали читать Неусыпаемую Псалтирь, моля Бога, чтобы он вернулся домой живым. Владыка у Рокоссовского на Сталинградском фронте воевал. Потом на правом берегу Дона итальяшек кромсал, а после наводчиком ПТР был. Там его и покалечило. Владыка под артобстрел попал. Он с ребятами в окопе находился, в который снаряд попал, а его из окопа взрывной волной выбросило и засыпало. Так он

и лежал под снегом и землёй, а проходившие мимо санитары увидели торчавшие из земли ноги, подмётки сапог были срезаны, но пальцы ног ещё дергались. Его откопали – и в госпиталь. Пальцы ног были обмороженные и уже почернели. Вместо наркоза ему влили в рот кружку спирта и дали в зубы палку. Доктор на него навалился, чтобы тот не дёргался, а другой отпилил пальцы ног. Так он восемнадцатилетним пацаном стал инвалидом. Когда я слушал проповеди владыки, рассказы о Патриархе Тихоне и новомучениках, то всегда задумывался о его ногах. Слово ему дал, что завяжу. Хороший он был мужик. Настоящий. Он нас с Оленькой и благословил на венчание, – перекрестившись, закончил Тюбетейка.

– Мой отец всю войну военврачом прошёл. Как они с мамой хотели, чтобы я на скрипке играл, – и Викентий Павлович замолчал.

– А мой в Будапеште ногу потерял и на один глаз ослеп, – добавил Чахотка.

– Я вот никого не помню, только стены детдома, – не остался в стороне Коля Голова Босиком, – и вся моя семья – это Олешек да Олюня.

– Я потом послушание нёс во Флорищевой пустыни, когда её возрождать стали, да только недолго. Привезли как-то в соседнюю деревню лошадей, и, что сказать, я их увёл, а потом взял Олю и на Владимирщину подался.

– Не удивил ты меня, – расхохотался Чахотка.

– Давайте так, – решил подвести итог разговора Викентий Павлович. – Костик пусть свяжется с Раскатом, и вы как раз на Лошадиный праздник туда поезжайте. Рож побольше с собой, и с мясниками жёстко, но не жестоко решите. Костя, ты усвой, что раньше времени булки никому вскрывать не надо, понимаешь?

– Как скажете, дядя Кеша, – засмеялся Смышлёный.

– Живите, люди добрые, коневой татьбой, фарта вам, а мне пора. Ты, Витёк, с Костиком ко мне завтра загляни, мне ассирийцы чан с голубцами, или долмой, как она там у них называется, привезли. Пообедаем вместе, – сказал напоследок Викентий Павлович.

Смышлёный проводил его на улицу. Перед уходом Викентий Павлович взглянул на золотые часы «Патек Филипп» и рассмеялся:

– Вот всё думаю об ассирийцах, а вспоминаю Славку: когда мне лет столько, сколько тебе, было, я с ним отказывался кошельки в автобусах и трамваях тырить, а он обижался.

– Почему? – заинтересовался Смышлёный.

– Из-за рубильника его – с таким носом, ему говорил, можно в общественный транспорт вообще не входить, и так срок навесят. Царство ему Небесное и пресветлый рай. Я умнее был, с футляром в трамваях промышлял. Господи, Господи, как мои папа и мама хотели, чтобы я скрипачом стал! Ничего не вышло… Не провожай меня, я дворами, у меня ещё встреча с нашим советским Фрэнком Синатрой, – бросил на ходу Викентий Павлович.

Смышлёный вернулся в кафе, и уже через двадцать минут они с Чахоткой прощались с гостями. На прощание Чахотка тихо пропел:

Выглянул месяц и снова
Спрятался за облаками.
На пять замков запирай вороного –
Выкраду вместе с замками!
На пять замков запирай вороного –
Выкраду вместе с замками!

Костя сделал всё, как велел Викентий Палыч. Созвонился с Мишей Раскатом, по-доброму поговорил с ним и уже предвкушал разговор при личной встрече.

На Третий Спас Чахотка созвонился с Тюбетейкой. Оставалось два дня. Рано утром Смышлёный заехал к Чахотке и, чтобы не тратить времени, позвонил из машины.

– Привет! – быстро кинул он.

– Привет, – прошептал Чахотка.

– Ты что, старый, спишь ещё? Давай выходи, я тут дождусь. Ребята на МКАДе ждут, там их и захватим. Давай скорее, пока пробок нет, – торопился Смышленый.

– Поднимайся, – резко ответил Чахотка, и в трубке послышались гудки.

Костик быстро взбежал на четвёртый этаж. Дверь была открыта. Он зашёл.

– Ты чего? – удивился, увидев Чахотку в одних трусах, сидевшего на кухонном табурете.

– Раскат звонил. Чую, что падаль он редкостная. Ночью Олега убили. Голову отрубили, а конюшню подожгли. Приехали менты и нашли только голову. Собака взяла след, привела к новому колодцу, там их с Колей и нашли. Закопали бродяг, а потом рассвет, и они драпанули, испугались, думали, что огонь всё охватит, но пожарные подоспели. Жена Тюбетейки в реанимации на тот свет ушла минут десять назад…

Когда отец Лавр, который нёс послушание в конюшне на монастырском подворье, рассказал мне эту страшную и удивительную историю, то в какой-то момент она вызвала у меня одновременно ужас и сомнения. Я внимательно вглядывался в серые глаза монаха, смотрел на его ухоженные, тёмные с проседью волосы, густую чёрную бороду, мозолистые ладони рук и думал, что в этом человеке больше никто и никогда не узнает Константина Светлова, которого улицы и подворотни столицы много лет назад окрестили Костей Смышлёным.

Владимир КУЗИН

Родился в 1964 году. Образование среднее техническое (авиамеханический техникум) и неоконченное высшее (4 курса Ивановского государственного университета, филологический факультет). Работает в охране.

Живет во Владимире.

ДАУН

– Заходи… Заходи, мой лучший друг Лёха. И закрой за собой дверь. Не хочу, чтобы нас кто-нибудь потревожил. Из этих лизоблюдов. Ведь ни один из них сегодня не говорил искренне, когда, читая набившие оскомину поздравления, расплывался в сладостном упоении… Хорошо сказал? Всё ж филолог по образованию, как и ты. Хоть и этот… как нас величают… олигарх… звучит как аллигатор, правда? Ха-ха… Зато ты, Лёха, – учитель. Педагог!.. Эх, где мои молодые годы? Знаешь, я на хмельную голову иногда тоже декламирую.

Восстань, пророк! И виждь, и внемли!
Исполнись волею моей!
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!

Правильно? То-то же. Я ведь, брат, всё помню. И не только Пушкина, но и наши с тобой мечты служить красоте и истине… Ты не думай: я хоть и напился сегодня (да и как не напиться на банкете по случаю собственного пятидесятилетия!), а всё соображаю. Оно даже лучше, что я напился. Именно сейчас. Когда мы с тобой так долго не виделись, а теперь вот сидим вместе, как когда-то на балконе нашей институтской общаги… Вообще-то я давно этого хотел – поболтать с тобой наедине. А то всё застолья, шум, гам… и анекдоты… Ух, как я ненавидеть стал эти анекдоты! И знаешь, за что? Будешь смеяться. Когда люди ржут, я не могу видеть их дрожащий язык и жёлтые зубы! Мне всё кажется, что передо мной двуногие лошади. Ха-ха…

Не обращай внимания. Хватил я сегодня коньячку столько, что, кажется, лечу куда-то… Уж не в преисподнюю ли? Скажи, Лёха: есть она, преисподняя? Или врут попы? Ха-ха…

Значит, ты до сих пор пытаешься сеять разумное, доброе, вечное? Жечь глаголом сердца людей? И тебя слушают?.. Вот-вот, ты прав: сей-

час в идеалах всё больше не Дон Кихоты, а Абрамовичи. И я в их числе. Ну так время такое. Я его тогда просёк, а ты нет. Помнишь начало девяностых? Когда учителям по полгода даже их мизерные зарплаты не выплачивали… Что? Вечные ценности? Только не надо, Лёха, меня учить, какие ценности являются вечными… Вот ответь, почему мы с тобой, будучи студентами, любили пофилософствовать, глядя на ночное небо с яркими звёздами? Помнишь?.. Да потому что сытые были. А отними у нас родительские переводы, так нас с тобой и от философии, и от твоих идеалов затошнило бы так, что из всех интересов остался бы один – чего-нибудь слопать… Физиология человека – это, брат, такая сила, против которой не попрёшь. Уж кто-кто, а я это знаю точно.

Возьми мою секретаршу, Любочку, видел её? По правую сторону от моего зама сидела. Уж на что девка была с норовом. И с этими… идеалами… А как с полгодика походила под улыбочки своих сослуживцев в стареньком потёртом костюмчике (а иного на свой секретарский окладик она себе позволить не могла) да как я предложил ей ежемесячную надбавку в полтора куска баксов (конечно, не через бухгалтерию, чтоб другие не узнали, а в конвертике!) – за определённые виды услуг… понимаешь, да?.. так она хоть и краснела первое время, а после ничего, втянулась, и теперь все мои причуды воспринимает как должное.

Или Гаврик… То есть этот… Гаврилов. Сергей Николаевич… Коммерческий директор «Трансавто», нашего поставщика. Когда-то отбрыкивался от нас, не хотел иметь с нами никаких дел. А я велел Никитке, нашему начальнику безопасности, со своими пацанами к нему домой нагрянуть… Ну, они его утюжком слегка и погладили… Да не морщись, по-людски, через тряпочку… И насчёт его сынишки Славика предупредили… Так буквально на следующий день контракт был подписан… Мы после такие бабки начали загребать – тебе и во сне не приснится!..

Что говоришь?.. Понимаю, что тебе это неинтересно. Просто я тебе проиллюстрировал закон, который по своей силе и неотвратимости равен закону всемирного тяготения… Помнишь, как нас в школе учили: Ньютону яблоком по башке – шарах!.. Ха-ха… И ты, Лёха, ему подчинишься так же, как наш Гаврик, если попробовать. От родной мамы отречёшься, когда горячим утюжком по спинке или раскалённым паяльничком в задницу… Ну-ну, сиди… Обиделся, что ли? Брось. Мы же с тобой друзья детства…

Слушай, а среди ваших учеников есть… как их… даунята?.. А, они учатся в спецшколах?.. Это которые для дураков?.. То есть они шизики, да?.. Нет, это я так спросил, из любопытства…

Я побледнел? С чего ты взял? Ну, перепил слегка… Щас газировочки хлебну, и всё пройдёт… Бр-р! Колючая какая… Так о чём бишь я?

Нет, первое время после института я о бизнесе не думал. Планировал устроиться в какую-нибудь частную фирму – хоть бухгалтером, хоть снабженцем… Бизнес – это уже после пошло. Загорелось во мне так, что дух захватило!

Как зачем? Хм…

Ты знаешь, я порой задаю себе тот же вопрос. А вместо ответа в голову всякая чепуха лезет. Типа жареных сосисок с кетчупом и… извини… голого женского зада. Ха-ха!

Кстати, как твоя супруга?.. Ушла? И давно?.. Ну, этого и следовало ожидать. Что ты мог ей дать на свои учительские гроши?

Да не обижайся! Какой ты, Лёха, вспыльчивый, ей-богу! Это жизнь, нормальная человеческая жизнь. А ты, если хочешь нести обществу

свои идеалы, невзирая, как ты когда-то говорил, на испытания, – будь добр, не подвергай этим испытаниям других, которые желают иного. Тем более своих близких. Или я не прав?.. Уверен, что твоя бывшая жена сейчас замужем за каким-нибудь менеджером… Почти угадал? Серьёзно? Вот видишь! Я же говорю, что лучше тебя понимаю жизнь.

А знаешь, как такой опыт приходит? Просто нужно в ответственные и судьбоносные моменты включать разум. Ох, брат, великая это вещь – разум! Животным он не дан, поэтому они и страдают. Вон, собака одного моего бывшего сослуживца, которого я за пьянки уволил. Захотел я как-то взять её себе… и колбаской, и даже шашлычком её подманивал – не идёт ко мне ни в какую. Всё за своим спившимся хозяином бредёт… Он её, соседи говорили, и не кормил уж, и лупил порой чем попадя, – а она от него ни на шаг… Что говоришь? Преданность? Да тупость – и ничего больше! Обычная дебильность! Потому как отсутствует ум! Инструмент, который дан человеку, чтобы он мог просчитывать ситуации и делать правильный выбор! Это ж прямо божий дар! Вот кем бы я был сейчас без мозгов?! Дворником?! Или как ты?!.

Да нет, я не раскричался… Просто тащусь от собственных мыслей. Которые опять же ум вырабатывает.

Согласись, общество развивается благодаря людям высокого интеллекта, а не глупцам… тем же даунам… Которые только на нашей шее сидят и, как паразиты, пьют нашу кровушку. Вот на каком основании я обязан платить налоги из своего кармана на содержание этих нахлебников? Одни работают, другие – нет, а кушают все. Где справедливость?..

Не хочешь газировочки? Нет? А я выпью… Фу! Дрянь стали делать газировку. Помнишь, какая в наше время была, в автоматах? М-м!..

Да, в то майское утро мне тоже нестерпимо захотелось газировки... Было очень жарко. Я шёл с ночного дежурства (помнишь, я на третьем курсе подрабатывал сторожем на стройке) и изнывал от жажды. Поэтому свернул в переулок (там у продуктового магазина были автоматы с газировкой) и пропустил пару стаканчиков «Крем-соды». Крякнул от удовольствия и направился к нашей общаге. Только решил не возвращаться к центральной дороге, а пройти напрямую, по частному сектору.

Помню, глубоко о чём-то задумался, глядя перед собой в землю… кажется, о предстоящих экзаменах… Вдруг вижу – слева от меня, метрах в ста, дым валит.

Я мигом туда.

Горел деревянный дом. Двухэтажка. А вокруг – никого.

Огнём были охвачены верх боковой стены и часть крыши. Окна были закрыты; и на подоконнике одного из них, с внутренней стороны, представляешь, стояла плачущая девочка лет пяти-шести, в белой сорочке – похоже, прямо с кровати… И больше в помещении, видимо, никого не было. Во всяком случае, живых.

Я подбежал к дому, подёргал входную дверь – закрыто! Глянул в замочную скважину: на лестнице слегка клубился дым, но огня не было.

Отбежал, осмотрелся.

Телефонных будок нигде не было (мобильники нам тогда даже не снились!). Я кинулся к соседним домам. В одном из них у калитки лаяла собака, не пройти. В другом несколько минут бестолку пробарабанил в дверь… Наконец, в следующем какой-то подвыпивший мужик выглянул в щёлку, увидел горящий дом и поковылял к виднеющимся вдали пятиэтажкам – к сестре, кричит, у неё телефон.

Я – назад. Гляжу, дело плохо. Пока этот мужик добредёт до домов, позвонит, пока приедут пожарные, – ребёнок задохнётся в дыму. Но что можно было сделать? Нужна была лестница, чтобы, приставив её к стене, взобраться по ней к окну второго этажа и выбить в нём стекло. Однако где её было взять? Опять бегать по соседним домам? Только время терять…

Оставалось одно: высаживать дверь и проникать в комнату. Веришь, я так и собрался поступить. Как вдруг почему-то пристально всмотрелся в горящие брёвна… И увидел, что в одном месте крыша прогорела так, что были видны охваченные пламенем потолочные балки...

И вот тут, Лёха, включился в действие мой ум.

Знаешь, у меня в своё время друган был, Витёк. Уже когда я институт окончил. Так вот он был буквально помешан на философии. И утверждал, что мышление сыграло в развитии человека такую неоценимую положительную роль, что просто, как он говорил, дух захватывает. Я ему как-то сказал, что однажды присутствовал при тушении горящего дома.

– Как пожарные действовали, – спрашивает он, – грамотно?

– Да, – отвечаю. – Подъехали, развернулись, быстро наметили план действий и вперёд…

– Вот. А теперь представь себе, – Витёк даже палец кверху поднял, – что вместо них прибежали бы какие-нибудь олигофрены.

– Кто? – спрашиваю (я тогда не знал значение этого термина).

– Ну, придурки, – говорит.

– Например, дауны, – подсказываю я.

– Во-во, – отвечает, – типа этих идиотов. Если даже предположить, что они вообще стали бы что-нибудь делать…

Но я его тут же перебил:

– А ты сомневаешься?

Он глаза вылупил:

– Да они практически животные, – говорит.

– А вдруг он поймёт, что человек погибает?

– Да если даже в его глупую башку, – почти кричит Витёк, – и влезет мысль кого-то спасать, то он не сообразит, как это сделать лучше! В отличие от человека умного!

Не стал я больше ни о чём его спрашивать, чтоб не раздражать.

Интеллект – это хорошо. Вон сколько люди всякой техники понаделали, в космос полетели… Только… Дай-ка я ещё коньячка хряпну… Мне много? Нет, Лёха, мне его много не бывает. Даже напротив: мозги с ним так работают – дай бог каждому…

О-ох! Хорошо!..

Так вот, уважаемый Алексей Иваныч! Я тогда, на пожаре, и включил свой разум. Как всем Витёк рекомендует. С целью стать человеком более высокого порядка, нежели всякие, как он говорил, пьяницы, бомжи и дебилы. Включил – и жду его работы.

И тут, к моему удивлению, он начал мне выдавать идеи вовсе не о том, как попытаться эффективнее помочь ребёнку. Обработав только что полученную по зрительным каналам информацию, он сразу задал мне вопрос: а не будет ли тебе самому худо, если ты полезешь в это пекло? Тем более что потолок уже горит! И может рухнуть в любую минуту.

– Так может, – попытался я уточнить, – или точно рухнет?

– Главное здесь, – ответили мне мои мозги, – высчитать вероятность такого исхода событий (есть такой термин в математике).

– А какая она, вероятность? – поинтересовался я и взглянул на горящие балки.

– Да в общем-то невелика, если не сказать – совсем мала, – был мне ответ.

И я шагнул к двери, намереваясь вышибить её ногой… Но мимолётно опять взглянул на бушующее пламя под крышей и вдруг с ещё большим удивлением услышал от своих мозгов такое:

– А пожалуй, и не мала. Где-то половина на половину.

Я замедлил шаг.

– Нет, выдержат – вон они какие крепкие! – пронеслось опять в моей голове...

– Спятил? Повалятся если не сразу, то по пути из комнаты – точно! – выдал мне мой интеллект, когда я был уже метрах в пяти от двери. – А то и вообще придавят, едва войдёшь!

Я остановился, соображая.

И тут, представляешь, в моей башке – то есть в моём разуме, делающим меня высшим существом! – стали один за другим мелькать… не удивляйся!.. сосиски с кетчупом, пирожные эклер и стакан с «Кремсодой». Кои мы с упоением уминали с тобой в кафешке после институтских лекций. Да, не улыбайся. Закружились в шумном хороводе!.. Тут же к ним добавились наши кокетливые девушки-однокурсницы… А через пару секунд я уже видел себя в элегантном пиджачке с дипломатом в руках, выходящим из крутой иномарки. И поджидающих меня подчинённых, которые протягивали мне руки, чтобы поздороваться, и заискивающе улыбались… А дальше – свою будущую жену, своих маленьких детишек, которым я тыкался в личико своим носом, отчего они смеялись и визжали…

Будто вся моя настоящая и будущая жизнь промелькнула передо мной. Причём в несколько мгновений... Позже я понял: мой мозг предупреждал меня, что всё это я могу потерять, если меня сейчас накроет горящими досками…

В общем, это была настоящая комедия. Смотри: когда я отходил от пылающего дома где-то метров на двадцать от него и видел задыхающуюся в дыму девочку, разум говорил: «Балки выдержат, вон они какие толстые! Ещё с полчаса прогорят и не дрогнут!» Однако едва я приближался к двери дома, тот же самый биокомпьютер решал: «Нет, точно не выдержат. Рухнут или сразу при входе, или, в крайнем случае, когда пойдёшь с девчонкой на руках обратно». И тут же опять сосиски, бабы и я в пиджачке и с дипломатом…

Представляешь, я несколько раз так бегал – к дому и обратно…

И вдруг меня осенило: я свою ЭВМ просто включил не до конца – как говорят, не совсем врубился. Мой разум выдал мне несколько вероятностей исхода событий, а окончательный вывод должен быть сделан, так сказать, на высшем руководящем уровне. Прямо как в бизнесе!

И вот тогда, как и полагается у высшего существа (я беру терминологию Витька), мой интеллект заработал, что называется, на всю катушку (то есть до того момента он действительно спал!).

Итак, рассуждал я, если я сейчас выломаю дверь и вбегу в комнату, где на подоконнике стоит просящий о помощи ребёнок, то, согласно среднему арифметическому выдаваемых моим мозгом данных, половина на половину, что горящие балки в этот момент рухнут и похоронят под собой меня и эту девчонку. Хм, пятьдесят процентов. Это ведь не пять и не десять!..

А теперь подумай (это мне мой интеллект выдавал!): если ты откажешься войти в дом, то, оставшись в живых, – а значит, со временем окончив институт, – ты дашь образование сотням и тысячам людей, если пойдёшь работать по специальности; или осчастливишь их приобретением новых квартир (я тогда подумывал о риэлторстве). А если сейчас погибнешь, то и здесь ребёнка не спасёшь, и другим людям уже никогда не сможешь стать полезным. Сравни: лишь пятьдесят процентов вероятности спасения одной жизни – и, с другой стороны, стопроцентная гарантия принесения пользы тысячам людей. Представь себе, что сейчас рядом с тобой стоит, скажем, молодой Альберт Эйнштейн. Готовый ринуться в огонь. Разве, зная о его предназначении в качестве гениального физика и той пользе, которую он принесёт всему человечеству, ты не схватишь его за шиворот? Да ведь тут, как говорил Достоевский, математика. А с ней не поспоришь!..

Что говоришь? Трусость? Лёша, дорогой, эта категория есть не что иное, как отражение работы нашего ума и, соответственно, того решения, которое он выдаёт. Это мне Витёк сказал. Когда мозг (чаще всего на подсознательном уровне) выдаёт большую вероятность положительного исхода того или иного поступка, который намеревается совершить человек или отказаться от него, он это действие совершает. Если же такая вероятность мала, то воздерживается от него. А окружающие в первом случае превозносят такого человека как героя, во втором же – хают как труса. Не подозревая, что дело здесь в простом вычислении, а не в эмоциях.

Согласен, что в одинаковой ситуации люди могут поступать по-разному. Но только потому, что одни из них просто ошиблись в расчёте…

Однако и этого мало. Я тогда ещё вот о чём подумал.

Представь себе, что два человека – даже, допустим, закадычные друзья! – попали на необитаемый остров. На котором только пресная вода. А пищи никакой нет, одни голые скалы да редкие деревца. И этим бедолагам нужно продержаться до проходящего мимо корабля где-то около месяца. Естественно, за это время человек должен погибнуть от голода. И вот тут разум этим людям подскажет, что было бы логичным одному из них съесть другого. Конечно, не сразу. А растянуть процесс настолько, насколько может в их условиях сохраниться мясо. То есть не протухнуть. И это будет делом более справедливым, чем умереть обоим. По той простой причине, что выживший из этих двух продолжит приносить обществу пользу, тогда как два покойника людям совершенно ничего не дадут. И даже более того, этим двум нужно не какой-нибудь там жребий бросить, кому приносить себя в жертву. Здесь опять же должен быть трезвый расчёт. А именно: прикинуть, кто из них может впоследствии дать обществу больше всевозможных благ. То есть нужно будет учитывать уровень образования, профессию, квалификацию и так далее. А сам… скажем, процесс… провести цивилизованно, как и полагается людям высокого интеллекта. То есть не глотку там перерезать, а, допустим, сделать из ремешка брюк петлю, привязать её к ветке дерева и... Причём один другому обязательно должен в этом помочь... И такие люди, Лёха, высшего полёта, герои! Поскольку руководствуются не личными интересами!..

Давай-ка ещё коньячку. Не будешь? Дело твоё. А я выпью…

В общем, я, когда в тот момент всё это понял, подошёл к стене дома и глянул в окно. В комнате уже появился дым, и девочка неистово ревела. Правда, за наглухо закрытыми оконными рамами слышно ничего

не было. Я начал показывать ей, чтобы она попробовала толкнуть их рукой. После продемонстрировал, как нужно открыть задвижки. Но девчонка – видимо, ничего не понимая (вот она, проблема с интеллектом!) – смотрела на меня широко раскрытыми глазами и что-то быстро лепетала, не переставая плакать. А что я мог сделать? Мы словно попали с ней на тот самый необитаемый остров.

Глядя на девочку, я пожал плечами – мол, извини, но сделать ничего не могу: условий для моей безопасности при спасательной операции нет, нужно ждать пожарных… А ещё я подумал, что она, если бы спаслась, со временем стала бы красавицей. О чём говорили её пухлые губки и карие глазки. И детишки у неё могли быть красивые… Но и у меня, подумал я тогда, тоже могут быть дети. Не рисковать же ещё и ими…

Заметь, Лёха, что с момента, как я достучался до того мужика, опять примчался к дому и принял окончательное решение, прошло… ну, от силы три минуты. А ощущение у меня было такое, будто я за это время прожил целую жизнь.

В тот день я вернулся в общагу совершенно другим человеком… Что? И ты в определённый момент заметил во мне перемену? Я стал более замкнутым? Себе на уме? Ха-ха! Просто я тогда не хотел ни на что отвлекаться, ибо выстраивал в своей голове новую модель человеческих взаимоотношений. Не ухмыляйся. Именно так. Ради одной простой цели. О которой мы с тобой мечтали, будучи студентами, – принесения обществу как можно больше пользы. И просчёта всех вариантов достижения подобного. Скажем, если я понимаю (то есть просчитываю!), что могу построить бизнес так, что прибыль получу гораздо более офигенную, чем какой-нибудь Гаврик (да-да, тот самый, которого мои ребята утюжком погладили, чтоб у этого лентяя заработали мозги!), то почему бы мне не присоединить собственность этого самого Гаврика к своей, чтобы, модернизировав его производство, начать выпускать товаров почти вдвое больше того, чем мы оба выдавали прежде! Естественно, получая за это дивиденды. А что ты можешь иметь против оплаты за выполненный труд?

А коньячок или там расслабуха с Любочкой – не более чем психологическая разгрузка после утомительного рабочего дня. Здесь ничего неразумного нет. Потрудился бы ты с моё да понервничал, как я, – заговорил бы по-другому.

Неразумное в другом… Знаешь, до поры до времени мне тут всё было ясно… Щас, ещё стопочку хряпну и расскажу… Во-от…

Видишь ли, во время того пожара внезапно появился один тип, на которого мне тогда было наплевать, но который позднее стал подтачивать меня изнутри, словно червяк яблоко…

Короче, из стоявшего неподалёку полуразвалившегося дома в оборванных трико и майке на слегка кривых и коротких ножках выскочил он... Я как глянул в его рыло, у меня мурашки по спине побежали… Нет, мне и раньше приходилось таких встречать…ну, этих… с синдромом Дауна… ты сам, наверное, таких видел… все на одно лицо и взгляд придурковатый… Но этот скорчил такую ужасную гримасу – натурально как у макаки… Сразу – шасть ко мне, я аж отпрянул (я их побаиваюсь, ведь они и впрямь наполовину животные, мало ли что в голову ударит!). И начал мне на окно показывать, где девочка стояла. И мычать: «У-у… у-у». То есть вдобавок глухонемой был.

У меня вообще чуть ноги не подкосились.

А он всё машет руками и мычит…

После подбежал к окну, где стоял ребёнок, и там замычал…

И вдруг подскочил к двери. Дёрнул её на себя. Раз, другой, третий. Но она не открывалась.

Он опять ко мне. Показывает на дверь и мычит…

Я тогда ему руками показал, что балки могут рухнуть.

Он на них глянул… и снова мне на девочку в окне показывает… и мычит…

И вдруг с разбегу – бах в дверь плечом!

Та не поддалась.

Он разбежался и опять – бах!

Бестолку.

Потёр ушибленное плечо и снова – бах в неё…

Только где-то после десятой попытки замок сломался.

Этот тип сразу в коридор сунулся – и тут же отпрянул. Потому что оттуда повалил густой дым и показались языки пламени.

Тогда он опять подбежал к окну и, глядя на плачущего ребёнка, в который раз начал махать руками и громко мычать… А когда девочка сползла вниз (очевидно, от удушья теряя сознание), этот тип снова подскочил к двери… на секунду застыл… и, загораживая лицо рукой и заревев, как леопард, кинулся в дом…

Э-эх, славный коньячок. Так по мозгам бьёт!.. Где-то здесь у меня лимончик был… Во-от он, родимый… Щас, отрежем кусочек и… ам… Здорово…

Что? Чем всё закончилось? А ты угадай…

Нет, брат, разум – великая вещь. Не обладал этот тип способностью… вернее, возможностью посчитать вероятность исхода событий – вот и получил по заслугам. Недаром говорят: заставь дурака богу молиться, он себе лоб расшибёт…

Да-а… Зато представь себе моё упоение (у меня тогда от восторга даже мурашки по спине побежали!), когда примерно через пару минут после того, как этот идиот вышиб дверь, поехала крыша… Ха-ха. Ну ты, Лёха, шутник… Нет, не у меня. У дома… Правда, вся она не упала, повалилась только её небольшая часть. А за ней рухнуло несколько потолочных балок. И как раз в той комнате, где был ребёнок… Да какое кощунство?! Что ты сегодня на меня ополчился?! Мне и тогда было эту девочку жаль, и сейчас… Упоение на меня нашло от осознания того факта, что мой расчёт оказался верным. Пусть и с небольшой погрешностью, дело это не меняет… А значит, если бы я не заставил тогда работать свои мозги, скорее всего не сидел бы сейчас здесь с тобой. Просёк? И не было бы того успеха в бизнесе, который нынче эта фирма имеет. А значит, тысячи… а скоро и миллионы людей остались бы без наших «Рено» и «Шевроле». Скажи, не окупилось ли за все эти годы моё тогдашнее… скажем, хладнокровие? А, Лёха? Только честно.

Что говоришь? Особой пользы от моего бизнеса не видишь? Ну ты, брат, даёшь. Если бы мой бизнес не имел пользы, люди нашу продукцию не покупали бы. Это закон экономики… Как? И наркотики с удовольствием берут? Ну, ты за базар-то отвечай. Сравнил хрен с пальцем… При чём тут жаргон! Между прочим, на зоне очень меткая лексика. Бьёт, что называется, не в бровь, а в глаз…

Тачки мои, видите ли, ему поперёк горла встали… А ты не имеешь? Хочешь, подарю? Как старому другу… Скажем, «Мазду»… Или «Тойоту», скоро из Японии придёт партия. Хошь металик, хошь чёрную. Или красненькую, как вишенка. М-м, загляденье…

Тут один мой знакомый, Шурик Валяшкин, свою такую «вишенку» о столб возле троллейбусной остановки грохнул. Сам ушибами отделался, а вот толпу здорово помял. Одного насмерть, троих скорая увезла… Ничего, этот со своими бабками любого судью с потрохами купит… А всё из-за пустяка. К Нинке, тёлке своей, торопился. Он мне сам после сказал. Так у него зачесалось, что не рассчитал скорость, и на повороте его занесло… Дела-а…

Гляди, какой закат красивый. Помнишь, как мы с тобой с балкона общаги на такой же смотрели? И всё философствовали… мечтали…

А? Не о сосисках и не о бабах? Это уж точно. Ха-ха…

Что-то я всё не о том…

Тебе пора? Да посидел бы чуток. Столько лет не виделись… Ну, как хочешь… А вообще я рад был с тобой повидаться. С кем же мне ещё поговорить по душам? Не с этими же… Слышишь? В пляс пустились. Ведь я им по большому счёту до лампочки. Одни пришли вкусно пожрать да в баньке молодых баб за задницы потискать (во-во, какие мне порой мерещатся!), а другие… потому что надо прийти. Потому как я их шеф. А шефа не просто уважают (даже вообще не уважают!), его боятся. А мне от этого на душе так сладко!.. Пусть бы только попробовали не прийти. Ха-ха…

А ведь я однажды застал Любочку ревущей… Нет, при мне она так улыбается, что просто ягодка. А вот наедине с собой прямо волком взвыла. И чем недовольна? Вроде всё ей дал. И проблем никаких не должно быть, у неё ведь ни семьи, ни детей… А Гаврик. Приручить-то я его приручил, а душу, чую, не покорил. Знаешь, как он однажды на меня посмотрел, стоило мне только отвернуться. Я в зеркале увидел. Казалось, готов был зубами мне в глотку вцепиться!.. А едва я к нему опять повернулся, он морду такую скрючил – сама преданность… Эх, и сволочи меня окружают. Вот так, Лёха. Ты хоть и критикуешь меня, да говоришь обо всём честно. А эти… Того и гляди, всадят тебе нож в спину. И главное, не знаешь, когда и где… Видишь, не совсем моя теория работает. Да? Ха-ха…

Где моя рюмашка?.. О-ох, здорово…

Вот ты мне, Лёха, скажи: может ли дебил… ну, то есть тип с напрочь отключёнными мозгами… принимать какие-то решения? Что? Только на уровне физиологии? Это как?.. А-а, здесь я согласен. Пожрать там да потрахаться… То есть как скотинка.

А теперь более конкретно. Какой-нибудь шелудивый пёс, попав на тот пожар, бросился бы спасать девчонку?.. Во-от, в этом всё и дело. Он в лучшем случае полаял бы, глядя на огонь, и побежал бы дальше… А этот… ну, который дверь вышиб… вот именно, даун… если бы он был как пёс, только в человеческом обличии, то просто стоял бы, глазея на горящий дом, и от удивления ковырял бы у себя в носу… Понял?.. Ну, что ты тормозишь! Я пьяный и то врубаюсь… Если у него мозги были в отключке (а это действительно так, потому что эти типы даже элементарной арифметики не понимают!), раз он не мог посчитать вероятность падения крыши, если не мог даже ошибиться в расчёте – а значит, не имел возможности осознать, что не сгорит! – то что заставило его броситься в огонь?! А?! Какая фигня его на это толкнула?! И главное, Лёха, почему её не оказалось у меня?!

А что если этот даун знал… вернее, ощущал… не только больше пса, но и больше нашего с тобой? Чуешь? И мозги у него для того и были отключены, чтобы не мешать это ощущать?..

А не приходило тебе в голову, что, возможно, он кинулся бы в дом даже тогда (лично я подозреваю, что кинулся бы точно!), когда осознал бы наверняка, что вероятность краха была бы не пятьдесят процентов, а, скажем, девяносто! То есть когда потолок начал бы рушиться прямо на его глазах!..

Что говоришь? Опять побледнел? Я, Лёха, давно такими припадками страдаю. Внезапного побледнения. Это ещё Любочка заметила…

Пошёл? Ну, давай. Ты извини, я тебя проводить не смогу, шатает меня… Переборщил, ты прав…

Щас вот ты уйдёшь, а у меня, блин, опять тоска…

Что? Надо отоспаться?.. Да, пойду лягу…

Только… что-то я хотел…

А, вспомнил… Где тут у меня… Вот, возьми… Да я не тебе, гордый какой… Попросить тебя хочу, для того и звал… Купи на эти деньги букет… ну, гвоздички там… или розы… какой хочешь… Вот бумажка… здесь номер участка и могилы… Найдёшь… её ни с одной не спутаешь: травой заросла, без оградки… крест вообще сгнил… Отнеси туда цветы…

Что? Я сам? Нет, Лёха, я боюсь… Чего? Э-эх, не поверишь… глаз его… Ну, того самого, который без мозгов… И кому только в башку ударило фотку на крест присобачить... с таким дебильным взглядом...

Зачем цветы, говоришь? Какая тебе разница. Положи и всё… И… это… скажи ему чего-нибудь… от меня…Ну, откуда я знаю?.. Ты лучше меня должен знать, что говорить…

Всё, иди… Шагай, брат Лёха, и не поминай лихом раба Божьего… как бишь… фу, чёрт, допился… забыл, как меня и звать…

А может, так и надо?.. без имени… Зачем оно мне?.. Кто меня добром вспомнит?.. Кому я что хорошего сделал?..

Жизнь, Лёха, промелькнула, как сон… Все свои годы на эти железяки угробил!.. От которых такая вонь кругом да грохот, что башка трещит!.. На которых – пойми! – не хлеб людям возят, а такие, как Шурик, сломя голову к своим проституткам летят!.. Да не ору я, и на соседей мне наплевать!.. Направление-то пути ему не сердце показало, а хрен его торчащий! Лёха, ты только вдумайся: хре-ен! Как стрела компаса!.. Да не трогай ты меня, я спокоен! Иди своей дорогой!.. Ступай, Лёха! Ты, может, ещё дойдёшь! Я – уже никогда! Никогда! Понял?!.

СВЯТЫНЯ

По окончании литургии из храма вместе с другими прихожанами вышли две женщины средних лет.

– Давай подадим, – Галина Сергеевна кивнула на двух лохматых мужиков в потрёпанной одежонке, просящих милостыню возле церковной ограды.

Женщины подошли к ним.

Елизавета Николаевна вынула из сумки кошелёк, высыпала из него на ладонь монеты и стала их пересчитывать. А Галина Сергеевна быстро подала обоим нищим по десятирублёвой купюре и посмотрела на подругу:

– Не будь скупердяйкой, отдай им всю мелочь.

– Ну да, – покачала та головой, – мне ещё стиральный порошок нужно купить, мыло…

…По дороге домой Елизавета Николаевна обратилась к подруге:

– Галя, ты поможешь мне её повесить? – она кивнула на свёрток, который держала в руках.

– А твой-то что, разучился молоток в руке держать? Или опять запил?

– Дело не только в водке. Он вообще иконы на дух не переносит.

– Слушай, как ты с ним живёшь?

– Как в аду… Знаешь, в молодости у нас с Виктором было много общего. И в кино мы с ним частенько хаживали – порой на откровенную пошлятину; и, чего греха таить, весёлых компаний не чурались, с выпивкой и танцульками. Я ведь тогда христианкой только по названию была – ну, там, в воскресную службу свечку поставить, молебен о здравии заказать… Да и он вроде бы не против моей веры был, только посмеивался надо мной – мол, отсталая я, тёмная… А уж любил меня! Цветами прямо задарил… Но когда пить начал, всё круто изменилось: ни помолиться при нём как следует, ни иконку в дом принести – брюзжит, как старый дед… Сквернословие его, бредни пьяные – надоели хуже грыжи. Веришь, несколько раз порывалась от него уйти; да ведь пропадёт без меня: ни постирать себе, ни сготовить, даже разогреть не умеет…

– Нужно терпеть, Лизонька. Иного пути в Царствие Небесное, как только через Крест, не бывает.

– Откуда нам это знать, – вздохнула Елизавета Николаевна. – Просто надо жить по совести, а там как Бог даст.

– Тебе, подружка, надо почаще Евангелие да Святых Отцов читать. Тогда и сомнений не останется.

– Да всё времени не хватает…

– Как у Марфы…

– У кого?

– Притча есть такая, о двух сёстрах – Марфе и Марии. Первая принялась угощение Спасителю готовить, когда Он у них остановился, а вторая села возле Него и стала слушать Его проповедь. И Христос по-

хвалил её за это. Сказал, что Мария о своей бессмертной душе заботится, а Марфа думает о тленном…

…На звонок никто не вышел. Елизавета Николаевна открыла ключом дверь, и женщины вошли в квартиру.

– Может, спит? – шёпотом спросила Галина Сергеевна. И прислушалась: – Нет. Кажется, одни…

– Ну и слава богу, – обрадовалась Елизавета Николаевна. – Сейчас икону повесим и чайку попьём.

Женщины разделись и прошли в комнату.

Елизавета Николаевна развернула бумажный свёрток и, взяв в руки довольно увесистую деревянную икону с изображением Спасителя, просияла:

– Благодать-то какая, чувствуешь? Особенно сейчас, когда её в церкви освятили…

– Красивая, ничего не скажешь…

– Отец Николай – иконописец от бога… Слушай, дай мне его адрес. Жива буду, в следующий отпуск обязательно поеду к нему в Загорск, полюбуюсь на его работы.

– Сейчас… – Галина Сергеевна направилась в прихожую, где висело её пальто. Минуты две спустя возвратилась растерянная: – Ума не приложу, куда записную книжку подевала… Скорее всего, дома оставила. Вернусь, выпишу тебе адрес на листок и к следующей службе принесу, ладно?

Елизавета Николаевна нашла молоток, гвозди; но едва женщины стали примерять, где повесить икону, входная дверь заскрипела и в прихожей раздались шаги.

– Никак твой явился… – с сожалением покачала головой Галина Сергеевна.

И тут же в комнату вошёл мужчина с густой щетиной на опухшем лице.

– Наконец-то… – обратился он к Елизавете Николаевне. – Я уж думал, ты в своём молельном доме снова до обеда пробудешь… Дай тридцатку, позарез нужно.

– Опять горит? Только вчера зарекался…

– В последний раз, клянусь. Хотел у Лёхи занять; да его, как назло, дома нет. Куда он с утра подался?

– Поди-ка туда же, куда и ты намылился… Тебе же было сказано: денег у меня нет.

– Ладно прибедняться. Забыла, сколько я тебе отпускных принёс?

– А сколько из них уже пропил, не помнишь? Хочешь, чтобы мы, как в прошлый месяц, одни сухарики грызли? А ведь у тебя язва… Здоровье своё изуродуешь, душу погубишь. Каким перед Богом предстанешь, подумай.

– Хватит мне лапшу на уши вешать. Ты мои пять с половиной тысяч в момент подхватила, я даже глазом не успел моргнуть…

– На водку не дам.

– Не твоё дело, на что я свои кровные потрачу. Я же к твоим грошам не лезу!

– Да ведь жрать-то ты с меня потребуешь!

– Обойдусь. Гони три червонца!

– Повторяю, нет у меня денег, я почти всё истратила…

– Куда?

– А куртку зимнюю тебе купили, а холодильник отремонтировали…

– Всё равно ещё много оставалось…

– Разговор окончен. Я и так из-за тебя греха на душу много взяла.

– Да ты что, мне назло?.. – Виктор подступил к жене и попытался схватить её за плечо.

– Но-но, ты не очень-то руки распускай, – вступилась за подругу Галина Сергеевна.

– А тебе чего здесь надо, пошла отсюда!

– Совести у тебя нет, ты же Лизе всю жизнь испортил!

– Галя, не надо, – посмотрела на подругу Елизавета Николаевна.

– Это я ей испортил? – глаза у Виктора загорелись. – Ничего себе заявочки! А не наоборот?!. В девках и спеть, и сплясать могла… А теперь ни в гости не сходить, ни в кино… Я уж про постель молчу: пост, видите ли, у неё…

– Витя! – Елизавета Николаевна покраснела.

– …Платок старушечий на себя напялила… Да настоящие бабы такой причесон наведут и губки накрасят – под ложечкой засосёт, когда их увидишь! А эта в монашку себя превратила, только молится да молчит… На фига мне такая баба сдалась!..

Елизавета Николаевна опустила голову.

– Не тебе её судить, – ответила Галина Сергеевна. – Она по заповедям живёт, спасается… А вот тебе от Бога точно достанется. Эх, и повертишься тогда вьюном, запоёшь соловушкой – только поздно будет!

– Да пошла ты со своими бреднями знаешь куда! Фанатичка, как и она!.. – Он кивнул на жену. – В последний раз спрашиваю, – обратился он к Елизавете Николаевне, – дашь тридцатку? Или я… – он схватил молоток, – расшибу твою маляву к едрене фене!

И мужчина метнулся по направлению к табуретке, на которой лежала икона, принесённая женщинами из церкви.

– Виктор! – встрепенулась Елизавета Николаевна.

– А вот этого не смей! – Галина Сергеевна преградила ему путь. – Я тебе за это глотку перегрызу!

– Чего-о? – протянул мужчина. – А не хочешь, сейчас тебе башку проломлю – вот этим молотком!

– Ну, проломи, проломи! – вскрикнула Галина Сергеевна. – Я за Бога умру, а вот ты на чью радость подыхать будешь?!.

– Прекрати! – Елизавета Николаевна бросилась к мужу и выхватила из его руки молоток. – Совсем очумел?!.

– Ты мне дашь на чекушку или нет?

– С сегодняшнего дня ты от меня не получишь ни гроша! Хватит! Я сама виновата, довела тебя своими подачками! Да ведь жалела; думала, опохмелится человек и одумается… А бесы только смеялись надо мной… Иди вон. Придёшь пьяный – не пущу на порог, так и знай! Будешь в подъезде ночевать. А начнёшь буянить – позвоню в психушку.

– Вон как заговорила! В психушку? Ладно…

Виктор кинулся к окну, быстро открыл обе правые створки и встал на подоконник.

– Ты в своём уме?! – бросилась к нему Елизавета Николаевна. – Восьмой этаж!

Но он, словно пушинку, оттолкнул жену от себя. Та не удержалась на ногах и упала.

– Вот тебе моё последнее слово: сейчас же возьмёшь молоток и раздолбаешь свою святыню, – мужчина кивнул на икону, лежащую на табуретке. – Или я прыгаю вниз. И я не шучу. Считаю до трёх. Раз…

– Виктор, опомнись! – Елизавета Николаевна поднялась с пола, держась за разбитую губу.

– Два…

– Галя, – умоляюще посмотрела она на подругу.

– А что я сделаю… Дурень, ты же прямо в ад полетишь, без остановок…

– Три… – Виктор сделал шаг вперёд, поскользнулся и… повис, ухватившись за створки окна.

Елизавета Николаевна вскрикнула и закрыла лицо руками… Затем с ужасом посмотрела в сторону окна, где кряхтел её супруг и виднелись лишь его голова и руки.

– Галя, сними его… – плаксиво проговорила она.

– Чтоб он меня с собой утащил?

– Витенька!..

– Руби, ну! – Мужчина громко застонал. – Не могу больше! – Он разжал ладонь и повис на одной руке. – Падаю!.. Мама!..

Елизавета Николаевна схватила молоток и ударила им по иконе. Галина Сергеевна на мгновение оцепенела… Затем схватила подругу за руку:

– Ты… рехнулась!. Ты спятила! – Она захлебнулась от негодования. Затем посмотрела на икону: в середине её была широкая вмятина, от которой в разные стороны отходили извилистые трещины…

Виктор подтянулся на руках, опёрся коленкой о подоконник и ввалился в комнату. Поднялся, глянул на икону, затем на жену и расхохотался:

– Вот это монашка!.. Вот это я понимаю!.. А ещё молится по утрам!..

Галина Сергеевна, заподозрив неладное, подошла к окну и глянула вниз:

– Строительная люлька… – Она обернулась к Елизавете Николаевне: – Он тебя, дуру, разыграл!..

Мужчина продолжал хохотать; а Галина Сергеевна, с ненавистью посмотрев на подругу, перекрестилась на разбитую икону и пошла в прихожую. Когда входная дверь за ней закрылась, Виктор подошёл к супруге:

– Ну, поиграли в святош и ладно. Дай опохмелиться.

Он запустил руку в карман её кофты и вынул оттуда кошелёк. Сразу повеселел:

– В последний раз, Лизок, поверь… Вот, беру тридцать рублей и ни копейки больше. – Он показал жене купюры и, положив кошелёк на стол, поцеловал её в щёку.

Лицо Елизаветы Николаевны побледнело, губы задрожали. Когда муж вышел из квартиры, она стояла несколько минут, не смея шелохнуться. Наконец, положила молоток на пол и, пошатнувшись, опустилась на колени:

– Не за себя прошу, Господи, не смею… Пощади раба Твоего Виктора, не вмени ему во грех его поступок. Ибо это я во всём виновата… крепко виновата…

Из её глаз брызнули слёзы:

– Пустобрюхая я… на всю жизнь… и скрыла это от него ещё до свадьбы… Думала, привыкнем друг к другу, тогда легче будет правду перенести… А после струсила, так и не сказала ему… Теперь понимаю, какой великий грех на мне. Ведь если бы он женился на другой и у него был сынок или дочка, он бы не запил! Это он с тоски к рюмке потянулся, я это чувствую! – Елизавета Николаевна всхлипнула. – Да и прав он, какая я ему жена. Сколько лет он от меня слова ласкового не слышал, только ругань одну да упрёки… Это я сердце его каменным сделала. Как-то в мороз

он синиц на балконе принялся кормить; так я на него, как бешеная, заорала – мол, квартиру застудишь… Когда молитву читала, дверь за собой закрывала; а нужно было, чтобы он слышал… слышал… Может, слово святое растопило бы его душу… Как же так получилось, что я стала шарахаться от него, будто от чумы? Ведь мы же с ним венчаные… Прости меня, Господи, за его душу… А за это… – она посмотрела на разбитую икону, – знаю, нет мне прощения, я и не молю о нём…

Она перевела взгляд на фотографию, висевшую на стене, где они с Виктором, ещё молодые, стояли с букетами цветов и, обнявшись, улыбались. Перекрестила её, поклонилась… хотела ещё что-то сказать, но не смогла – душили слёзы…

…А Галина Сергеевна, выйдя из подъезда, тут же направилась в сторону храма, в котором они с Елизаветой Николаевной только что были на литургии. Губы её тоже дрожали; она почти беспрерывно шептала:

– Господи, виновата я перед Тобой, что не разглядела вовремя богохульницу, что не смогла уберечь икону Твою Святую от греха кощунства! Отрекаюсь я от этих двух слуг сатаны в человеческом облике и дел их мерзких! Господи, прости меня, грешную…

Недалеко от церкви она увидела всё тех же двух нищих. Только теперь они сидели возле гаража и раскладывали на газете продукты.

Галина Сергеевна подошла к ним и протянула каждому по монетке.

– Благодарствую… – ответил один из них.

Другой положил денежку в тряпичный мешочек, в котором Галина Сергеевна разглядела уголок маленькой книжицы с бардовой обложкой.

Женщина продолжила путь… но вдруг остановилась: «Кажется, моя записная книжка… Как она к ним попала? Неужели спёрли?»

И она сделала несколько шагов по направлению к тем же мужикам, сидевшим за углом гаража и потому её не видевшим.

– Слушай, откуда у тебя такой красивый блокнотик? – услышала Галина Сергеевна голос одного из них. И остановилась, прислушавшись.

– Да у этой бабы сегодня из кармана выпал, когда она нам червонцы доставала.

– Надо было ей вернуть, нехорошо так…

– Ага, чтобы она нас ворьём посчитала? Знаю я, чем подобное заканчивается.

– Брось, она женщина добрая, раз подаёт.

– Причём не только здесь. Видел я её и возле Успенского, и у Княгининского… Подаст, отойдёт в сторонку и вот в эту книжицу записывает, какую сумму всучила. Сейчас покажу… Видишь? А в соседней графе умножает это число на семь.

– Для чего?

– Писание нужно знать, дурья башка. Господь обещал милостивым воздать седмерицею. Вот она, видать, свой будущий прибыток и подсчитывает.

Галина Сергеевна выскочила из-за угла гаража с побагровевшим лицом.

– А ну, дай сюда! – Она резко выхватила из руки бородатого мужика свою записную книжку. – Получил своё – и чеши отсюда, пока хворостиной не погнала!.. Ишь, пристроились – задарма хлеб жевать!..

И она быстро направилась в сторону храма…

ДОХОДЯГА

Неожиданный писк слева заставил Сергея вздрогнуть. Он подошёл к открытому люку колодца и заглянул в него. На самом его дне, сжавшись в комок, сидел маленький пушистый котёнок.

«Эврика! – мелькнуло в голове у Сергея. – Сюрприз для Оксанки будет обалденный! Она тащится от всяких птичек-зверушек…»

Оставив сумку на снегу, он ухватился рукой за край колодца, поставил правую ногу на довольно широкую железную скобу, торчавшую из кирпичной стены, левой дотянулся до другой скобы, расположенной почти на метр ниже первой… и таким образом, по шести скобам, спустился до последней. Которая находилась примерно в полутора метрах от земли. Сергей прикинул, как будет выбираться обратно, и спрыгнул вниз.

«Теплушка» была просторнее, чем казалась сверху. Две металлические трубы уходили в небольшое отверстие в стене; на них была разостлана дырявая телогрейка, на которой валялись покрытые инеем корки хлеба и консервная банка, – очевидно, здесь когда-то ночевали бомжи; но теперь отопление было выключено, трубы остыли, и спать в зимний холод стало невозможно.

Сергей схватил котёнка, сунул его за пазуху и, ухватившись рукой за скобу, подтянулся и поставил на неё сначала одну коленку, затем другую… наконец, встал в полный рост. «Теперь пойду, как по лесенке», – подумалось ему. Однако едва он попытался встать на следующую скобу правой ногой, кирпичная кладка внизу посыпалась; скоба, на которую он опирался левой ногой, выскользнула из стены; и Сергей грохнулся вниз. Котёнок выскочил из-за пазухи и кинулся в дыру, куда уходили трубы.

Некоторое время Сергей лежал не шелохнувшись… Затем рассмеялся:

– Ничего себе…

Поднялся на ноги, отряхнулся от снега и огляделся.

Кирпичная кладка внизу была без единого выступа, за который можно было бы ухватиться.

«Неужели они спускались сюда только по этим скобам?» – подумал Сергей о бомжах.

Он попытался, оперевшись стопой о стену, допрыгнуть до ближайшей к нему скобы; но та была слишком высоко. Тогда Сергей схватил корявый обледенелый сук, приставил его к стене; но как только встал на него, сучок с треском переломился пополам.

– Тьфу! – в сердцах выкрикнул Сергей.

Глянул на часы: без четверти два.

«Оксанка не любит, когда опаздывают…»

Он вспомнил её слегка лукавый взгляд, когда она на недавней вечеринке с друзьями пригласила его к себе на день её рождения, куда он сейчас и направлялся. В тот раз они долго с ней танцевали, пили «Шардоне» и мило беседовали… Она всё же предпочла его Игорьку, которого он лихо обставил своим блестящим знанием компьютера; а также по части юмора, рассказав несколько свежих анекдотов, вызвавших неподдельный восторг среди подруг и знакомых Оксанки. Но особенно Сергей гордился своим замечанием относительно… расстёгнутой у Игорька ширинки. Все тогда похохотали от души; однако Сергей даже виду не подал, что намеревался как-то оскорбить приятеля, – напротив, он подчеркнул, что хотел всего лишь указать Игорьку на его оплошность, которая впоследствии якобы могла поставить его в незавидную ситуацию…

– Эй, кто-нибудь! – крикнул Сергей.

Он испугался, как бы не утащили сумку. Там был подарок Оксанке – её любимые французские духи, стоившие почти половину его месячного оклада. И которые, по его замыслу, должны были окончательно «добить» Игорька.

…Тем временем холод стал пробирать его до костей. Одет Сергей был явно не по погоде: костюм и пальто. Оксанка жила недалеко от его дома, и потому он решил пройти напрямик по пустырю, рассчитывая всего минут на пятнадцать ходьбы. Естественно, ему и в голову не могло прийти, что с ним может случиться такой казус и что с утра ударит настоящий крещенский мороз!

Сколько он сейчас ни напрягал свои «эрудированные» мозги, ничего иного придумать не мог, кроме как постоянно приседать и бегать по периметру «теплушки», чтоб не замёрзнуть. И, конечно же, время от времени покрикивать – в надежде на то, что кто-нибудь его услышит. Тропинка, которой он шёл, вела к ремонтно-механическому заводу; и потому сегодня, в воскресенье, прохожим пока оказался он один.

…Время шло, а на его крики так никто и не отзывался.

«Это уже не смешно», – подумал он.

Схватил лежавший на трубах бушлат, скомкал его и приложил к стене – под то место, где из кирпичной кладки торчала спасительная железная скоба. Затем снял с себя пальто, шапку и положил их на бушлат. Получилась небольшая горка. Дрожа от холода, Сергей осторожно встал на неё и вытянул кверху руку; однако от его ладони до скобы оставалось сантиметров сорок. Сергей подпрыгнул, но до скобы не достал. Затем схватил сучок, поставил его одним концом на одежду, другой прислонил к стене, встал на него и изо всех сил снова прыгнул… ещё раз, другой, третий… – бесполезно.

«Что бы ещё подложить?..»

Он стал ощупывать стену – в надежде на то, что ему удастся вытащить несколько слабо державшихся в ней кирпичей. Но всё было тщетно.

Тогда Сергей бросился разгребать ногой снег; однако кроме пары спичечных коробков и кучи замёрзшего дерьма в углу, ничего не нашёл.

Почувствовав, что коченеет, быстро оделся, накинул поверх пальто вонючую телогрейку и, сжав в кулак онемевшие пальцы рук, принялся

согревать их дыханием… Затем сунул их в перчатки и начал приседать, время от времени останавливаясь и взывая о помощи…

…На третий час своего пребывания в колодце, во время очередной «разминки», Сергей почувствовал головокружение. Присел, оперевшись спиной о стену.

«Так и околеть недолго…»

Он поднял голову кверху. Уже смеркалось.

– Э-эй!.. Кто-нибудь!..

От холода и страха у него застучали зубы, по спине побежала дрожь.

«Как же так, – мелькнуло в его голове, – ведь всё шло хорошо, и на тебе… Чёрт меня дёрнул лезть в эту дыру… за каким-то доходягой. – Он оглянулся, но котёнка нигде не было. – Увижу его ещё раз – придушу!..»

Сергей опять снял перчатки и принялся дышать на немеющие пальцы рук. Задумался…

Да, всё шло хорошо… Прекрасный заработок в одной из преуспевающих коммерческих фирм, бычье здоровье, квартира, машина… Вечернее кафе с разноцветными мерцающими огнями, коктейль, тихая мелодия… А девушки! Одно воспоминание о них приводит в сладкий трепет! Светка, Наташка! Теперь вот Оксанка. От улыбки которой сладко посасывает под ложечкой… Что ещё человеку нужно? Живи – радуйся!.. И вдруг такое…

«Как это гадко, несправедливо! – подумал он. – Я замерзаю, а в сумке – бутылка “Белого аиста”! Сейчас бы она мне не помешала! Но главное – мобильник! Вот ведь в чём штука! Почему я именно сегодня не сунул его в карман – ну прямо закон подлости!..»

Он плюнул с досады. Вскочил на ноги, схватил переломанный пополам сучок и стал бить им о стену.

– Помогите! – глядя вверх, попытался крикнуть изо всех сил, но получилось слабо.

Сел на снег, потому что снова закружилась голова.

«А вот если я здесь околею, – почему-то подумалось ему, – кто-нибудь обо мне заплачет?»

И вдруг его как током ударило: от его исчезновения никому на Земле хуже не станет!

Он вскинул голову.

«Как это? Такого не бывает…»

Надел перчатки и поджал под себя ноги. Опять задумался.

Не бывает, но так оно и есть. Отца с матерью у него уже не было в живых. Из родни – один двоюродный брат где-то на Урале, с которым он виделся однажды в детстве и с тех пор никаких отношений не поддерживал. А семью Сергей так и не завёл. Всё чего-то боялся… Над друзьями и знакомыми, которые женились и заводили детей, посмеивался… А когда те в разговоре с ним высказывали хоть малейшее недовольство возникающими в их семейной жизни проблемами, говорил им:

– Предупреждал дурака: не вешай себе на шею хомут!

Или:

– Не жилось ему спокойно! Сейчас семьи заводят, как и в армию идут, одни лохи!..

И при этом почти всегда снисходительно хлопал своего «несчастного» собеседника по плечу…

Да что детей – друзей не имел. В глубине души прекрасно понимая, что близкий друг – это всегда бремя: или денег взаймы дай, или, допустим, по его просьбе замолви словечко перед начальством… А ведь другу не откажешь!

Конечно, у друга можно попросить и самому. Однако помощь, по его мнению, всегда подразумевает последующие обязанности перед «благодетелем», а Сергей очень не любил быть от кого-то зависимым. Поэтому он предпочитал иметь не друзей, а приятелей. В кругу которых можно весело и со вкусом провести время, вежливо отказывая им в их просьбах и, соответственно, оставаясь никому ничем не обязанным. Погуляли и разошлись. Не обременяя себя чужими проблемами. А дальше он приходил домой, выпивал свой любимый кофе на сливках вприкуску с плиткой молочного шоколада, включал телевизор и смотрел боевик или футбол. А иногда общался по телефону со своей очередной «единственной и неповторимой», в итоге назначая ей свидание. И такая уютная и спокойная – а лучше сказать, беззаботная – жизнь была ему по душе. Сергей очень дорожил своей «свободой» и не желал её менять на что-либо иное.

Но сейчас он понял одну важную истину: горячий кофе с шоколадом – это, конечно, здорово; вот только теперь никто ему их не подаст. Потому что, кроме как своему брюху, он никому их никогда не предлагал. То есть, не замечая окружающих его людей, он неизбежно пришёл к тому, что и его замечать перестали. Иными словами, ни один человек его теперь не хватится и искать не станет.

От этой мысли Сергей даже вздрогнул.

«Как это понимать? Я здесь подыхаю, а они там пляшут, чешут языками и хохочут? И если я дам дуба, никто не моргнёт и глазом?.. Впрочем, Оксанке уж точно станет не по себе. Только не оттого, что я загнулся, а что в этом случае создам ей лишнюю проблему – как помириться с Игорьком! Ведь, насколько я её знаю, ей нет никакой разницы – быть с ним или со мной. Не так ли меняют поношенные перчатки на новые?..»

Внезапно его осенило:

«Так ведь другого и быть не может. Я же сам всем своим видом и манерами дал ей понять, что меня устраивают именно такие отношения. Ведь у нас с ней никогда не было ничего серьёзного и искреннего. Посидеть в кино или кафе, лечь вдвоём в постель – и разбежались, как в море корабли… Чтоб на следующий день опять ломать голову, как убить время...

Он закрыл глаза.

«Но разве зазорно получать от жизни удовольствие? Разве это не свойственно человеческой природе?.. – Он надкусил губу. – Вроде бы всё верно».

И вдруг Сергей вспомнил одного бродячего пса, который частенько запрыгивал на самый верх мусорных бачков возле их дома и рылся в отбросах… После он видел его, бегущего за облезлой сукой.

И тут будто обухом по голове: а ведь он от этого пса практически ничем не отличается! Он всю свою жизнь, как этот кобель, только жрал и трахался!

«Неужели это я? – Он даже усмехнулся. – Неужто и впрямь я сейчас испугался именно этого – навсегда потерять ощущение сладости шоколада и Оксанкиного поцелуя?!. Жил, подобно тому псу, и подохну так же?!»

…Сергей открыл глаза. Глянул наверх: в чёрном небе уже показались звёзды.

«Неужели всё так глупо для меня кончится?.. Да что это я, надо сопротивляться. Нужно согреться».

Он попытался подняться. Но почувствовал невероятную слабость в теле.

«Впрочем, зачем? К чему я цепляюсь за жизнь? Чтобы объедаться шоколадом и икать от сытости?.. и всё прочее?.. Неужели в моей жизни не было ничего выше этого?»

Он наморщил лоб, вспоминая.

«Детство… Деревня… Мама в косынке… Коровка наша, Жданка. Мычит, доить просится… Лес, озеро… Вокруг– щебетание птиц и стрекот кузнечиков, кое-где порхают бабочки… Помню, я глядел на эту красоту и… да-да, ощущал… наивно, по-детски… какую-то неведомую тайну, скрытую в этой лесной благодати, – светлую, радостную… Куда же всё это ушло?..»

Все попытки хоть как-то двигаться приводили к головокружению… Наконец, Сергей почувствовал, что теряет сознание. Ноги его онемели, пальцев рук он почти не ощущал.

«Сейчас мне должно стать тепло… где-то я читал, что именно так и замерзают… нужно только немного потерпеть… Если бы мне стоило жить ради кого-то, тогда другое дело. А так… Зачем страдать? Уж лучше поскорее сладкий сон…»

И словно вспышка молнии в его голове:

«Да точно ли сон? А вдруг…»

Сергей неожиданно вспомнил, как однажды бабушка привела его, десятилетнего мальчика, в храм. Он стоял, завороженно глядя на мерцание свечек и отблеск огня на одной из икон. На которой, очевидно, был изображён какой-то святой. Со строгим, но в то же время очень мудрым и, главное, ласковым взглядом. Пел хор; и среди слов, которые Серёжа запомнил, были такие:

– …и доброго ответа на Страшном Судилище Христовом просим…

«А что если это правда? И мне этого ответа не избежать?.. Странно: я никого не убивал, не грабил; а ощущение такое, словно я, как нашкодивший ученик, панически боюсь встречи с учителем... Будто я в чём-то виноват, что-то сделал не так...»

И вдруг его словно прострелило:

«А может, и боюсь только оттого, что ничего в своей жизни не делал вообще? И потому предъявить Ему мне нечего?..»

Сергей шевельнулся.

«Точно, нечего. Как тому кобелю. В этом смысле мы с ним будем равны. Только он будет молчать, а я скулить от страха. Вызванного ясным осознанием своей псиной натуры, которую я, в отличие от четвероногого, выбрал совершенно добровольно – как говорится, будучи в здравом уме и трезвой памяти. Лишь потому, что эта собачья сущность мне пришлась по вкусу; что мне было желаннее превратиться в пса, нежели оставаться человеком!.. Какая злая шутка!..»

Сергей часто задышал. Он ощутил на себе невероятную тяжесть, будто на него навалилась огромная плита.

«Не хочу… – облизнул потрескавшиеся губы. – Не хочу уходить таким!.. Господи, неужели это правда?!.»

И вдруг рядом с собой услышал тоненький писк. Повернул голову.

Дрожа всем тельцем, на него смотрел тот самый котёнок.

– Что, брат… зябко?.. – еле прошептал Сергей. – Иди сюда…

С огромным трудом окоченевшими пальцами он взял зверёныша за шкирку и сунул его под пиджак. Ощутил, как тот жадно вцепился в тепло…

…Среди мрака Сергей опять вынырнул из забытья. Почувствовал удушье.

«Неужели и впрямь прожил, как шелудивый пёс?..»

Он ощутил, как у него под одеждой кто-то шевельнулся.

«Доходяга… – вспомнил он. – Ещё жив…»

Услышал сладкое мурлыканье.

«Посапывает и в ус не дует…»

И вдруг у него защемило в груди.

«Господи, позволь мне не умереть подольше… дай не остыть до утра… пусть хоть этот малыш выживет…»

Он ещё крепче прижал котёнка к себе… и внезапно почувствовал, что сердечко этого крохотного существа стучит рядом с его собственным сердцем! Да-да, он ощутил, как их сердца буквально слились и бьются вместе. И из глаз Сергея брызнули слёзы.

«Так вот в чём дело!.. – Он даже вздрогнул от неожиданности. – Как же я раньше этого не понял?!. Так просто…»

И тут же почувствовал, как по его телу стала разливаться та последняя, но такая приятная теплота…

Алена БАИКИНА

Родилась в посёлке им. М.И. Калинина Ветлужского района Горьковской области. Окончила исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Десять лет учительствовала в школе, работала на радио, главным редактором газеты «Выкс@.ru», в настоящее время сотрудник библиотеки «Отчий край».

Автор сборников «Обратный билет», «Настоящее», «Предчувствие осени», книги «Козерадские: фамилия на карте Выксы».

Живет в Выксе, Нижегородская область.

БАБУШКА-БАРМЕН

Магазинчик назывался бесхитростно: «Разливное пиво». И был закрыт. Жара плавила древний город, загоняла жителей под кондиционеры и требовала жидкости. Много жидкости. Несладкой, терпкой, которую можно пить и пить. Короче, требовала пива.

А магазин был закрыт... Вот зараза!

Пришлось идти в ближайший супермаркет, покупать что-то из холодильника, не слишком вкусное, не слишком интересное.

Ладно, и на том спасибо...

Хуже жары мозг съедала мысль о предстоящем увольнении. Она испортила весь отпуск, приходила ночами, вгрызалась пираньей и рвала на части серое вещество. Пятнадцать лет… Пятнадцать лет положено на освоение журналистских премудростей. Больше нет сил, а еще больше – нет желания ощущать себя бизнесвумен, вариться в едком котле «актуальных новостей», соответствовать, оправдывать чье-то доверие, приспосабливаться к новым требованиям и очередным кризисам. Надоело понимать, входить в положение, подходить индивидуально. Выходные не приносили облегчения, а с воскресенья на понедельник Ланка вообще перестала спать в предчувствии новых сюрпризов от новой недели.

Все. В отпуск – и увольняться. Гори оно синим пламенем… Но даже теперь, когда главное решение было принято, покой не приходил.

«И что дальше? Куда теперь? На что я годна? Что я еще умею делать?» – простые вопросы превращаются в открытые математические проблемы, когда тебе без трех минут пятьдесят. Вслух отшучивалась:

– Могу копать, могу не копать.

А внутри все сжималось до состояния той маленькой девочки, которая никак не могла решиться поднять взгляд и посмотреть в завтрашний день, ибо ничего хорошего он не сулил.

Она рванула сюда, под покровительство Рюрика и старшего Ярославича, за утешением к святой Софии, то ли убегая от себя самой, то ли возвращаясь к себе.

Что влекло ее в древний город? Названия, будоражившие душу еще в студенческую бытность их веселого курса истфака: Людогоща улица, Неревский раскоп, храм Спаса на Нередице. Ломкий хруст бересты: «От Никиты к Ульянице. Иди за меня замуж. Я тебя хочу, а ты меня. А на то свидетель Игнат Моисеев»… Книга Алексея Югова «Ратоборцы», которую читали всем потоком, потом с друзьями, потом – с подросшими детьми… Или неизвестно где расположенная могила отца, умершего здесь, в Новгороде, накануне Ланкиного первого дня рождения.

Ох, как Ланка мечтала об отце… Года в четыре она наладилась ходить в продуктовый ларек, к добрейшей тете Асе. Приходила, вставала на цыпочки, чтобы видеть в окошечке круглое улыбчивое лицо, и вопрошала:

– Здрастье, тетя Ася! Привоз был?

– Был, Ланушка, был. А тебе чего? – ответ был известен уже, но правила игры нарушать не полагалось.

– Папку не привезли вам?

– Нет, милая, сегодня не было. Может, завтра привезут, ты приходи…

– Ладно! – кивала кудрявой головой незадачливая покупательница. – Я завтра приду. Дайте тогда «петушок».

Протягивала пятачок, получала две копейки сдачи и удалялась, раздумчиво облизывая прозрачный леденец.

Кто пошутил над девчонкой, рассказав, что папу можно купить в ларьке, теперь уж не дознаться. Но она исправно ходила на другой конец улицы до тех пор, пока подвыпивший сосед дядя Миша Теплов не просветил ее, объяснив, что папку купить нельзя, его мамка должна домой привести.

Мама на предложение «привести папку» сначала вытаращила глаза, потом расплакалась, что-то говорила про бабушку, которая «испортила ей жизнь и сгубила молодость», потом схватилась за сердце, потом приезжал фельдшер дядя Дима, колол маме укол, а бабушка сидела строгая, поджав губы и время от времени хмыкала. Ланка смотрела на все это в щелку из шифоньера, куда пряталась от всех домашних невзгод, и решала про себя, что история с папкой непонятная и, видимо, какая-то плохая, раз все так расстроились. Пожалуй, не надо больше про это разговаривать. Придется как-нибудь без папки жить…

Классе в восьмом она возобновит свои поиски, найдет сестру отца, напишет ей – сюда, в Новгород. Они даже встретятся. Та привезет ей старую фотокарточку, и Ланка впервые увидит того, с которым «капелька канула» – так говорила тетка, подчеркивая их внешнее сходство. Общение получится тягостным, никому не нужным и быстро сойдет на нет. А название останется… Новгород…

Город казался бесконечно далеким, почти на другом конце земли. И когда Ланка с семьей впервые сюда приехала, все не могла отделаться от ощущения нереальности. Торговая сторона, Софийская, Ярославово дворище, Рюриково городище, Троицкая улица. Словно она вернулась домой, к знакомому, слегка только забытому прошлому.

Аркаду Гостиного двора местные звали «Санта-Барбарой». За сходство с заставкой почти бесконечной мыльной оперы конца прошлого века. И Ланка вспомнила анекдот из тех же 90-х годов:

– Хочу уехать за границу и жить в Санта-Барбаре.

– А почему в Санта-Барбаре?

– Ну, я там всех знаю.

Вот так и она в Новгороде – пусть не всех, но почти всё знала. С тех пор в самые трудные моменты жизни она сбегала сюда: укрыться за мощными стенами детинца, слушать голоса уцелевших колоколов и бродить по улочкам, стоять на горбатом мостике и смотреть на густую, напоминающую какао без молока, воду.

Ну вот только 30 градусов – очевидно многовато… Даже дышать трудно, не то что передвигаться. Муж и дочка все настойчивее намекали на необходимость посещения местных музеев, желательно тех, где хорошая система кондиционирования. И покупки на вечер большого количества прохладительных напитков.

На следующий день жара спала. Можно было гулять по новенькой набережной вдоль Волхова, любоваться на храм Александра Невского, слушать, как ведут спор серьезные новгородские чайки, собравшие свое вече на отмели. А вечером путь в гостиницу лежал через тот злополучный магазин разливного пива.

Который оказался открытым. И еще раз – вот зараза… Надо зайти. Хотя бы для восстановления вселенской справедливости.

Все как везде. Стойка, краны, прилавочек со снеками. Прямо напротив входа слегка неожиданная для подобного заведения надпись: «Без мата». Категоричная такая, крупными буквами – чтобы точно все увидели. За небольшим столиком элегантная пара – мужчина и женщина средних лет – играли в нарды, негромко переговаривались. На вошедших внимания не обратили. В магазинчике пахло прохладой и хмелевой горчинкой.

Из-за стойки поднялась полноватая женщина лет шестидесяти пяти:

– Здравствуйте!

Посетители неспешно читали надписи.

– А что местное, нефильтрованное и свежее? – задали традиционный для таких случаев вопрос.

– Везут! – как-то неожиданно оптимистично воскликнула продавщица. И радостно принялась развивать свою мысль. – Так, я ему звонила в 19.12, сейчас 19.46… С учетом пробок – минут через двадцать приедет, следовательно. Новгородское привезет, наше, плотное, очень вкусное.

Спешить, собственно, было некуда. А продавщица уже расхваливала местные медовые напитки и даже лимонад на каких-то невероятных травах.

– Давайте поужинаем и вернемся, – предложил глава семейства. И, поскольку для отпускников семь верст никогда не считались за крюк, на том и порешили.

– А вы до какого часа работаете? – решили уточнить на всякий случай.

– Да я долго здесь, – как-то просто, по-домашнему ответила женщина. – Официально до десяти, а на самом деле позже закрываю. Ко мне еще мои завсегда́таи придут, захотят посидеть. – Так и сказала: «завсегда́таи» – с академическим ударением на втором «а». Ланка с дочкой переглянулись. – У нас здесь своеобразный клуб по интересам. Вы приходите! Я буду вас ждать!

После этого проникновенного высказывания вернуться в магазин стало делом чести. Да и попробовать интересно, что она такое нахвалила. Вдруг правда стоящее.

– И еще раз здравствуйте! А это снова мы! Привезли свежее новгородское плотное? – после ужина да еще по вечерней прохладце троица

путешественников была благодушна и готова к импульсивным покупкам. Пара за столиком продолжала бросать игральные кубики, больше в магазине никого не было.

– Вы вернулись! – искренне обрадовалась продавщица. – Да, все привезли. Какого желаете?

И уже подставляя пластиковые бутылки под краны, продолжила расспрашивать:

– Вы ведь гости города? Откуда приехали?

– Нижегородская область, Выкса.

– К сожалению, мне не доводилось слышать о таком городе. А у нас уже многое успели посмотреть? Музеи посетили? У нас прекрасные музеи.

Ланка удивлялась все больше. Ее очень заинтересовала манера общения продавщицы, четко выстроенные чистые фразы без слов-паразитов и междометий. А свои высказывания дама сопровождала плавными движениями рук, словно дирижируя внутренней мелодикой мыслей.

– Да мы четвертый раз уже тут. Были почти везде.

– А ездили ли вы в Старую Руссу? Там сейчас курорт, место отдыха. Но не это ценно. В Старой Руссе великолепный Георгиевский собор. Это так волнующе: стоять в храме и думать, что вот здесь, возможно на этом самом месте, стоял Федор Михайлович… – женщина быстро взглянула на собеседников и добавила. – Достоевский. Федор Михайлович. Он жил в Старой Руссе, вы же знаете, наверное? Он «Братьев Карамазовых» там писал, местного материала в романе много.

– Пиво убежит сейчас… – осмелилась вставить словечко Ланка. И, чтобы не показаться невежливой, добавила: – Я недавно перечитывала «Братьев Карамазовых».

– Нет, нет, не убежит, я смотрю, – мягко повела рукой продавщица. – Великое произведение! Это только так кажется, что там все легко и понятно. На самом деле писатель вводит огромное количество персонажей, и если хочешь разобраться в сюжете, бери листочек и записывай, кто кому кем приходится. Иначе не запомнишь и многого не поймешь.

Бутылки с янтарной жидкостью рядочком выстроились на стойке, но Ланку они уже не интересовали.

– В первый раз со мной такое… Чтобы в «разливашке» про Достоевского беседовать… Простите, а вы… До того, как сюда… Кстати, а как вас зовут?

– Анна Ильинична. Я преподавателем русского языка и литературы работала всю жизнь, – просто сказала женщина.

– Вот так да!

– Так сложилось… Мы с вами находимся в квартире моей мамы. Когда она умерла, мы с сыном решили сдать помещение под магазин. По неопытности вопросов не задали, а уже потом узнали, что девушка-арендатор собирается открыть тут пивной магазин. Отказывать поздно было. Она поработала полтора года и засобиралась в декрет. Все, сказала, мне больше это не интересно. И тут ковид случился. Сын говорит: «Мама, мы не сможем сдать магазин. Давай сами попробуем!»

Вот так я и стала бабушка-бармен.

За первые полгода отвадила всю маргинальную публику. Выражаться здесь никому не позволяю, вон, видите, даже объявление повесила. Сюда приходят интеллигентные люди, мы беседуем, игры настольные популярны. Да вот пример, – она указала на мужчину и женщину. Те остановили игру и прислушивались к разговору. – Мои завегдатаи даже сообщество завели там где-то… В Интернете, я не очень пони-

маю. Договариваются о встречах, общаются. Вот вчера – страшный был день, невыносимая жара! – я не смогла на работу выйти, просто без сил лежала. Так они всех оповестили, молодцы какие! Ой, ну что я разболталась… Кому это интересно, простите! – И резко сменила тему. – А вы уже ездили в Сырково? Там нужно непременно побывать, на могиле Веры Молчальницы. Сырков монастырь – обитель, где укрылась от света императрица Елизавета Алексеевна, после того как ее супруг, император Александр первый инсценировал свою смерть, ушел в Сибирь и жил там как старец Федор Кузьмич. Вы же знаете, это общеизвестный факт! У меня в Сырково знакомая женщина, она ухаживает за могилкой императрицы. Каждый день живые цветы ставит. Благодатное место! Вы приезжайте на следующий год, мы вместе съездим. Она нам храм откроет!

Ланка только удивленно смотрела на эту невероятную женщину. Свое мнение по поводу императора Александра и его таинственной кончины решила оставить за скобками. Судьба самой бабушки-бармена показалась ей гораздо занимательнее. Вот как судьба распорядилась, надо же…

Впрочем, доходило десять часов, уставшие за день ноги просили покоя, по запотевшим бутылкам стекали соблазнительные капельки. Пора было прощаться…

– Простите, я вас совсем заговорила! – смущенно улыбнулась продавщица. – Такие приятные собеседники! Приезжайте еще в наш город! Вы сами чем занимаетесь?

– Я тоже словесник, – рассмеялась молчавшая до сих пор дочка. – Как услышала про листочек, сразу поняла: мы – коллеги.

– Милая девушка! – бабушка-бармен сложила молитвенно руки. – Вы делаете великое дело! Не бросайте его! Так приятно видеть молодых педагогов, таких прекрасных, светлых!

– Я руководитель туристического центра, – отрекомендовался муж. Вынул из рюкзака карту, протянул. – Приезжайте к нам. Выкса, конечно, помладше Новгорода, но тоже есть что посмотреть.

– А я… я журналист, – сказала Ланка. – Член Союза писателей. Стихи, проза…

– Ой! – воскликнула Анна Ильинична. – Я очень рада нашему знакомству! Приезжайте, мы вам творческий вечер организуем. Можно прямо здесь! – смутилась, рассмеялась. – Или у меня дома! Приезжайте! Я вам расскажу, как моя матушка помогала могилу Рюрика найти. И в Сырково съездим…

Пиво и впрямь оказалось интересным. Хмелевая горчинка плавно перетекала в карамельное послевкусие.

– Вот только в «разливашке» я еще стихов не читала, – задумчиво сказала Ланка, разглядывая на свет свой бокал с янтарным напитком. Помолчала и добавила весело: – А почему бы и нет, в конце концов…

Ночью она проснулась с ощущением, что чего-то не хватает. Что-то изменилось. Жара ушла? Нет, не то… Грызущее ее сомнение, отравляющее отпускные дни, напитывающее тяжкой темнотой ночи, отступило, ушло, растворилось. А на его месте возник образ пожилой полноватой женщины, светло улыбавшейся из-за барной стойки.

«Да я много чего умею, – подумала Ланка. И повторила про себя фразу старого доброго друга: – А чего не умею – тому научусь».

Она уснула крепким сном человека, которого ждет светлое доброе утро хорошего нового дня.

Елена БЕРМУС

Родилась и живёт в Петрозаводске. Окончила Карельский государственный педагогический университет. Кандидат филологических наук. С 2007 года работает в редакции журнала «Север». Литературовед, текстолог, методист, редактор.

Автор двух книг документальной прозы. Пишет рассказы. Публиковалась в научных изданиях, а также в журналах «Север», «Роман-газета».

ЭПОХА ВАЛЕНТИНЫ

1

В полумраке секундная стрелка будильника с трещиной на стекле вымеряла жизнь: каждому – своё. Долгий протяжный крик прокатился по квартире, нарушив едва уловимый ход часов.

Той ночью Валя совсем сдурела. Блажила как резаная, слонялась по комнате из угла в угол. То заваливалась набок, то снова вставала, словно неведомая сила тянула ее дальше, – и так по кругу всю ночь напролёт. Кошачий ор не давал уснуть – в глухой темноте он звучал зловеще.

– Кыс-кыс, Валенька! – свесившись с постели, хозяйка шерудила по полу руками.

Кошка будто не слышала. Сама животная суть рвалась из уютного тела, круша тихий мир дома...

2

Неделя, как Валя почти перестала есть, и позавчера Таня снесла кошку в ветеринарку.

Врач подозрительно осмотрела пациентку, посветила зрачки, пощупала живот.

– Сколько ей?

– Четырнадцать с половиной, – ответила Таня, давя всем нутром червячка дурного предчувствия. Не удержалась: соврала – скостила годик.

Ветврач с сочувствием подняла глаза на хозяйку:

– Возраст... Сами понимаете...

Таня согласно закивала – да, мол, возраст. Сведенные брови зажали плаксивую морщинку. «Но Маша – Маруся-то до двадцати лет жила...» – не решилась возразить вслух. Сглотнув застрявший в горле ком, Таня подобралась и сообразила повести разговор по-деловому.

– Может, капельницу? Я оплачу. Хоть курс сразу...

Кафель смотровой отражал холодный свет слепящих ламп: страшнее его ничего нет.

Врач покачала головой и села за ноутбук заполнять медкарту.

– Вот что... Давайте-ка биохимию сделаем, – не отрываясь от экрана, предложила она. – Посмотрим, что там...

Молоденькая медсестра помогла скрутить Валю, чтобы забрать кровь. Откуда-то в обессилившей исхудавшей кошке взялись силы для грозного рыка, она со всей мощи дернулась, попыталась выпустить когти, но жилистые руки, готовые к такому повороту, железной хваткой прижали ее к столу. Наконец, густая почти черная кровь заполнила пробирки.

– Завтра с утра позвоните в клинику за результатом, – голос ветеринара звучал будто издалека. – А сегодня кормите насильно детским мясным пюре или кормом для котят... Воду надо вливать по чуть-чуть, если сама откажется пить...

Таня опять кивала, а сама, как в тумане, гнала от себя то, что чувствовала кожей. Ведь Маня-Манюра... двадцать лет...

Да сама-то Валя уже все знала про радугу на пути к белому облаку и про распахнутые на ночном небе яркие звезды закрывшихся до скончания веков глаз. Всем нутром чуяла, как прорывается кошачий дух из одряхлевшего тела и помутневшим зрачком видела другой мир.

Вечером Валечка полизала мягкого корма, попила воды. Измотанная Таня гладила мурчащую кошку. Вот он – покой дорогой! Стрелка тикает, Валечка мурчит – жизнь идёт. Жила же Маша до двадцати лет и в усики не дула, а Валюше-то и пятнадцати нет... Таня и сама поверила в свою ложь в ветеринарке.

Ночь пережили. Таня часто просыпалась, считала секунды в такт стрелке, прислушиваясь, дышит ли Валя. А та, устроившись у нее на одеяле, вытянулась во всю длину.

Наутро Валечка как будто с аппетитом поела, пошла в свой лоток: древесные гранулы бодро гремели о пластиковый бортик. Таня прислушивалась к привычным звукам их с Валюшей домашней жизни. Пусть так будет всегда, ничего больше не надо – только то, чем жили.

Стрелки отмерили девять – клиника открылась. Таня смотрела то на часы, то на телефонный аппарат, даже достала визитку, но номер набрать не решалась. А что скажут? Ну, бывает, что у кошек плохой аппетит. Корм надо менять. Может, скажут, отравилась чем... Или шерсти наглоталась, наелась цветов на подоконнике... Да мало ли!.. Живут же кошки...

Днем Валечка снова чуть-чуть полизала котячьего корма и исчезла. Таня искала, ки́скала – будто испарилась кошка. Ну не могла же уйти! Оказалось, Валя залегла под старый, многими лапами коцаный диван, будто прячась от дневного света, от этой жизни, которой оставалось в ней на кончике тощего хвоста.

После обеда дел особенно не намечалось, сидеть сложа руки, ощущая незримое присутствие сгинувшей с глаз Вали, было невыносимо, и Таня, чтобы занять себя, полезла в глубокое чрево книжного шкафа. Руки сами потянулись в прошлое – туда, где все живы и здоровы. Перебирала фотоальбомы: верхним и первым по важности лежал «Павлик» с беззубым младенцем на обложке, потом (тот, что с голубками) семейный – от свадьбы до вдовства, дальше в строго определенном порядке

«Маша», «Коля», «Катя», «Стёпа» с усатыми разномастными мордами. В самом низу «Валентина» – его и положила на колени.

Таня отогнула обложку – на страницу выпрыгнул мохнатый белый котенок. Сколько таких водится – все на одну морду! Перевернула лист – пушистый шарик залез в тапку Таниного мужа. Дальше Валечка-подросток на кухонном подоконнике среди цветущих фиалок. Валентина, солидная дама, позировала на спинке хозяйского дивана в гостиной – развалилась барынькой, разложила на выгоревшей от солнечных лучей диванной обивке царственный, как перо райской птицы, хвост.

Валечкино царство невелико: одна комната, прихожая, кухня, совмещенные ванная с туалетом, летом еще и лоджия. В прихожей, в самом темном углу, ее лоток. В кухне возле раковины – миски с едой и водой. Так и жили они месяц за месяцем, год за годом.

Изредка Таня ездила в соседний город к подруге или в санаторий. Тогда их мир дополняли чужие шаги, запахи, напоминая, что они не одни во вселенной: Валечку навещала одышливая соседка либо раз в день в квартиру врывался Танин сын. Воротя нос, Павлик менял наполнитель, выворачивал пакетик влажного корма в одну миску, горсть сушки на ужин – во вторую, подливал воду и стремительно уходил, не обращая внимания на трущуюся об ноги Валентину.

3

...А той последней ночью и правда Валюшка совсем сдурела. Темень наглухо заволакивала квартиру, в такое время она казалось чужой, если бы не это привычное тиканье часов. Лежать без сна в тёмной комнате, когда рядом истошно орёт кошка, – сущее наказание. Главное – дотянуть до того момента, когда солнечный луч, нащупав в шторах зазор, проникнет в комнату.

С трудом дождавшись, пока стрелки отмерят шесть, Таня опустила ноги в шлепанцы и пошла в кухню, попутно везде включая свет, – кошка помотыляла следом. Не зная, за что еще схватиться, Таня раздвинула занавески на окне: хмурая небесная поволока раннего утра заглянула в дом. Достала из холодильника пакетик с кошачьим паштетом, сунула палец с кормом Вале под нос – та отвернулась.

Таня устало опустилась за кухонный стол. Кошка, шатко сделав круг по кухне, завалилась у её ног. Хозяйка наклонилась к ней и начала поглаживать клокастую потускневшую шерсть. Валечка в ответ попыталась завести мурок и даже пару раз муркнула, а потом вытянулась в струнку, дёрнулась всем телом – и свет для неё навсегда погас. Секундная стрелка в комнате будто запнулась на миг, но тут же двинулась дальше, будто ничего не случилось.

Таня сразу всё поняла. Легла грудью на стол и вымученно заревела. Ну почему?.. Почему? Ведь живут же кошки двадцать лет! Живут же!.. Младенчески голубые глаза затянула соленая влага. Слёзы струились по миловидному лицу, затекали в морщинки. Нос заложило – стало тяжело дышать, будто кислород перекрыли – мир кончился.

А стрелки часов невозмутимо наматывали круги – вот уже утро уверенно вступало в свои права. Солнечный луч, прорвав облачную завесу, проник в кухню, достиг обеденного стола и, сплетясь с серебристой сединой, улёгся на Таниной белёсой макушке. Суета нового дня подкатывала – надо торопиться.

Худо-бедно взяла себя в руки. Метнулась в комнату, зарылась в пахнущий лавандой платяной шкаф, вытащила детскую Павликову простынку. Вернувшись в кухню, положила на нее кошку, свернула тельце в объёмистый кулёк. Провела ласковой ладонью по хлопковой ткани. «Отбегала своё Валечка, отмурчала, сколько Богом отмерено. Это редко, когда кошки двадцать лет живут. Вот жила Маша...» – чуть слышно, одними губами втолковывала себе, бестолковке, Таня.

В ванной плеснула в раскрасневшееся лицо холодной водой, высморкалась. Теперь надо сварить кофе, позавтракать – это было всегда, во все Танины дни: и до Вали, и с ней и после нее будет так. Поплелась в кухню. Потянув на себя алюминиевый желобок навесного шкафчика, достала кофейник, но сразу передумала. Вскипятила электрический чайник, всыпала в кружку ложку растворимого и плеснула воды. Опустившись за стол, прожевала кое-как бутерброд, но допить кофе не смогла.

В комнате торопливо оделась и, пока соседи не затопали по лестнице, вышла из квартиры вместе со свертком и небольшой штыковой лопаткой. Не хотелось лишних расспросов, любопытных взглядов, болтливых языков. Да какое им всем дело, если это их мир, Тани и Валечки, и меньше часа назад он рухнул?

Минутах в пятнадцати от дома, у речки, небольшой лесок. Туда Таня и направилась, чтобы проводить Валечку в последний путь. Прошла со своей ношей мосток, а дальше на пригорке между высокими елями – место темное, не проходное – их «семейный» некрополь. В ряд четыре могилки, помеченные крупными кусками шлифованного камня. Таня обвела взглядом своё печальное хозяйство – только и осталось от них.

Маша 1957–1977
Коля 1977–1983
Катя 1983–1992
Стёпа 1992–2003

Слезы снова проступили на глазах. Не смахивая – чего уж, все свои! – начала копать. Повезло еще: сентябрь на дворе – до заморозков далеко, земля мягкая – примет. Когда яма показалась надежной глубины, Таня опустила в нее сверток, засыпала землей, легонько обхлопала, сверху положила осколок булыжника, постояла. Выдернула у Стёпушки и Маши по тряпичному цветку – не обидятся! – воткнула Валечке. Потом машинально перекрестилась – всё как положено.

Оставалось в выходные покрутиться возле гранитной мастерской – там, бывало, двери подпирали крупными обломками каменных плит, а по выходным они вроде как никому не нужны – без надзора лежат. Можно сказать, ничьи. Один из обломков, что поровнее, и пригодился бы. Еще нужно разжиться белой краской и отыскать на лоджии старые буквенные трафареты.

Домой шла – еле ноги волочила, тошно было, хоть вой. Всякому отмерено, никто живым не уйдет. Чужую жизнь уважать – особое умение, а как уважать чужую смерть? Понятно, не вечны они – живая скотина, теплокровная, когда-то и остынет. Всё Таня знала – давно не девочка, но горевала по каждому. Кончилась Валечкина эпоха, и ее, Танино, время тоже отмерено кошачьими мерками.

Вернувшись домой, провернула ключ на три оборота и обмякла. Это их горе: ее и Валечки – пережить его надо без чужих глаз и пустопорожних утешений. И правда, скажут, ну что тут такого? У Тани умерла

кошка. Кошка – одна из миллиардов. Сколько их топчет лапами земной шарик! Но нет же, всё совершенно не так. Вовсе не в кошке дело. У Тани-то умерла Валя – единственная.

В кухне Таня плеснула в рюмку коньяк, нарезала лимон, пару бутербродов и устало опустилась на табурет. Задержав дыхание, хлопнула коньяку, зажевала лимонным ломтиком. Господи, гадость какая! Поморщилась с непривычки: и невкусно, а надо помянуть – родная душа. Отмерила еще рюмочку. Когда доела последний бутерброд с подсохшей уже коркой хлеба, подняла с полу кошачьи мисочки, сложила их в раковину. Принялась было убирать со стола, но глаза закрывались – темень подступала. Пошатываясь, пошла в комнату, как была в домашнем платье – так и завалилась на диван, выбитая алкоголем из опустевшей реальности.

4

Проснулась поздно вечером: стрелки отмерили девять, секундная двигалась по кругу – и так без конца. Сев на постели, Таня посмотрела на дисплей телефона – неотвеченных не было. Добрела до ванной, плеснула водой в лицо. Теперь в голове стало проясняться: Валечку схоронила, хлеб кончился, время – десятый час. Быт отрезвил: хлеба дома ни куска, а ближайший магазин вот-вот закроется.

Таня торопливо накинула плащ на мятое домашнее платье, обула старые босоножки и вышла из квартиры. Хороша, нечего сказать: с припухшим лицом, запахом алкоголя и красными от слёз глазами. Повезло – соседей не встретила, а то было б разговоров: Татьяна Ивановна, уважаемый человек, архитектор, – и спивается. Враньё. И про Татьяну Ивановну тоже. Таня она, Танечка – как родилась, так и осталась. Усмехнулась: повезло, что не актриса, иначе б сразу кинулись «спасать», бесцеремонно долбясь телефонными звонками и непрошеными визитами в наглухо закрытую дверь чужой жизни.

Таня добежала до ближайшего магазина – успела-таки. Второпях купила хлеба, молока и кое-что к обеду. Руки!.. Эти подлые руки сами потянулись к полке с кошачьим кормом. Спохватилась – отдернула. Когда вышла из магазина, охранник изнутри закрыл за ней дверь: часики протикали – рабочий день кончился.

Таня неспешно шла по темной улице и перебирала в уме: «Хлеба купила, молока. Завтра суббота – Павлик может заехать... А Валечка умерла». Последняя мысль шевельнулась в голове острым кошачьим коготком. Смиряя себя с утратой, думала о своём, как бы со стороны подводя итог очередному этапу своей жизни. Умерла ее Валечка, царица Валентина – отжила своё барынькой. Умерла, как Маша – цыганская дочь, голубоглазый граф Коля, полосатая мадам Катя и козлик серенький Стёпочка... Все умерли. Одна Таня осталась. Стены Танины, время неизжитое и руки... эти подлые ласковые руки.

Теперь она старалась дышать глубоко, как только могла. Вдыхала и выдыхала, будто черпая силы из прохладной сентябрьской ночи. Так прошла всю улицу до широкого проспекта. И вдруг из подворотни мелькнула тень и затаилась под смородинным кустом. «Крыса?» – Таня даже напряглась. Тут раздалось протестное душераздирающее «мяу!» – шиш тебе, а не крыса – большего оскорбления не придумать! Кошка орала так истошно, словно была против этого засыпающего мира, против опустившейся на город ночи, против жизни такой и даже против

этого тусклого фонаря, который мог бы и светить поярче. Таня осторожно позвала: «Кыс-кыс!..»

Под световой купол опасливо вышла кошка. Скорее, даже взрослый кот. Крупный, но, судя по шубе, со сложной судьбой. Манеры его не подвели. Изящно извиваясь и кланяясь, как заморский посол, кот наворачивал круги вокруг Тани, стараясь зарекомендовать себя с лучшей стороны, наконец потерся шерстяным боком о её ноги. Кошачья дипломатия принесла плоды. Таня присела к нему, провела ладонью по грязно-рыжей клокастой шерсти, заглянула в желтые глаза.

– Усы-то где подпалил? – жалостливо и обречённо улыбнулась. – Да сколько тебе? Солидный котина. Кошки, говорят, лет двадцать живут...

Кот завел мурок – пел он с присвистом, убедительно, звук выходил плотный, густой.

– Ишь ты, артист! – невольно восхитилась Таня.

Она еще раз провела ладонью по спине кота – от ушек от самого кончика хвоста. Кот прибавил громкость и стал еще усерднее льнуть к ее рукам, тычась в них мордой.

– Да нет у меня ничего. Не купила. Кто ж знал, что тебя встречу? – будто извинялась Таня, начёсывая проходимца за ухом. – Разве дома у Валечки остался пакетик...

Посчитав, что переговоры завершились успешно, кот победно выгнул хвост вязальным крючком и деловито потрусил впереди Тани – уж он-то знал путь…

Поэзия

Максим ЗАМШЕВ

Поэт, прозаик, критик. Родился в 1972 году в Москве. После окончания средней школы служил в Вооруженных силах СССР. Затем окончил музыкальное училище им. Гнесиных и Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор десяти поэтических книг и четырех книг прозы, многочисленных публикаций в разных жанрах в России и за рубежом. Лауреат литературных премий им. Николая Рубцова, им. Николая Гумилева, им. Дм. Кедрина, им. Александра Грибоедова. Награжден медалями «Защитник Отечества», «За просветительство и благотворительность», медалью Суворова. Произведения переведены на 15 языков. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Член наблюдательного совета литературной премии «Лицей» для молодых писателей и поэтов.

Главный редактор «Литературной газеты», главный редактор журнала «Российский колокол». Живет в Москве.

ТАКАЯ ЖИЗНЬ, ЧТО БЛИЖНЕГО НЕ ВИДИШЬ

* * *

Мы не будем это всё комментировать,
Очумевшая храпит слобода.
Нам пора уж это всё конвертировать
В деревянные рубли навсегда.

Углубляются познания адские,
Берлиозов надрывается альт.
Из кареты возбуждённые Чацкие
Высыпают на бесцветный асфальт.

По лавчонкам рассыпаются, нервные,
И не могут ничего в них найти.
Мы, конечно же, не выскочим в первые,
Но просыплется на нас конфетти.

Пополнением для рая не станем мы,
А убогий подаяния ждёт.
Он не знает о Гарольде в Италии,
Только горечь от ума горло жжёт.

* * *

Прозвени, – это так обаятельно, –
Проржавевшим ключом.
За порогом твоим обыватели
Говорят ни о чём.

Вроде, думаешь, март, и – пожалуйста, –
Всё снега да снега.
Вроде, думаешь, фарт, но без жалости
Не возлюбишь врага.

А небесные плиты расколоты
Посреди облаков.
Куполов пригорюнилось золото
И стекает с боков.

Изучи до конца географию,
Чтоб остаться потом
На семейной большой фотографии
Просто белым пятном.

* * *

В детстве прочитав «Анну Каренину»
Я только Каренина и жалел.
Потом годами настраивал зрение,
Но в этом не преуспел.

В Петербурге есть станция «Автово»,
Не имеющая отношения ни к какому авто.
Жизнь – это литература без автора,
А мы всё думаем, автор кто?

* * *

Я вижу тебя на набережной,
Торопливой, бесповоротно строгой.
Память обманет. Ещё не набрано нам
С небесного номера. Осень выйдет убогой
Из своих передряг. Умоется снегом.
Я вижу будущее, где смычок
Не со струной подружился, а с нервом
Голым, как все мы, но тут – молчок.
Наверху так темно, что не веришь в траур,
Я не помню тебя. Боль беспричинна.
Рифмуем Прокофьев и кофе. А Штраус
Всё вальсирует под вальсы своего сына,
И вместе с ним вальсируют парапеты
И памятник Ленину, что валялся тут.
А ежели свет ты увидишь где-то,
Знай, что именно там тебя не ждут.

* * *

Меня давно не существует,
Но тело есть, глаза и рот.
И обо мне не повествует
В былинах проклятый народ.

Я был всего лишь полустанком,
Но как-то осенью не встал,
состав не принял, полный танков,
И называться перестал.

Но полустанкам в человечки
Преобразиться суждено,
Цедить нелепые словечки,
Смотреть нелепое кино,

И, не оглядываясь, мчаться
Там, где сбежали от забот
Земли печальной домочадцы,
Кому даны глаза и рот.

Меня давно не существует,
Как из полка пришлось убыть.
Но тетерев опять токует,
чтоб посмотреть в глаза убийц.

* * *

Пойдешь направо – пьяный хор,
Налево – выстрел в лоб.
И Пушкин, осознав позор,
Крушит под Псковом гроб.

В музее пылью с эполет
В окно летит беда.
В глазах дорога и скелет
Остались навсегда.

Гомер стенает, одинок,
Прозрев на краткий миг.
Он шёл направо, сколько мог,
А вышел напрямик.

Чужое горе не копи,
Для этого ты мал.
Учёный кот сбежал с цепи
И воет как шакал.

* * *

Пока ты смотришь свысока,
Слова твои ценны,

А мне цена невысока,
Иль вовсе нет цены.

Не кисть взмахнула за рекой,
То расставанья знак.
Уходит дембель на покой
В чужой ареопаг.

И веселится тот школяр
Что через много лет,
В библиотечный формуляр
Проскочит как поэт.

Следы неровные в золе,
И за плечами скарб.
Но ты не выйдешь к той земле,
Что напрочь сдуло с карт.

* * *

Зимой пиши про снег, не бойся быть простым,
Трагедия твоя другим непостижима.
Зимой подольше стой на склоне том крутом,
Где жажда улететь почти неодолима.

Дымок от крыш больших, дымок от малых крыш,
Не знает, где тепло, нахохливший голубь.
И если ты поймёшь, что больше не взлетишь,
Глазами просверли в реке большую прорубь.

* * *

Я буду счастлив, может статься, –
напомни мне.
Мне надо с городом остаться
Наедине.

Неважно, что это за город,
Мне нужен смех
У баров, нужен снег за ворот
И жизнь при всех.

И в том, что счастлив я не буду,
Есть благодать.
Христос несёт в себе Иуду,
Успей предать,

Предать беспечно, бескорыстно,
Сглотнуть позор,
И утром выплеснуть корыто
В соседний двор.

* * *

Узнаем из новостей, что умирают друзья,
И не чувствуем жизнь полноценной.
Не находим чеховского нигде ружья,
Но стреляет оно за сценой.

Умоляем Господа мир нам дать,
Чтобы был он во всём мире,
И стараемся выглядеть мы «на пять»,
А получается «на четыре».

А в снегу детишки привычно визжат,
И румянец горит на прозрачной коже.
Вот так и живешь много раз подряд,
Чтобы видеть одно и то же.

Новый год отмечаем до Рождества,
Не постимся почти: посты – в телеграмме.
И дрожат вместо стёкол мои слова
В угловатой оконной раме.

* * *

Такая жизнь, что ближнего не видишь,
И пальцы пробуют не пустоту,
А то, что нам небесный покровитель
Спускает с неба – слабость и тщету.

Не заходи ко мне – здесь запустенье,
Здесь чью-то память сдали напрокат.
Я спутаю тебя с вчерашней тенью
И запущу кастрюлей наугад.

А на столе – портреты символистов,
И фото девы с морем и песком.
Аллеи безымянных обелисков
Нам время оставляет на потом.

Такая жизнь, что стоптаны ботинки,
И не одни, стоят до полстены.
И целое не ищут половинки,
Что проданы уже за полцены.

Валерия САЛТАНОВА

Родилась в 1966 году в Пятигорске. Окончила Воркутинское музыкальное училище и Литературный институт им. Горького. Работала корректором в газете «Заполярье», замглавного редактора литературно-художественного журнала «Дон», литературным редактором в книжных издательствах Ростова-на-Дону. Ответственный секретарь и завотделом литературной критики в литературном альманахе «Гражданинъ».

Автор девяти поэтических сборников, нескольких десятков книг для детей. Публиковалась в российских и зарубежных литературных журналах, альманахах и антологиях. Книги философской и гражданской лирики «Вровень с Россией» и «Время правды» отправлены в библиотеки Донбасса и на фронт. Участник антологий современной патриотической поэзии «ПоZыVной – Победа!», женской поэзии – бойцам СВО «Оберег».

Член Союза писателей России. Живёт в Ростове-на-Дону.

Я ШЛА ПО ЛУЧИКУ МОЛИТВЫ...

Донбасская быль

Разрушенных улиц плаха...
Мрачней, чем сама печаль,
Старуха без слёз, без страха
Глядит не мигая вдаль.

Ей видится ход столетий,
Военных годин сырец –
Там в бешеном сорок третьем
Остался навек отец...

Померкла в груди разлука
За восемь десятков лет,
Но нынче убило внука,
Что в жизни дороже нет...

...А сзади за ней, под стре́хой,
От гибели в двух шагах,
Вдруг, будто войне помехой,
Чирикнул апрельский птах.

Чирикнул, прочистил горло,
Вдохнул городскую гарь –
И светом таким попёрло,
Что сердца размяк сухарь...

В подглазьях темно и сухо,
Но, с болью идя вразрез,
Касаются трели слуха
Дыханьем самих небес.

Душа – матерьял разменный
В фашистской игре кривой:
Там фриц был – чужой, надменный,
Здесь – хлопец чубатый. Свой...

Ах, пташечка, Божья птица,
Кручину с души стирай!
Святая идёт Седмица:
Убитые – сразу в рай...

Повсюду разор, разруха,
Страдают и дух, и плоть...
И шепчет без сил старуха:
«Пошто не меня, Господь?»

Он переехал в окоп...

Он переехал в окоп от родной жены,
Вмиг променяв уют на кирзу с паршой.
А из окопа звёзды острей видны,
Бог напрямую там говорит с душой.

Нет, удержать не смогла ни одна жена
Рвущегося защищать этот бренный мир.
А из окопа смерть хорошо видна –
Там ей вольготнее, чем в тесноте квартир.

Цели его ясны, остальное – потом:
Дом, и жена, и жизнь (а пока – терпи!..)
Нежась в постели, не забывай о том,
Кто переехал в окоп. Чей уют – в степи.

Не забывай о том, кто собой готов
Бреши людские закрыть и пробоин ад,
Кто искупает грех всех чужих понтов,
Кто каждый миг готов не прийти назад.

Сколь накопилось окрест мирового зла –
Здесь, на земных пространствах, и вне Земли!..
Он переехал в окоп, чтоб любовь жила,
Чтоб мы добро от зла отличать могли.

Друзья и враги

Обросла за жизнь друзьями и врагами.
Как изба красна своими пирогами,

Так и я понапекла вот пирогов
Из друзей, переходящих в стан врагов.

Как ни горько, но пора уже итожить –
Сохранить друзей бы да врагов не множить!..
И мечтаю я создать живой музей
Из врагов, переходящих в стан друзей.

Моим ушедшим

Ещё никто меня не звал
В иные рубежи и сферы,
И не дымил ещё провал
Ни горьким ладаном, ни серой;
И, часовые пояса
Сплетая в шёлковые нити,
Не зазывали голоса
В потусторонние зениты –
Те голоса, что навсегда
Прописаны в общаге сердца,
Что смачно схрупала беда,
Как лошадь – розовое сенце...
В те дни восходов и начал,
В дни утренних надежд и смыслов,
Когда простая алыча
Вдруг солнечной системой висла,
Когда мелодии дождя
В сердечные врастали ритмы,
В своё сегодня восходя,
Я шла по лучику молитвы,
По самой кромке снов и фраз,
В потоках слёз и междометий...
И я дошла в своё сейчас
По мостику меж двух столетий.
Родные обратились в звук,
Что ранит поцелуем зова...
Но стали крылья вместо рук
И вместо шага в бездну – слово.

Родина

И осень, в кроткий лес входя,
как бы молчит пред аналоем...
Глеб Горбовский

В белых клавишах берёз…
Андрей Вознесенский

Журчит в ручье вода, но март идёт с трудом.
Прогалины небес ещё покрыты льдом.
Сошёл последний снег, остался дождь как фон,
Оттенькал до-ми-соль сосулек ксилофон.

А где-то там платан раззявил во всю дурь
Объятия ветвей, и нет февральских бурь,
И пиний в небесах – зелёный фейерверк,
И в водах рек чужих свет лета не померк...

Но перехватит дух и доведёт до слёз
Блуждание ветров по клавишам берёз...
Здесь как молитва дождь и лес как аналой,
И скорбь плакучих ив – навек в груди иглой...

Ты землю обойдёшь – и вновь придёшь сюда,
Где тоньше всех цикад журчит в ручье вода...

Мы выстоим

Мучительно жалею свой народ.
Кромсает бомж батон. Крещу вослед.
Тьма нравственный сжигает кислород.
«Да будет свет… – шепчу. – Да будет свет!..»

Бесплотный морок заполняет грудь,
Скребёт в гортани, путает слова…
Я верю, что народ мой не согнуть –
Сто тысяч раз история права!

Мы терпим. На груди рубах не рвём.
И воздух напоён пыльцой планет.
Мы выстоим. Мы мрак переживём.
«Да будет свет! – твержу. – Да будет свет!»

Мы не алкаем мести и войны,
И угрожать безумцам нам претит.
Мы не жадны, не злы, не голодны.
Но вдруг да нагуляем аппетит?!

Мы печь седлаем. Мы не ищем брод.
Мы долго запрягаем – тыщу лет…
Несокрушимо верю в свой народ:
Он одолеет тьму. Добудет свет.

* * *

Мои очертанья растают во мгле –
Без крика, без злости...
Я гостья всего лишь на этой земле,
Я званая гостья.

А гостю не след по-хозяйски глядеть,
Не след пресыщаться.
Ведь гостю ничем не дано здесь владеть –
А лишь угощаться.

Отведать рассвета, закат пригубить,
Надежды напиться,
Весь мир этот солнечно-лунный любить –
Да не загоститься...

* * *

Что-то случается: раз! – и кончается грусть.
Кто-то приходит и мягко берёт за плечо.
Эту мелодию счастья напеть не берусь,
Просто становится вдруг горячо-горячо.

Просто откуда-то вмиг набегает волна,
Просто опять возвращаются все чудеса,
Просто так явственно чувствуешь: ты не одна –
Ветром попутным подуло в твои паруса.

Что это, Господи? Кто это правит судьбой,
Снова сплетая явленья в единую вязь?
Миг озаренья – и вот ты летишь над собой,
Смерти, разлуки, забвенья уже не боясь.

Только...

Ни обид, ни грубых прений, ни предавших рук
Я не помню: тлен на тлене – смертный круг разлук.
Взмах ресниц, заветный томик, горы, лес, прибой –
Только жизнь хочу запомнить, унести с собой.

Только лучшие на свете вспышки бытия,
Где наивнее, чем дети, были ты и я.
Только звуки вечной скрипки и – душе вослед –
Нереальный, нежный, зыбкий, бесконечный свет.

Евгений ЮШИН

Родился в 1955 году в городе Озёры Московской области. Детские годы прошли на Оке и на Воже в рязанской деревне Лужки. Школу и пединститут (историко-филологический факультет) окончил в Улан-Удэ. С 1978 года работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешел на работу в журнал «Молодая гвардия», которым руководил в течение ряда лет.

Стихи публиковались в центральных журналах, альманахах, транслировались по радио и телевидению, переведены на болгарский, немецкий, французский, сербский, азербайджанский языки.

Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии «Имперская культура», премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России.

Секретарь Союза писателей России. Живет в Москве.

ДУША ПРОЛЕТАЕТ

У Борисоглебского монастыря

…И прикрыл свои очи святой Иринарх,
Тонкий сон посетил его тело.
И привиделось: скачет завистливый лях
Грабить милые сердцу пределы.

А и вправду – разор и пожары вокруг,
А и впрямь за набегом – набеги.
Поле вспахано пламенем, выжжен и луг.
Ухмыляется шляхтич Сапега.

Вопрошает: «Что скажешь, суровый монах?
Что так взоры твои неучтивы?»
И к литовцам, и к ляхам воззвал Иринарх:
«Убирайтесь! Останетесь живы!»

Узловатые пальцы сложились в щепоть.
Вскинул старец тяжёлые руки:
«Вижу я, как мечом отправляет Господь
Души пришлых на вечные муки».

Монастырские стены строги, как набат,
Грозным эхом сквозь годы и нивы
К тем, кто сеет разор и чужого хотят,
Не угаснув, слова Иринарха летят:
«Убирайтесь! Останетесь живы!»

* * *

И мы не простые, и жизнь не проста.
Иуда как прежде, целует Христа.
Иуда, как прежде, Христа предаёт,
Как прежде безмолвствует тихий народ.

Но всё-то не просто, и всё-то не так.
Шипит на Россию надменный поляк.
Братушка болгарин который уж год
Оружие нашим врагам подаёт.

А как целовали и в дружбе клялись!
К груди прижимались, но вот отреклись.
И речи пустые, и очи пусты.
Славянское братство, да было ли ты?

Когда ж чёрный морок с братов опадёт.
Собой ужаснётся предавший народ
И с горькой слезою к России придут
Все те, кто с молитвой к Христу припадут?

А мы будем помнить, что жизнь не проста.
Иуда опять поцелует Христа.

В Болдино

Парк в Болдино. Ночных деревьев плечи.
Июньских лип подсвеченный уют.
Луна в пруду и ожиданье встречи.
Маслины глаз твоих любого с ног сшибут.

Коричневые сумерки подворья.
Приглядываюсь: Пушкин у окна.
Симфония лягушек, неба море.
И вот навстречу мне идёт она.

Легка, светла, со звёздами знакома.
Но ревность вдруг сжигает без огня:
А вдруг да Пушкин выбежит из дома
И уведёт царевну у меня.

* * *

Мне многое глаза твои сказали.
Их нежный космос разве удержать?
Я знаю, ты заплачешь на вокзале
И потому не стану провожать.

Стремительно уйду – в снега, в разлуку,
Чтоб вспоминать снежинок мотыльки,

Дыхание, мечтательные руки,
И губы, что как бабочки, легки.

Я буду вспоминать, как песня льётся
Из глаз твоих – в густые холода:
Как будто из бездонного колодца
На грудь мне плещет жгучая вода.

* * *

Люблю я под вечер спуститься
К малиновой, тёплой реке.
Заря пролетает, как птица,
И волны поют на руке.

Кукушка, туман и лодчонка,
И сосны – в закатном меду.
И с самой красивой девчонкой
Я к дому по лугу иду.

Цветы улыбаются Тане,
И мне, и смиренным стогам.
И светит великая тайна,
От неба плывущая к нам.

Уж звёздами ночь колосится.
Хмелит поцелуев вино.
И счастье всё длится и длится…
Давно это было. Давно!

* * *

Любимая, руки твоей коснуться,
А вот уж и волнение – до пят.
Твои ли кудри-волны в речке вьются?
А засмеёшься – ландыши звенят.

Я – дикий человек, живу в деревне.
Мне хорошо на родине моей.
Смотрю, как в небо щурятся деревья,
Покачивая краешком ветвей.

Я тоже счастлив видеть нежность неба,
По улице – сирени пьяный пыл.
Я никогда таким счастливым не был,
Хотя уже и плакал, и любил.

* * *

Слеза накатит беспричинно,
Как мне покажется. И что ж?

Вот я – не молодой мужчина,
А на дитя сейчас похож.

Мне больно стали трогать сердце
Летящий лист и птицы плач,
И мятный сумрак в тёплых сенцах,
В чулане пыльном детский мяч.

Так что же душу расшатало,
По сердцу лезвием скользя,
Что дымка сизая вокзала,
Вдруг набухает, как слеза?

Так что же остро так – не знаю! –
Вся жизнь моя, вся боль чужая
Горит слезой в душе моей
Сквозь горечь дней и радость дней?

* * *

У отца – голубы глаза.
У отца отдохнуть нельзя –
Всё рассказы и всё расспросы.
А за окнами – лес стеной.
А за окнами – свет льняной.
И о детстве шумят берёзы.

А отец мне: – Ну как живём?!
Хорошо ещё, что жуём.
Кое-как огородом сыты.
Вот вернули в Россию Крым –
Это правильно. Победим!
Значит, пращуры не забыты. –

Прогуляться пойду, взгрустнуть.
Память давняя стелет путь.
И луга под росой белёсы.
Друг – уехал, другой – убит.
Звёздный рой надо мной гудит,
Волны катятся нетверёзо.

За оврагом туман обмяк.
Всё как прежде, но всё не так.
Школа – вот она – дверь забита.
Дом соседский пошел на слом.
Песня тянется над селом.
Вилы ржавые – у корыта.

Возвращаюсь домой скорей.
Но цепляет меня репей:
– Не спеши! Оглянись! Послушай! –
Нет в селе уже ни огня.

Только ветер и тополя,
И над полем – родные души.

Нет в селе уже ни огня.
Смотрит родина на меня
Из смородины, из рогоза.
Узнаёт меня, узнаёт,
Всё вопросы мне задаёт,
Окаянные всё вопросы.

Вот я в доме. Крадусь впотьмах.
Месяц – клювышком в тополях,
Дух черёмухи из потёмок.
Вот поднялся отец: – Приляг!
Зря мы красный сменили флаг… –

Голосок половицы тонок…
Ходит старость на белых ногах,
Чуть покачиваясь спросонок.

* * *

Газ провели. В деревне – радость!
По торжеству – на стол харчи!
Но дед Василий сникнул малость:
«А как мы будем без печи?»

Но всё легко. Тепло в избушке
И остаётся только ждать
День, накукованный кукушкой,
И с телевизором дремать.

Василий мерит синим взглядом
По стенам на исходе дня,
Где чинно со святыми рядом
Расселась вся его родня.

Они пахали и косили,
И дружно пели под гармонь.
Они такую жизнь любили,
Когда в печи гудит огонь.

Василий грустно улыбнётся.
Что́ печь, коль век пошёл на слом?
И не понять: откуда вьётся
Дымок последний над селом?

Душа пролетает

Я не то чтоб почуял, я видел: душа пролетает,
Пролетает молитвой живой, обогрев небеса.

Словно фрески над ней поколений полки проплывают,
И минувших баталий дымы разъедают глаза.

Но и светлое видится: прадед и потное поле,
Прапрапра моя бабушка, тихих гераней уют.
Зреют яблоки. У косарей каменеют мозоли.
А ветра и просторы, и девушки – песни поют.

Пролетает душа надо всей нашей вольной отчизной!
Над трамваями, домнами, соснами, вросшими в мох.
Как над ладом людским, так над всей неустроенной жизнью
Перепутий вокзальных и синих усталых дорог.

Над метельною, сиплою песней и вольною Вожей,
Над могилою мамы моей и просёлком в пыли.
Пролетает душа и никак наглядеться не может
На подсохший малинник, на рыжую пряжу зари.

Пролетает душа и на сердце – светает, светает.
И мерцает роса на колосьях туманных полей.
И душа всё летит, и как облако плачет и тает,
Выпадая на землю любовью и болью своей.

Проза

Владимир КРУПИН

Родился в 1941 году в селе Кильмезь Кировской области. Сын лесничего. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях.

Автор более 30 книг. В последние десятилетия в его творчестве доминирует тема православия, она присутствует в повестях: «Великорецкая купель», «Крестный ход», «Последние времена», «Слава Богу за все», «Незакатный свет», «Афон. Стояние в молитве» и других. Произведения переведены на многие языки мира: армянский, болгарский, японский, немецкий, китайский, финский и другие.

Лауреат ряда премий, в том числе Всероссийской литературной премии им. святого благоверного князя Александра Невского (2009), Патриаршей литературной премии (2011).

Член правления Союза писателей России. Живет в Москве.

ДВА СНАЙПЕРА

В поезде Москва – Одесса я ехал в Приднестровье, в Тирасполь. Со мною в купе, тоже до Тирасполя, ехал снайпер-доброволец, а мужчина с молодой девушкой ехали в Одессу.

Снайпер был немного выпивши, возбужден, выпоил мужчине, который назвался новым русским, девушке и себе бутылку с чем-то и ушел добавлять. Я залез на верхнюю полку и то дремал, то пытался чего-то читать. Мужчина внизу непрерывно и сердито шептался с девушкой. О чем, я и не прислушивался.

Девушка вдруг вскочила, оттолкнула мужчину, громко сказала: «На первой же остановке!» – и вышла из купе. Я зашевелился, обнаруживая свое желание спуститься.

Совершенно неожиданно мужчина, новый русский, стал говорить, что вот эту девушку он нанял, он даже сказал, что купил, ехать с ним в заграничный круиз.

– Греция, понимаете, Кипр, Израиль. А она – видели? – заявляет, что хочет обратно, мамы боится. Мамы! Мы так не договаривались.

– А как договаривались?

– Чтоб без проблем. Путёвка, потом еще особая плата и – до свиданья. Мама! Лучше б я её маму взял. Мне не трудно ее обратно отправить, женщину я и в Одессе куплю, но опасно. Почему? У меня дружок купил, а домой, жене, заразу привез. Это ж Одесса, там любую со СПИДом подхватишь, а справку принесет, что здоровая.

Девушка вернулась в купе, достала огромный специальный ящичек для косметики и принялась демонстративно наводить красоту на свое и без того хорошенькое личико. Мужчина опять стал ее уговаривать. Чтоб им не шептаться, я вышел в коридор. Сосед-снайпер вовсю дымил еще с одним мужчиной, который оказался... тоже снайпером. Они курили и говорили, что это не дело, когда девчонки идут в снайперы. Вон в Бендерах были «стрелочницы» из Прибалтики, это не их дело, это дело мужское. Видно было, мужчинам не терпелось пострелять.

Из нашего купе вышли мужчина с девушкой. Проходя мимо, новый русский мне, как посвящённому в его дела, доложил торопливо и вполголоса: «В ресторан уговорил!»

Я вернулся в купе, завалился на полку и не просыпался до утра, до самой украинской таможни. В вагон вошли такие гарные хлопцы, такие дуже здоровые парубки, что, если бы они не паспорта проверяли, а землю пахали, Украина завалила бы всех пшеницей. В Канаду бы продавала. Хлопцы были в форме, похожей на запорожскую, были все с усами, говорили подчеркнуто на украинском. Нам было предложено «гэть из купе», чтоб они обыскали и купе, и вещи. Мужчина успел радостно сообщить, что девушка обещала подумать, что он увеличил ей плату. «Мне ж это дешевле, но даже и не деньги, но чтоб с другой не вязаться, к этой все ж таки привык».

Таможенники «прикопались» только ко мне. Зачем я еду?

– Мне же интересно видеть самостийную, незалежню, незаможню Украину.

– Шутковать нэ трэба, – сказал мне усатый таможенник. – Вы письменник?

– Да, радяньский письменник. Царапаю на ридной русской мове.

– Нэ шутковать.

– Какие шутки. Можете записать, что я украинский письменник, пишущий на русском диалекте.

– На яком диалекте?

– На русском. Это следствие, рецидив, так сказать, имперского мышления.

Слово «имперское» могло погубить, но, на мое счастье, таможенника отозвал офицер.

Потом была молдавская таможня, потом приднестровская. Я уж решил лучше молчать. Снайпер тяжело приходил в себя. Он встряхивал головой, поводил мутными, плохо прицеливающимися глазами, наконец попросил меня выйти и посмотреть, есть ли в коридоре тот снайпер. Я посмотрел – никого. Тогда он соскочил с полки, сбегал умылся, сел напротив и сказал:

– Всё очень серьезно. – Он закрыл купе изнутри. Соседи наши уже ушли в ресторан завтракать.

– Что серьезно?

– Того снайпера видел вчера?

– Ну.

– Он не к нам едет. Он к румынам едет, понял? Он с той стороны будет стрелять. Он, гад, за деньги нанялся, я-то из патриотизма, ну, гад! А мы вчера разговорились, а он-то думал, что я тоже нанятый. Ты, говорит, за сколько и на сколько контракт подписал. Тут-то и открылось. Ну, брат, дела. Он дальше поедет, до Кишинева, я до Тирасполя. – Снайпер покрутил головой. – Чего делать?

– А чего ты сделаешь? Вы как договорились – друг в друга не стрелять? Или ты его свалишь, вот и деньги некому получать.

– Семье заплатят, он сказал, семья у него в Москве. Да он, гад, ему все равно, он и за нас стал бы стрелять, но тут не платят. Он говорит: ему все равно, лишь бы бабки. Этим девкам из Прибалтики много платили. Но они, сучки, даже по детям стреляли. Это-то он не одобряет. – Снайпер опять покрутил головой: – Достань чего-нибудь, не дай помереть.

Тут с завтрака вернулись соседи. И на удачу, новый русский прихватил какого-то заморского пойла и щедро стал угощать резко ожившего снайпера. Девица снова углубилась в работу над своей мордашкой. Она решила в Тирасполе выйти, подышать, погулять по перрону. Мужчина ткнул меня сзади в спину и подмигнул, мол, все в порядке, больше, мол, не капризит.

И ещё раз пришли какие-то пограничники, а может быть, еще какие таможенники, я уж в них запутался. Нас снова, но теперь на русском языке, попросили выйти. Вышли и из других купе. Мы теснились в проходе. Вышел и тот, едущий до Кишинева снайпер. Тоже явно с головной болью. Снайперы обменялись взглядами. Наш, уже опохмелившийся, глядел побойчей.

Поезд стал тормозить. Я думал, нам еще долго ехать, а оказывается, мы уже приехали.

ДУНАЙСКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Север Болгарии, Силистра, набережная Дуная, осень. Я сижу у стоящего на постаменте танка Т-34 и погибаю с похмелья. Накануне был торжественный вечер, перешедший в еще более торжественную ночь. Здравиц пять или больше я сказал о русско-болгарской дружбе, мне отвечали тем же. Мои сопровождающие переводчики Ваня и Петя курили и хлопали кофе, делать им было нечего, в Болгарии все, по крайней мере тогда (это было в 1985 году), понимали по-русски. Конечно, пели: «Дунай, Дунай, а ну узнай, где чей подарок», конечно, клялись в любви до гроба. Под утро я упал в своем номере, но вскоре вскочил. Меня подняла мысль: я еще не умылся из Дуная.

До чего же я любил Болгарию! Всё в ней незабываемо, всё такое прекрасное, женственное: и юг, и побережье, и горы. В ушах стояло птичье разноголосие Среберны, в памяти зрения навсегда запечатлелись скальные монастыри, Куприщиц, Сливен, Пловдив, Русе, Жеравна, Велико Тырново, Варна. Теперь вот Силистра, Дунай. Но до Дуная еще надо было пройти метров сто. Я решил посидеть у танка, всё-таки свой, уральский, может, он даст сил. Дал. Я немножко заправился из посудины под названием «Каберне», вздохнул и огляделся. Осень. Ну, осень, она везде осень. Листья падают под ноги деревьям, шуршат. Хорошо, тихо.

Ощущение счастья охватило меня. Никого не обидел, никому не должен, ни перед кем не виноват. Все проблемы потом, в России, а пока счастье: дружба, братство, любовь и взаимопонимание. Тем более до обеда свобода, беспривязное содержание. Искать не будут, я оставил записку Ване и Пете. Да, ведь Ваня и Петя – это не мужчины Иван и Петр, это женщины, это имена такие женские в Болгарии – Ваня и Петя. Переводчицы мне достались непьющие, но зато непрерывно курящие. Едем с ними – курят без передышки, я погибаю. Вот остановили машину, вышли. «Ваня, кури, пока стоим, Петя». «На воздухе неинтересно, – отвечают Ваня и Петя, – надо же иногда и подышать». Садимся в машину, они начинают смолить. Да ещё обе пьют страшное количество чашек кофе. А так как я кофе совсем не пью, то это для Вани и Пети очень подходит. Они на меня заказывают сразу четыре чашки, а потом эти чашки у меня утаскивают. А заказать чай, по которому тоскую, вроде уже неудобно, поневоле хлещу сухие болгарские вина.

Увы, вчера были не только они. Но сегодня, решаю я, только сухое. Только. Хотя бы до обеда. На обеде, а тем более вечером, всё равно пить и говорить здравицы о дружбе. Не тосты, именно здравицы. Тосты – слово, нам навязанное. Тем более болгары, поднимая бокалы, говорят: «Наздрав!»

Ну, наздрав, говорил я себе, всё более оживляясь от солнечной виноградной лозы. Наздрав! Наздрав-то наздрав, а одному становилось тоскливо. Да, умыться же из Дуная. Я быстро пришагал к берегу, спустился к воде. Недалеко рыбак возился у лодки.

– Доброе утро, брат! – крикнул я.

– Добро утро! – откликнулся он.

Вот с кем выпью. А пока умоюсь. Есть же славянская примета: умыться за год из двенадцати рек – и помолодеешь. А Дунай надо считать за три реки, не меньше: по всему же славянскому миру течет.

– Эй, эй! – услышал я крик. – Не можно, не можно! Химия, химия!

– Что делать, везде экология, – сказал я, подходя к рыбаку.

Мы поздоровались. Рука у него была могучая. Но я вроде тоже крепко тиснул.

– Нож у тебя есть? А то я первую открывал, палец чуть не сломал.

У него были и нож, и штопор, и стаканы. Правда, не граненые, пластмасса. Звуку от чоканья не было, но выпили от души. И допили от души.

– Слушай, – сказал я, – у меня ещё одна есть. Но знаешь чего, давай её выпьем в Румынии. Я везде был, а в Румынии не был. Или пристрелят? А?

– То можно, – сказал рыбак.

Мы столкали лодку на воду, сели. Мотор взревел, мы понеслись к румынскому берегу.

– Вот тут, – кричал я, – наш Святослав, киевский князь... слышал? сказал: скорее камни со дна Дуная всплывут, скорее хмель утонет, нежели прервется русско-болгарская дружба! Вот тут, именно тут.

– То так! – кричал и кивал головой рыбак.

Обдуваемый ветром, обдаваемый брызгами, я чувствовал себя превосходно. И продолжал просвещать рыбака:

– Отсюда – именно отсюда, понял? – от Суворова ушла депеша, донесение Екатерине, императрице, – слышал? Депеша: «Слава Богу, слава нам, Туртукай взят, и я там». Турок гнал отсюда. А Святослав печенегов изгонял. Его предали, Святослава.

– Предал кто?

– Кто! Свои, кто! Славяне. А в эту войну наши гнали отсюда фашистов, вот! А теперь мы с тобой тут собрались.

Лодка ощутимо ткнулась в отмель, я даже со скамьи слетел. Вытащили лодку на берег. Не успели изъять пробку, как подошли трое румын. Но не пограничники, тоже, может быть, рыбаки. Они по-русски не говорили, рыбак им объяснил, что я из Москвы. Восторг был превосходительный. Но что такое бутылка сухого на пятерых, это несерьезно.

– Гагарин, – кричали румыны, – спутник, дружба! – И все примеряли на меня свои цыганские меховые шапки.

Дружба, оказывается, была не румыно-советская, а нефтепровод «Дружба», спасающий страны Варшавского договора.

Дружба дружбой, а одними словами ее не укрепишь. Мужики смотрели на меня как на старшего брата в социалистическом содружестве, как на представителя сверхдержавы, защищавшей их от нападок империализма, да и просто как на человека, экономически способного оплатить продолжение радости.

– Выдержит твоя лодка пятерых? – спросил я рыбака. – У меня только болгарские левы.

– Хо! – отвечал рыбак. – Левы они любят. Лишнего не давай.

Самый молодой румын умчался и примчался мгновенно. Принес какое-то «Романешти». Оно было хуже болгарского, но крепче. Очень интернационально мы выпили. И еще этот румын сбегал. И еще.

– Парни, – сказал я, – меня эта песня про Дунай заколебала. Давайте споём, а то она из меня не выветрится. Диктую: «Вышла мадьярка на берег Дуная, бросила в воду венок. Утренней Венгрии дар принимая, дальше помчался цветок. Этот цветок увидали словаки...» Я, правда, не понимаю, как мадьярка бросила венок, а дальше поплыл цветок, но неважно. Давайте разом. Три-четыре!

– Мадьяры – тьфу! – сказал один румын.

– Тьфу мадьяры, тьфу, – поддержали его два других.

– И словаки – тьфу! – сказал румын.

– Хватит тьфу, – сказал я как старший брат. – Давай еще беги.

Вскоре мы дружно ругали и Николае Чаушеску, и Тодора Живкова, и особенно крепко Брежнева. Оказалось, что все мы монархисты. Это сблизило окончательно. Правда, румын время от времени плевался и сообщал, что и поляки – тьфу, и чехи – тем более тьфу, а уж немцы – это очень большое тьфу, такая мать. Румын ругался по-русски.

– И сербы, и албанцы...

– Сербы не, – возразил мой рыбак. – Албанцы – то да, сербы – не.

Время летело. Начали обниматься, прощаться, меняться часами и адресами, В знак признательности румыны забежали в воду, провожая нашу лодку. С меня содрали оброк за то, что уезжаю.

Лодка наша петляла по межгосударственному водному пространству, будто мы сдавали экзамен на фигурное вождение. Румыны нам махали своими шапками.

На берегу... на берегу меня ждали Ваня и Петя. Конечно, меня легко было вычислить – русских тянет к воде. Я закричал им по-болгарски:

– На дружбата на вечната на времената! Ура, товарищи! Каждой по пять чашек кофе, и немедленно. Я был в Румынии, чего и вам желаю. Там я вам нашел по кандидату в мужья. Мне же вас надо отучить от сигарет и кофе и выдать замуж к концу визита. Милко, жаль, ты женат, пошли с нами. Или грузим Ваню и Петю – и в Румынию.

– Румыны – тьфу, – сказали Ваня и Петя.

– Тьфу румыны, – подтвердил мой рыбак.

– Да что вы, японский бог, – сказал я. – Варшавский же договор. Так на кого же тогда не тьфу? Чур, на Россию не сметь. СССР – одно, а Россия, Россия – это очень даже одно. Вот! – воздел я руки к небу в подтверждение своих слов – по небу проносился сверхзвуковой самолет-перехватчик МиГ.

– О, только без самолетов, – сказала Ваня или Петя, я их путал.

– Хорошо. Допустим. А допустить турок, вас истребляющих? А пляски печенегов и питье из черепа славян, а? Было же. Так само и буде, так?

– Вы, русские, сильно всех учите, вот в чём наша претензия, – сказали переводчицы.

– То так, – поддакнул им мой рыбак.

– Телёнка, – отвечал я, – тоже тащат насильно к вымени, а не подтащишь, умрет. Да, диктуем, тащим, значит, спасаем. Значит, перестрадали больше всех, испытали больше. Но и у вас учимся. Я ваши скальные монастыри навсегда запомню. Только почему они у вас уже не монастыри, а музеи?

– Вопрос из области диктата.

– Какой диктат – пожелание воскрешения церковной жизни. У меня диктат один – чтоб вы не курили, вы же чёрные уже внутри.

Мы уже сидели в прибрежном кафе. Петя и Ваня молча и оскорблённо пили кофе и курили.

– Хорошо, – нарушил я молчание, – все плохи, одни болгары да русские хороши. Но ведь это тоже гадательно. Мы для вас диктаторы. А мы, между прочим, вас любим, что доказывали. Вот тут Святослав, древнерусский князь...

– Ой, не повторяй, – сказали Ваня и Петя, – ты вчера это произносил. И про Суворова произносил. И про танк...

Она дернула плечом в сторону Т-34.

– И мне произносил, – настучал на меня пьяный рыбак.

– Тогда немного филологии, – повернул я тему. – Вы – русистки, слушайте. И следите за ходом рассуждения. Вот я, вы же помните, во всех монастырях, церквях, куда мы заезжали и заходили, я же там читал все надписи совершенно свободно, особенно домонгольские. Да даже и ближе. Так же и в Чехословакии, и у чехов, и у словаков. Но современный болгарский для меня непонятен. То есть? То есть я к тому, что мы раньше были едины и по языку, и по судьбе. А судьба – это суд Божий. Потом, может быть, со времен Святослава, может, позже, мы стали отдаляться. То есть своеобразное славянское вавилонское столпотворение. Мы стали расходиться, перестали понимать друг друга. Так?

– То так, – подтвердил пьяный рыбак.

– И что же должно произойти, чтобы мы стали вновь сближаться, что? – вопросил я. – Какое потрясение, какой, так сказать, катаклизм? Неужели дойдет до такого сраму, что кого-то будут из славян убивать, а остальные будут на это взирать? А?

Ваня и Петя прикончили кофе, докурили. Утопили окурки в чашках из-под кофе и объявили, что мне пора на званый обед.

Так что приходилось идти пить за дружбу. Между славянами.

1987 г.

Иван ЯКУНИН

Родился в 1984 году в Клину Московской области. Окончил Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, факультет зооинженерии. Работал два года по специальности, затем – в отделе продаж Клинского мясокомбината. Руководитель клуба русских забав «Ватага 1317», создатель и организатор праздника-турнира «Кила 700».

Публиковался в журнале «Нижний Новгород», альманахе «Земляки», в других журналах и коллективных сборниках, электронных СМИ. Лауреат международного конкурса «Всемирный Пушкин» (2019)», X международного конкурса им. Константина Симонова (2020).

Живет в Клину.

ПОБЕГ

Заколоколило.

Праздничный благовест разлился над разбитым асфальтом дорог, облупленными домами, куцым сквером, гордо именуемым парком, речкой цвета дорожной пыли. Из белоснежной церкви светлый звон колоколов приходил в каждое жилище – от просторной дачи до захламленной однушки. Хрущёвку отставного сержанта Виталика звон наполнил одновременно с проснувшимся будильником.

Виталик открыл глаза. Закрыл. Поморщился. Застонал.

– Опять контузия? – спохватилась мать, прошаркав на стон из кухни. – У, раззвонились.

– Будильник, мама, – сквозь зубы цедил Виталик, – выключи.

Мать полоснула пальцем экран дребезжащего смартфона. В комнате остался колокольный перелив и утреннее солнце. Хорошо. Правда, ненадолго.

Дворовая жизнь просыпается рано, назойливо примешивая к звону шум посёлка. Тяжело бормочет соседская «газель», ругается собака, молодежь врубила колонку. Скороговорка модного рэпера безжалостно колотила по голове сквозь худые окна старого дома. Стеклопакет не спасал. Виталик закрыл глаза, попробовал ровнее дышать. Музыка тяжела, когда она вокруг. В ней нет природного ритма, на который ориентируешься в пространстве. Безобидная, она чужда, сбивает, постоянно дергает, настораживает, мешает. И ничего не поделаешь с ней, нельзя убрать, заткнуть выстрелом. Надо привыкнуть, поесть и спасаться от нагрянувшего шума.

– Здарова! – Мальчишки приветствовали выбравшегося из подъезда Виталика. – Слушай, чё есть!

Кач рэпера сменился заунывной солдатской песней. Чтобы Виталик точно услышал – громкость выкрутили до упора. В унисон гитаре задрожали оконные стёкла. От грохота хотелось съёжиться и спрятаться в кусты. Ни единой нотки сочувствия к дембелям из бутафорской песни у Виталика не появилось. На строчке, когда офицеры провожают бойцов, во двор ворвалась «девятка» Коляна.

– А ну, шантрапа, расходись! – С гусарской удалью «девятка» прогарцевала к спортплощадке. Довольный Колян по грудь высунулся в окно, девчонки мечтательно вздыхали, мальчишки завидовали, Виталик наблюдал, обреченно принимая назойливый шум старой машины. А ведь суббота начиналась с колокольного перезвона…

Прошедшие порознь три года разорвали общее друзей. Виталику досталось равнодушие, Колян наполнился восхищением и завистью к возмужавшему другу. Разница возрастов казалась неважной раньше, во время прогулок по гаражам вместо уроков. Сегодня она вместила два мира, не объять. Перед уходом в армию Виталик успел научить школяра драться, курить, обещал – вернётся, и тогда они оторвутся по-взрослому. Потом контракт, командировка, война. Виталик больше не старший друган, с прищуром предлагающий попробовать сигарету, он – суровый молчаливый воин в вечных зелёных штанах. Колян давно курит взатяг, дерется из-за девчонок, ходит к ним по ночам, разрезает тишину ночных дворов скрежетом модной аудиосистемы в любимой «ласточке». Война перечеркнула всё, что касалось обоих пацанов. Виталик ищет тишину в мирной жизни, Колян – мирной жизни во всей пестроте красок и звучания.

Распахнув дверь «девятки», дребезжащую от бьющих изнутри колонок, Колян участливо пригласил:

– Братан, снова в церковь? Ну, давай подвезу.

– Прогуляюсь, – Виталик вяло поздоровался на ходу. В глазах плыли круги то ли от нагрянувшей какофонии, то ли от взятого темпа побега из дребезжащего и скрежещущего котла, называемого двором. Отставной солдат прорвался на главную улицу и тут же врезался в рекламу.

Динамик на картонном ящике посередине тротуара монотонным электрическим голосом вбивал в голову предложение демисезонных курток. Голос настойчивый, не терпящий возражений, словно из прошлого «выходите, или будете убиты». Он не терпит ожидания – выходи и покупай куртку. Или будешь убит, в крайнем случае, останешься без турецкой дублёнки, зима неизбежно наступит. Нет времени объяснять – действуй. Громко. Настойчиво. Вездесуще. Недалеко клаксонами гудел перекресток. Сквозь ругань колонок и выхлопных труб, пробивается созвучный сердцу колокольный перебор. Мелодия ощутимо отличается от шума. Вокруг всё режет, колется, перезвон обволакивает и баюкает.

До храма по прямой не больше двадцати минут. Солдату – лёгкий марш-бросок из шумного двора к церковному трезвону, если бы не Колян на заниженной «девятке» в засаде у супермаркета.

– Виталик, ну, садись. Довезу, – перекрикивал песню Колян, самодовольно качаясь в такт, – ну, знаю, куда идёшь.

– Музыку...

– Что? – не расслышал Колян

– Музыку выруби! – сорвался на крик Виталик

– Да-да, – Колян спешно вдарил по кнопкам.

Спокойнее не стало. Без музыки «девятка» грохотала как танк. Опасность на войне часто скрежещет и грохочет. Виталик наслушался вдоволь. Сейчас – как будто не возвращался.

– Ух ты. Сегодня праздник, что ли, какой? – Колян прислушался в открытое окно, перекрестился – колокола звонят.

Пижон.

Громыхающая машина задала такт пульсирующей боли в висках. Делать нечего – лучше длинным путем, чем вообще не дойти. Виталик нырнул в сквер, скрытый от поселковой суеты липами. Если бы не лень, он каждый раз выбирал бы извилистые тропинки сквера, именуемого парком. Здесь тихо, редкий детский смех переплетался с перезвоном в единую песню. Виталик откликнулся звучащему колоколу, ускорив шаг на пути к храму. Перед воротами, уважительно, без музыки, наперекор прихожанам и звону грохотала заниженная «девятка». Колян упорно ждал друга детства.

– Коль, глуши своё корыто, – попросил Виталик. Прихожане благодарно оглянулись на затихнувшую машину. – Теперь пойдём.

Две дворняги недоверчиво оглядели Коляна, признали в Виталике знакомого, тут же потеряв к обоим интерес. Приветствуя, бабушка в заляпанном грязью платке разогнулась над цветочной грядкой. Виталик уверенно вёл друга вокруг храма к маленькой скамейке под яблоней. Шум и суета остались за храмом и колокольным звоном.

– Пришли.

– Так ты что же? Ну, в церковь не ходишь? – растерялся Колян

Виталик махнул рукой – отстань. Устроился на скамейке удобнее, закрыл глаза, глубоко вздохнул, замер.

– И сидишь просто так? – донимал Колян.

– Слушаю. – Виталик не раскрыл глаз. – Отдыхаю от уличной возни. Звон здесь, с ним спокойно. Настоящая тишина. Надо наслушаться.

– Так куда он денется? Звенит все выходные и праздники.

– Он никуда. Я ухожу. На войну.

– Ну и зачем? Если там грохот и шум.

– Здесь тоже грохот и шум. Разницы нет, воевать я хотя бы умею. И знаю, что делать с шумом.

Виталик ждал вопросы об убийствах, смерти, совести, но, кажется, Коляну разговор не интересен. Да он и не поймёт ничего. Там шум ориентир, здесь нагромождение. Звук должен быть понятным, читаемым. Отставной боец не смог привыкнуть к ненужности читать гвалт. Виталик ответил, как считал нужным:

– Работа, позвали, и платят хорошо.

Получилось, как будто оправдывался. Не за этим он шёл, вот и не получилось искренне.

Колян одобрительно хмыкнул, крутанул связку ключей на пальце, хлопнул друга по плечу и ушел. За церковью взвизгнула машина, глухие басы удалялись и вскоре затихли.

Появился батюшка с ведром. Остановился, поставил ведро, взглянул на колокольню.

– Опять пришел? Убежал от суеты?

– Убежал.

– Решился всё-таки?

Виталик кивнул.

– Ну, – грустно вздохнул батюшка, – значит, с Богом.

Перекрестил.

Заколоколило.

ОДНОКЛАССНИКИ

Виталика убили под мостом. Непонятно за что. Он был тихим, невзрачным менеджером среднего звена. На уличных шашлыках, когда весь двор гульбанил до зари, его не застанешь. Спал. Под мостом путь Виталика пролегал два раза в день. Ранним утром на платформу и вечером в сторону дома, когда фонари оставляли желтые пятна на асфальте.

Убили подло. Затылок съехал от удара сзади, подвинув залысину вбок. Голова стала похожа на сдувшийся мячик. Из носа, сколько хватило, натекло крови, в ней и лежал Виталик. В городе никто про него не вспомнит и не погорюет. Разве только печально хмыкнет продавец в кофейне, привыкший видеть Виталика каждое воскресное утро. Но до воскресенья ещё далеко, сегодня вторник.

Под мостом мерзко. Воняет мочой. Тут ночами бог знает что творится – бутылки накиданы, шприцы какие-то. Не иссякает струйка дорожной грязи, сочащаяся с дорожного полотна. Наверху колёса автомобилей монотонно барабанят по стыкам моста. Вокруг убитого собрались все заинтересованные случившейся трагедией. На весь мир таких оказалось немного – группа полицейских и четыре гопника, раздосадованные наплывом серости в уютном подмостовном мирке.

– Жалко. Я его знал. Мы были одноклассниками, – пробубнил полицейский, осунувшись от безделья.

– И я, – бросил гопник

– Тоже верно.

Снова повисла тишина. Полицейские молчали, гопники наблюдали, Виталик лежал.

– Как думаешь, кто его? – спросил полицейский коллегу, обращаясь к гопникам.

– Кто угодно, – ответили пацаны, – у Виталика часы были, а теперь нет. И портфель всегда с собой. Там кошелек и газеты лежали.

Портфеля не было. Запястья Виталика обнажены, будто тот подтянул рукава, прежде чем замертво упасть. Часов не наблюдалось.

– Откуда знаешь про кошелёк в портфеле?

– Так он без него на районе не появлялся. Даже по воскресеньям в парке с портфелем в руке гулял.

– Проверим. А про часы?

– Время спрашивали.

– Случайно не вчера ночью?

– Обижаешь, начальник.

Гопники насупились, отошли на полшажка в сторону. Под мостом повеяло холодом. Промчалась электричка, затормаживая у платформы невдалеке.

– Эй вы, помогите, что ль, – попросил полицейский.

Потянулся ручеёк пассажиров, заинтересованно всматриваясь сквозь цепочку полицейских и гопников, заградивших тело.

– Чё, мля? – прогоняли зевак гопники.

– Не стоим, проходим, – властно командовали полицейские.

Всем было всё равно. Виталик их не заинтересовал.

– А ты ведь в школе от Виталика по шапке получал, помнишь? – хмыкнул полицейский гопнику.

– Давно было, – зыркнув напоследки прохожих, бросил тот.

– Из-за Светки бил. Ты в неё крепко влюблён был.

– И ты.

– Все.

– Это да.

Светка была самой красивой стервой в школе. Ноги от ушей. Уши маленькие, спрятаны под вороного цвета волосами. Носик вздёрнутый, губы полные, груди третьего размера. Подыгрывала воздыхающему будущему полицейскому, встречалась с Виталиком, а после школы сожительствует с гопником. Весело потому что. Пить начала. Песни по ночам орать.

Скоро приедет скорая. Заберёт Виталика, засыпят бляху крови, и тысячи ног, следующих из электрички на электричку, растащат память о Виталике по тропинкам и тротуарам. Ничего не останется...

– ...Никто не узнает...

– Чего? – откликнулся гопник

– Никто, говорю, не узнает, что ты его на выпускном за школой поколотить грозился. Сам говорил. А потом говорил, что никто не узнает про тебя и Светку.

– Слабы аргументы, начальник, – хмыкнул гопник, – три года как не учимся.

– Забей. Скоряки обещали к десяти подъехать. Посмотри, сколько ждать осталось?

Гопник полез было в карман штанов, но опомнился вдруг, отдернул руку и достал из куртки телефон. На экранчике с белыми розами светилось без пятнадцати десять.

Полицейский поблагодарил, резко скрыв Виталика от бабульки, спешащей на платформу. Из пакета кусты рассады антенной колыхались высоко над бабулькиной головой.

– Гоняете? Правильно. Каждый день эти балбесы под мостом ошиваются. Пройти страшно. Вчерась энтот лысый, – бабка кивнула на гопника, – тусовался здесь. Сидел, кастетой крутил. А коль ударит...

– Иди, мать, – рявкнул гопник.

– Не затыкай, – попросил полицейский, – дальше что?

– А дальше… Божечки, – бабка рассмотрела Виталика, – электричка убежит, поспешу я, сынок.

– Не было меня здесь, начальник. Сам знаешь, живёшь в соседнем доме. Мы всю ночь под окнами у тебя «Сектор Газа» орали.

– Со Светкой?

– Со Светкой.

– Может быть, – безучастно закруглил полицейский.

К мосту по подъездной гравийке пылила скорая. Пока ещё вдалеке, можно успеть.

– Давай начистоту, твоих рук дело?

– Опять двадцать пять, начальник?

– Выворачивай карманы.

– Ты чего?

Лязгнул затвор пистолета.

Гопник достал из кармана штанов часы. Дружбаны присвистнули – очень похожи на Виталькины. С галочкой на циферблате. Хотели ведь отобрать, но Виталик ерепенился. Вот, довыерепенивался, получается. Кто же знал...

– Я объясню. Видел трупак в первый раз поутру, уже без портфеля. Пока за друзьями бегал – вы приперлись. А перед этим котлы снял, Виталику они больше не нужны.

– Давай в козлик, – устало бросил полицейский, пока подъехавшие скоряки грузили Виталика. Гопник подчинился. Дружбаны остались. Все разъехались.

В кабинете стены покрашены наполовину – зеленым с белым. Привычно, может даже, по инструкции. Гопник насупился, разглядывает портреты начальников. Полицейский грузно плюхнулся в кресло, огляделся, поправил ворот рубашки, достал ручку и листок.

– Чистосердечное?

– Зуб даю, не я это!

Полицейский вздохнул, расправил ворот рубашки, убрал листок с ручкой, достал перчатки. Простые, целлофановые. Натянул.

– Пытать, что ли, будешь? – хмыкнул гопник.

Полицейский мотнул головой, достал из-под стола портфель, разглядел и протянул гопнику.

– На, похож?

– Ну, похож, – тянул гопник, вертел портфель, даже открыл его, – точно, Виталика.

– Ну и ладненько, – довольно промурлыкал полицейский. Забрал вещдок и показушно стянул перчатки.

– Сука.

– Не ори. Я Светку из пьянства вытащу, пока молодая и красивая. На ноги поставлю. Заживём. Двор от ночных концертов отдохнёт. И ты отдохни.

Александр ГРИГОРЬЕВ

Родился в 1973 году в Горьком. Окончил Нижегородский областной колледж культуры. Работал журналистом в Нижнем Новгороде, на Сахалине, в Сибири, Перми, Санкт-Петербурге, Москве. В настоящее время – медиаконсультант в московской частной структуре.

Живет в Нижнем Новгороде.

НАТАШЕНЬКА ВЯЧЕСЛАВНЕНЬКА

Моей семье, живым и мертвым

1

16 декабря 2022 года я проснулся, как обычно, около четырех утра, включил настольную лампу и радио, прошел на кухню, поставил кипятиться чайник, после чего отправился в совмещенный санузел, где с облегчением помочился. В зеркале отражалось мое заспанное лицо, редкие седеющие волосы, впалые щеки, мешки под глазами, поперечная тонкая морщина во весь лоб. Накануне мне исполнилось 49 лет, я отметил его в одиночестве на очередной съемной квартире: четвертная бутылка коньяка, шоколад и нарезка брауншвейгской колбасы. Приняв душ, я вернулся в комнату, открыл календарь в телефоне и выяснил, что юбилей выпадает на пятницу. С того момента я впервые ощутил, что такое депрессия по смехотворному для мужчины поводу. Но мне было не до смеха, отныне ежедневно меня не покидала мысль, что вот-вот и я стану безнадежным стариком. Конечно, я пытался взывать к разуму, напомнил, что в 50 Лев Толстой только-только расписался, то есть приступил к созданию своих лучших произведений. Мотивация была убедительной, но не работала. Зиму я провел в унынии, встречи с друзьями отвлекали, конечно, но ненадолго. Я возвращался домой и впадал в тревожное состояние. Не особо выручала и влюбленность в молодую красивую женщину, которая мне симпатизировала, что помогало некоторое время думать, что печаль моя и глупа, и надуманна. Однако к весне я совсем сдал.

В первых числах марта мне встретилась в кремле, где я иногда прогуливался, благо живу в пяти минутах пешим ходом, моя подруга, журналистка, десятью годами моложе меня. Мы редко видимся, так как она давно переехала в Москву, вышла повторно замуж и в Нижний Новгород приезжала редко. Родители умерли, дочь поступила в Петербурге в Горный институт, в общем, встреча была неожиданной. Я рассказал ей о своей

депрессии, о том, что жена и сын прекрасно живут в другом городе, что мы не в разводе, что помогаю ежемесячно деньгами, что любовниц у меня нет, а главное, что не понимаю, что мне дальше делать, в сердце поселилась тоска и наметилось полное отсутствие желаний, кроме как лежать на диване и спать. Она меня отругала, как водится у добрых друзей, заявила, что я умен, все так же обаятелен и валяю дурака совершенно напрасно. Выяснилось, что Ольга бросила СМИ, выучилась на психолога и на сексолога, имеет какие-то дипломы или сертификаты, что счастлива, потому что сменила род деятельности – раз и что реально помогает нытикам – два. Я в ее понимании был классический нытик. Тогда я попросил ее заняться мной, почему бы не провести онлайн-курс терапии, так как у меня точно проблемы с головой, а незнакомым врачам я не доверяю, правильнее сказать, я их боюсь. Ольга ответила категорическим отказом, сославшись на то, что у нее принцип не консультировать друзей и бывших любовников. Я подпадал под обе категории.

– Но я тебе помогу, передам с рук на руки великой Наташеньке Вячеславненьке.

– Кому? – удивился я странному имени.

– Наташенька Вячеславненька – психотерапевт и ангел, именно она вправила мне вовремя мозги, и теперь я успешный психолог, востребованный сексолог, счастливая жена и безупречная любовница.

– А раньше была не безупречная?

– Нет. Вот теперь я делаю *это* безупречно, просто виртуозно, мастерски, – серьезным тоном сказала рыжая бестия. Я пожал плечами, не зная, как надлежит реагировать на подобные заявления.

Оказалось, что всемогущий ангел проживает в Нижнем, более того, на одной со мной улице. Только я живу на Покровке у Театральной площади, а она ближе к площади Горького.

У меня нет опыта общения с врачами, я никогда не бывал на больничном, не ломал конечности, чтобы меня оперировали, правда, один раз сдавал кровь лет в 35-36, и то чтобы лишь успокоить супругу, которой казалось, что у меня начался диабет. Сахар был действительно повышен, однако незначительно, и ноги моей у докторов более никогда не было.

Я согласился на психотерапевта со странным именем скорее для того, чтобы развлечься. Зимой ходил пару раз в храм святых Жен Мироносиц, но душа моя не обрела покой и уж тем более я не развлекся.

– Напишу ей вечером, попробуй не прийти, она уникальная тетка, обслуживает только богатых и влиятельных.

– Я совсем не богатый и ни на кого не влияю.

– Ты блатной. Пойдешь по кремлевской квоте. По секрету: весь губернаторский аппарат к ней бегает . Работа адская, нервы у всех расшатаны. Кремль она принимает с 10-процентной скидкой, плюс от меня лично еще 10 процентов сбросит. Одно условие: не говори, что у нас с тобой было. Ты мой двоюродный брат.

Так неожиданно я стал клиентом загадочной Наташеньки Вячеславненьки.

На следующий день позвонила Ольга, она вернулась в Москву, списалась с ангелом и якобы обо всем договорилась. Скинула адрес электронной почты, через который мне предстояло держать связь со спасительницей. Прошла неделя, прежде чем я собрался с духом написать. Я русский человек, проживший до 18 лет в Советском Союзе, следовательно, к психологии, психотерапии и психиатрии всегда относился

не то чтобы враждебно, но настороженно. Когда в перестройку мой отчим увлекся Фрейдом, я любопытства ради полистал какую-то купленную им книжицу в мягком дешевом варианте и с брезгливостью, как сейчас помню, отбросил ее. На первой же открытой странице утверждалось, что младенцы какают в знак признательности матери за ее хлопоты. Кал суть не обычное говно, а искренняя, хотя и бессознательная, благодарность дитя родительнице. Чем больше гадит, чем обильнее и гуще, тем добрее его сердечко.

В общем, чтобы такой человек, как я, доверил свою депрессию кому-либо кроме подушки и ликеро-водочной продукции – нечто сродни духовному подвигу. Отчаяние усугублялось тем, что я стал бояться подходить к окну, мне регулярно становилось страшно, что я могу сдуру плюнуть на все и выброситься. Хотя при моем росте пролезть в створку проблематично, это я понимал, но все равно побаивался смотреть во двор. В конце концов, хуже не будет, решил я. В один из дождливых мартовских вечеров я написал ангелу, что меня зовут Александр, что я блатной двоюродный брат Ольги Н. и мне нужна помощь.

На мое удивление, ответ пришел через час. Наташенька Вячеславненька скинула прайс и ответила, что коли цены устраивают, то для начала ей надо составить мой портрет, понять, какой метод будет для меня оптимальным. Первым делом, указала она, следовало описать свое детство – непременно первые воспоминания, пришедшие в голову. Для удобства предложила начать мое возвращение к нормальной жизни с воспоминаний о семье по пунктам: мама, папа, бабушка и т. д. Хорошие или плохие, грустные или веселые, любые воспоминания записать и прислать ей. Заканчивалось письмо заверением, что она гарантирует полную конфиденциальность, а аванс надо будет внести только после согласования курса, его сроков и стоимости. Я поинтересовался, сколько времени у меня на описание детства, она ответила, что никуда спешить не нужно, как напишите, так и присылайте. Хотите завтра, хотите через месяц. На том наше виртуальное знакомство и закончилось.

Дед по маминой линии

Александр Гаврилович скончался от туберкулеза, не дожив до 30 лет. Мама его не помнит, в 1950-м ей был годик, когда отца не стало. Бабушка любила его всю жизнь, очень жалела и всегда вспоминала с нежностью, хотя они вместе и прожили чуть-чуть. За ним она уехала из Горького в Находку, на самый край географии, 49 дней в поездах она тряслась через Урал и Сибирь на Дальний Восток, чтобы выйти замуж, родить там ребенка, похоронить мужа, а потом вернуться обратно. Дед воевал, был ранен, а умер в мирное время. В наши дни, разумеется, его обязательно поставили бы на ноги. А тогда...

Дед по папиной линии

Василия Ивановича я никогда не видел. Мама развелась с моим отцом, когда мне было три года. Как большинство рабочих ГАЗа, он перебрался из деревни в Горький в 30-е годы прошлого века на заработки. Работал на тяжелом производстве, воевал, относительно рано умер. Подозреваю, что прозвище у него было могучее – Чапай.

Дед по линии отчима

Всю жизнь он работал в системе оздоровления общества, а именно директором различных пансионатов, санаториев и домов отдыха.

Дожив до преклонных лет, он не оставил страсть к танцам. Когда мы приезжали к нему в Дзержинск, он неизменно учил меня степу или чечетке, как он называл этот для меня непостижимый танцевальный трюк. Он же учил меня играть в шахматы, но всегда бесился, если проигрывал мне, ученику младшей школы, а однажды стряхнул в припадке злости все фигуры с доски, а саму доску швырнул в стену. Года два мы его не навещали.

Запомнились бумажки на кнопках, висевшие по всем комнатам и в коридоре. На них жирным шрифтом было написано: «Вода!», «Плита!», «Свет!» и «Телевизор!» Мне было чудно, зачем деду подсказки. Но с наступлением депрессии я обзавелся точно такими же. За зиму я сжег две сковороды и чайник.

Геннадий Яковлевич во время войны вступил в КПСС. Когда в 80-е Горбачев дал волю СМИ и в газетах, а также на ТВ ежедневно стали выходить материалы о преступлениях коммунистов (не всех, конечно, но поток обличительных статей был бурным), как-то мой отчим за столом решил ему высказать по этому поводу.

– Батя, как же так! Ты всю жизнь в партии, а партия твоя вон что творила.

Дед задумался, потом поправил салфетку на груди, подцепил на вилку груздь и поднял стопку.

– Оглядываясь на прожитое, дети мои, скажу откровенно, максимально честно: ничего хорошего я как коммунист не сделал. Это правда.

Он выпил. Поправил крашенные в каштановый цвет волосы.

– Но, сынок, – тут он повернулся к отчиму, который картинно нахмурил лицо. – Вреда ведь от меня тоже не было.

Аргумент был железный.

Хоронили его как-то неправильно. Положили в гроб без обуви. Была зима, холод, а обратили внимание на ноги в носках только на кладбище. У могильщиков лишней пары ботинок не нашлось. Они вообще на нас, а нас было четверо (я, отчим, его младший брат и жена брата), смотрели как на идиотов. Кто-то веревкой связал покойнику ступни «чтобы не дрыгался». Почему он в гробу обязательно должен был дрыгаться, честно говоря, я и сейчас не понимаю. Хотя танцевать чечетку, конечно, он очень любил, но вряд ли стал бы отплясывать в деревянном ящике.

Не имея и капли крови этого человека, я и мой сын с удовольствием носим его фамилию.

Дед любимый

Он был вторым мужем моей бабушки, взял ее с семилетней дочкой. Дед был этнический украинец, но обрусевший настолько, что на мове знал буквально несколько слов. Помню, я удивлялся, теребил его, а он повторял одно и то же: кот – кит, картошка – цибуля. Родился он в какой-то мелкой станице в Харьковской области в 1918 году. Детство прошло в голоде и крайней нищете. В школе научили читать, четыре класса он кое-как окончил и бросил учебу. Надо было выживать. В 18 лет его забрали во флот, он от первого до последнего дня прошел финскую и Великую Отечественную. Был мичманом на Балтике, служил на минном тральщике. Однажды они подорвались на мине в Финском заливе, и весь экипаж погиб. Но раненого деда подцепили багром похоронщики, вылавливавшие трупы. Думали, что и его тело мертвое. Потом был госпиталь, оборона Ораниенбаума. Ордена, медали, конечно. Дед почти не умел писать, для него это была пытка. Маленьким

он брал меня в сберкассу, и там я детским почерком заполнял за него бумаги.

Про войну он никогда не рассказывал, никаких воспоминаний в раннем детстве я не слышал. Только когда стал подростком, мне удавалось разговорить старика, да и то это были крайне скупые рассказы. Он никогда не смотрел наши фильмы о войне. Я удивлялся, как же так, это же наши герои, солдаты, не сдающиеся в плен и никогда не рассказывающие фашистам военные тайны даже под пытками. Видимо, в какой-то момент я настолько достал деда, что он взял молоток и здоровенный гвоздь, положил мою руку на стол, приставил гвоздь к указательному пальцу и сказал, что единицы выдерживают, когда им вколачивают в каждый ноготь по гвоздю. Я страшно испугался. Позже я стал понимать, что наш кинематограф был щадящим к зрителю. Никаких оторванных рук, голов, кишок по окопам. Если пуля попадала в бойца, то у него на шинели или ватнике появлялась красная точка, и все. Как-то на 9 Мая, по-моему это было 50-летие Победы, я уже был женат, дед рассказал, как ему под Ленинградом приходилось не раз ходить в рукопашную. Как погиб на его глазах единственный друг – его парализовало во время атаки. В тот вечер я впервые увидел у моего старика слезы.

Мы никогда не ходили с ним на парады. В День Победы он надевал пиджак с наградами и выходил покурить у подъезда. Они с бабушкой всю жизнь прожили в маленьком военном городке на окраине Автозаводского района, это была сухопутная база ВМФ, одни склады с запчастями для ГАЗ-66, высокой проходимости машины. В части работали вольнонаемные – кладовщицы, грузчики, водители, охрана. Офицеров было человек 15–20. В городке располагалось три дома по два этажа – в одном 16 квартир, в остальных по восемь. Примерно 100 человек с пенсионерами и детьми. Я там провел все детство, мама с отчимом всегда отпускали меня на выходные, а уж летом вернуть меня в нашу многоэтажку во втором микрорайоне Соцгорода было сущим адом. Доходило до ругани – настолько мне не хотелось покидать стариков.

Дед, несмотря на малограмотность, любил читать. Он выписывал газету «Сельская жизнь» и не по разу перечитывал «Записки охотника» Тургенева. Кроме того, по-моему, он единственный в семье, кто прочитал все собрание сочинений Мамина-Сибиряка. Перечитывая недавно ранние рассказы Толстого, обратил внимание, что рекруты из крепостных крестьян, описываемые Львом Николаевичем, коверкали слова ну прямо как мой дед. Тухли, а не туфли, колидор, а не коридор. Табурет у него был исключительно тубаретом. Я очень хорошо учился и получил три похвальных листа за первые три класса, у меня не было ни одной четверки не только за год и за четверти, но и просто в обычных работах. Единственный раз я получил пять с минусом... из-за своего старика. Римма Ивановна дала задание классу написать правильно сложные слова. Одно из них было целлофан. Благодаря специфической устной речи деда я написал «салофан». Его у нас было в избытке: в гараже, в сарае, «салофаном» мы накрывали парники в огороде, а «салофановые» пакеты бабушка не выбрасывала, а стирала и сушила на кухне. С учетом украинского происхождения старика сегодня это слово звучит комично, но тогда меня учительница пожурила и заставила пять раз написать его на доске как полагается. Остальные, кстати, писали тоже черт знает как – цилафан, цулуфан и т. д.

Дед был охотник, пока позволяло здоровье. Но я этого не застал, как и его собак. В моем детстве он только ездил на рыбалку и за грибами.

Часто он брал меня и всегда удивлялся моей лени. Я предпочитал ловле рыб и собиранию грибов сочинять всякую чепуху. При мне обязательно был карандаш и блокнот.

Моя бабушка – из дворянского рода, один из моих предков – Николай Добролюбов, знаменитый в XIX веке демократ, критик и поэт. У него не было детей, он рано умер. С недавних пор я живу напротив его памятника. Родственник сидит справа от парадного входа в драматический театр. Мне они очень нравятся: и скульптура, и классик. Я даже прикупил столетней давности издание его программных статей, очень интересно. Кроме того, мне импонирует, что он в юности был страстный и увлекающийся молодой человек. Был влюблен в двух проституток.

Вероятно, из-за того, что жена была потомственное «ваше благородие», дед никогда не обронил матерного слова. Они с бабушкой ругались «собакой». Кстати, в переписке Курбского с Иваном Грозным последний кроет изменника тоже исключительно «собакой».

Я не застал, как дед пил, а пил он ужасно, по воспоминаниям мамы и бабушки. После войны вообще алкоголизм был настолько распространен, что моя мать была уверена, что женская доля самая несчастная – мужики лопают до безумия и бьют ни за что ни про что жен. Например, младший брат бабушки уходил на фронт 20-летним парнем без вредных привычек, а вернулся пьяницей. Единственное, что он был тихим, не дрался. Его назвали Генрихом в честь немецкого поэта Гейне, но с началом войны он сменил имя на Геннадий. Усугубляло его пьянство вечные подколки и насмешки мужиков. Дело в том, что Генрих Петрович вернулся с ранением в пятку. Злые на язык фронтовики постоянно выговаривали ему, мол, медленно драпал, надо было быстрее, трус. Доказывать, что осколки от гранаты не разбирают, куда летят, он устал и действительно довольно быстро спился. Я ему случайно приклеил прозвище Генадил («Приключения Чебурашки и Крокодила Гены»), оно так рассмешило бабушку и деда, что до гробовой доски он так и проходил у нас как Генадил.

В общем, я пьяным деда не видел никогда. Три стопки, и то в большой праздник. Последний его запой случился в 1976 году, когда мне было три года. Бабушка и мама вместе со мной уехали к родне того самого Генадила в Заволжье. Дед протрезвел, пару недель похорохорился, а потом затосковал.

В моей семье по маминой линии все писали стихи: мама, бабушка, прабабушка, а также прадед и остальные. Хитрый хохол не только бросил калдырить по-черному, но и сообразил, как растопить сердце «вашего благородия». В Заволжье он приехал с букетом и стихами (этот листок из тетрадки хранится в семейном архиве). Представляю, как он мучительно подбирал слова. Вот они:

В моих объятиях мы снова обнялись
И слова грусти невежливо полились.
Но снова мы не поняли друг друга.
Ну что же. Так и быть.

Я спрашивал уже взрослым после смерти старика, как бабушка отнеслась к такому обороту дела. Она ответила, что первое желание было в морду ему букетом двинуть, а потом всю дорогу назад в электричке хохотала. Это было первое и последнее стихотворение, посвященное

ей мужчиной, пусть и малограмотным. Но она отдавала ему должное, само собой, взял себя в руки, в доме прекратилась пьянка.

В первом классе к дню рождения вождя мирового пролетариата у нас было классное собрание. В какой-то момент учительница спросила нас: кто самый лучший друг детей? В принципе, портрет висел над школьной доской, и догадаться, мягко говоря, было нетрудно. Однако все молчали. Она еще раз повторяет вопрос и делает подсказку:

– Ну же, дети! Ильич! Знаете Ильича?

– Да! – радостно завопил я. – Я знаю.

– Говори, Саша.

– Лучший друг детей Тихон Ильич!

– Какой еще Тихон Ильич? – изумилась Римма Ивановна.

– Мой дедушка.

Я был знаком с Лениным только по книжкам, а своего старика знал прекрасно и искренне любил. Он действительно сыграл в моем становлении огромную роль. Причем дед никогда меня не воспитывал в прямом смысле слова, не наказывал, не ругал, не поучал и не внушал правильные мысли. Он просто жил удивительно добрым и скромным человеком, безотказным. Меня же он называл «безлаборным». Вероятно, он сразу понял, что к физическому труду я органически не готов. Он не заставлял меня помогать ему в гараже, если ломался мой велосипед, то он чинил его сам. В огороде мне доверяли только поливать, а копать и высаживать рассаду помогать не просили. Во мне билось сердце «вашего благородия», или, честнее сказать, редкого лентяя.

С дедом связана первая мистическая, если так можно выразиться, история, приключившаяся со мной. В 2006 году я был в длительной командировке в Новосибирске, тогда я работал в ИД «Жизнь» и нагрянул в филиал, чтобы сменить главного редактора (девушка напивалась прямо в редакции, и никакие выговоры и штрафы на нее не действовали). Пока я выбирал кандидатуры, проводил собеседования, у меня на правой ноге ближе к паху внезапно выросло нечто отвратительное. Жутко пахнущий нарост со спичечный коробок. Я откладывал поход к медикам, наивно делал примочки марганцовки, но к ноябрю сильно похолодало, и, возможно, из-за этого мерзкое новообразование стало увеличиваться и кровоточить. Я уже собрался сдаваться докторам, как вдруг мне звонит из Москвы шеф и срочно отправляет в Красноярск – в местном филиале отчаянно запил главный редактор, но не девушка, а мужик лет 50–55. Я утверждаю женщину в Новосибе и через день мчусь в Кырск. В самолете я подхватил ОРВИ от соседа и по прилете слег с высокой температурой. В гостинице я валялся в поту, ничего не ел, старался больше спать. На третий день мне стало немного легче, и я достал из чемодана книгу замечательного чукотского писателя Юрия Рытхэу «Сон в начале тумана» (вторая повесть называлась «Иней на пороге»). Я проглотил ее за две ночи. Заканчивалась она печально: чукчи на лодке отправляли в океан старика. Он умирал, и по их обычаю родные провожали его в последний путь таким образом. Я закрыл книгу в слезах, была глубокая ночь. Я не мог представить, чтобы я отправил еще живого деда в ледяной океан.

Утром я пошел в душ. Гадкого разросшегося непомерно нароста в паху не было. Более того, не осталось даже намека на то, что он когда-либо был. Я не мог поверить и, ошарашенный, поплелся на работу увольнять пьяницу. Не дошел шагов ста до редакции, как раздался звонок на мобильник. Бабушка сообщила, что сегодня ночью скончался дед. Во сне, без мучений.

Считайте меня, Наташенька Вячеславненька, сумасшедшим, но я точно знаю, что это мой старик забрал с собой мою онкологию. Я уточнил время смерти. Бабушка сидела у его кровати, она сказала, что Ильич умер в половине первого. По местному времени в половине пятого. Ровно в половине пятого я в слезах закрыл последнюю страницу книги.

2

В конце марта ангел ответил, что начало положено, но надо продолжать – мама, бабушка, братья и сестры, воспитатели, учителя, соседи, друзья во дворе. Я возразил, что мне не один месяц придется писать, а я, между прочим, работаю, пусть и удаленно, из дома. Кроме того, у меня есть личная жизнь, депрессией сильно исковерканная. Наташенька Вячеславненька настаивала, что без подробного описания детских лет невозможно начать работу с психическими травмами, приведшими спустя почти полвека меня к гнетущему состоянию. Хорошо, плюнул в сердцах я, ждите.

Личная жизнь моя в ту весну сводилась к вялотекущему полуроману с замужней женщиной на 15 лет меня моложе. Мне казалось, что я влюблен, что подтверждалось кучей написанных стихов (я пописываю со школы, но, увы, не достиг каких-либо более или менее вершин, топчусь на мелких кочках большой поэзии и делюсь виршами только с близкими друзьями). Со стороны В., как я уже писал выше, в мой адрес выказывалась симпатия, искренняя, в этом не могло быть сомнений, но только симпатия. Поэтому полуроман. Мы изредка посещали концерты, чаще обедали или ужинали в кафе, все было невинно и романтично. Единственный раз в подпитии я набрался смелости и попросил поцеловать ее руку. Поцеловал и вдруг понял, насколько я старомоден, неуклюж и смешон.

Два дня после этого я выпивал с другом Ильей, рассказал ему про В. и про свои чувства, бесперспективные и уродливые. Друг эмоционально поддержал, но все было бесполезно. Я с ужасом считал недели и месяцы до полтинника.

В апреле я пригласил В. в театр. Постановка оказалась тягомотной и нудной, мы ушли в антракте. Посидели в «Шоколаднице», выпили по бокалу вина. Время было позднее, девушке постоянно звонили то дочь, то сын, то муж. Мы дошли до ДК имени Свердлова, и она умчалась от меня на муниципальном электросамокате. Красивая 34-летняя муза. Господи, как же я был жалок сам себе. Я стоял и смотрел, как В. изящно управляет непонятным мне транспортным средством, вокруг радовались жизни и теплому весеннему вечеру толпы людей, а я окончательно понял, что пришла старость.

Ни в апреле, ни в мае я ничего не писал для Наташеньки Вячеславненьки. Уехал к товарищу в глухую деревню и там пробыл до середины июня. Чтобы не сойти с ума окончательно, взялся за план романа под названием «Грязные пятки прошлого». Его идею мы разработали совместно с В., и я хотел, чтобы она в процессе помогла мне с женскими персонажами. План набросал, даже написал первую главу, но потом забросил и не знаю, вернусь ли когда-нибудь к работе над ним.

Однажды мне написала в мессенджере Ольга. Спросила, как продвигается мой курс психотерапии. Я честно ответил, что сижу в глуши на Ветлуге и ничего не хочу. Она снова меня отругала по-дружески, вежливо, без грубости, но чересчур нудно. В итоге я пообещал вернуться

к своим детским травмам в конце лета. Июнь и июль я провел в Нижнем с сыном Сашей, приезжавшим ко мне на каникулы. В августе получил письмо по электронке от ангела, в нем был знак вопроса, и все.

Я через силу вернулся к писанине.

3

Прабабушка по маминой линии

Нина Александровна родилась в 1900 году в семье православного священника и дворянки из рода Добролюбовых. Училась в гимназии, после революции и Гражданской войны вышла замуж за Петра Петровича Нефедьева, принципиального большевика. Он был умным и истово верящим в идеалы коммунизма человеком. В 30-е годы работал в Кремле со Ждановым. Жданов отправил его спасать колхоз в деревню Исупово на тот момент, если не ошибаюсь, Большеболдинского уезда. Он его поднимал, поднимал, но в одну из летних ночей 1938 года за ним приехали, и больше его никто не видел живым. По доносу он был расстрелян. Нина Александровна получила от него письмо из пересыльной тюрьмы, в котором он умолял найти какого-то товарища в Кремле и рассказать, что в стране репрессируют самых честных большевиков, что надо немедленно писать товарищу Сталину, его обманывают, ему не докладывают, его окружили подхалимы и лизоблюды, ну и все в таком роде. Прабабушку, еще молодую 38-летнюю женщину, объявили женой врага народа. Отец же ее, Александр Васильевич, к тому времени отбывал второй срок в ГУЛАГе тоже по доносу. Ему вменялось, что он-де проповедовал у себя в приходском храме, что впереди нас ждет Царство Божие, а построение коммунизма в обозримом будущем невозможно. Я не знаю, где его могила. Семье сообщили, что он скончался под Архангельском.

Итак, Нина Александровна осталась с 14-летней дочкой по имени Нинель (Ленин задом наперед, так назвал муж) и 12-летним сыном Генрихом (так назвала его прабабушка). На работу ее не брали, жить было не на что, впору лезть в петлю. Но, по счастью, на ее письмо откликнулся брат мужа Владимир, тоже большевик, но поднимавший село в Сибири. Он написал, чтобы они бросали все и ехали к нему в Тюменскую область. Электронного документооборота, слава богу, не существовало, и в далеком маленьком Ишиме несчастная семья нашла приют. Нина Александровна всю жизнь работала учительницей начальных классов. Советскую власть, естественно, ненавидела. В 1953 году после смерти отца народов она получила справку о реабилитации невинно расстрелянного супруга и – вот уж верх цинизма! – его рубашку с бурыми пятнами крови. К тому времени она уже вернулась в Горький, после войны врагов народа стали выискивать без былого энтузиазма.

Я помню ее сухой, невысокого роста старушкой, она шесть лет прожила с нами до самой смерти в 1986 году. Она не читала советских газет, только еженедельник «За рубежом». За 86 лет бывшая гимназистка и поповская дочь так и не побывала нигде, кроме Сибири. Нина Александровна везде возила с собой Новый Завет, Псалтирь и Молитвослов. Читала и молилась на церковнославянском. Умерла быстро и тихо, дней десять полежала без сил и отдала Богу душу.

Я не любил ее, она была очень замкнутой и редко выходила из своей комнаты. Часто плакала по ночам, и меня это дико раздражало, маленький счастливый человечек, откуда я мог знать, какое горе на своих

худеньких плечах вынесла эта женщина. Что такое моя депрессия, тоска сытого и здорового мужика, по сравнению с ее трагедией.

Черт возьми, Наташенька Вячеславненька, зачем я все это пишу?

4

Сентябрь я проболел. Простыл, кашлял, высек из носа несколько литров белых соплей, потел по ночам и мерз в светлое время суток. Я начал тяготиться собой еще больше. Общение с друзьями и подругами ограничивалось перепискамии, но они, мессенджеры, меня изводили. Я люблю своих друзей, их не так много, я очень люблю своих подруг, их еще меньше, но осенью я сделал вывод – или я покину «эфир» и приведу себя в порядок в полном одиночестве, или все закончится мостом над Волгой и вздутым синим трупом. Впрочем, в сентябре у меня не поднялась рука удалить аккаунт во «ВКонтакте» и заблокировать всех абонентов в телефоне. Я это сделал позже.

К концу месяца жар и озноб прошли, горло смягчилось, нос больше не протекал. Купив две бутылки коньяка, я затворился до 1 октября и, отхлебывая по глоточку, возобновил свои «мемуары». Ольга продолжала мотивировать меня в своем стиле, я суетливо огрызался, но ноутбук исправно держал под рукой.

Отец

Ивана Васильевича я почти не помню, очень смутные воспоминания. После развода мама водила меня к нему домой, почему-то я запомнил дом, подъезд и обстановку в квартире, а папу вижу как в тумане. Он был огромного роста (2 м 5 см), работал на ГАЗе и здорово играл в баскетбол. Однажды за ним специально приехали скауты из ЦСКА и уговаривали перебраться в Москву, обещали, что за два-три года в лучшей команде страны он обязательно вырастет в игрока сборной СССР. Но батя был молод и не обладал характером. Его деревенская мама, моя бабушка Раиса, наорала на него, сказала, что в столице он пропадет без нее, и настрого запретила думать о спортивной карьере. На тяжелом производстве, зарабатывая большие деньги, он надорвал здоровье и умер в 35 лет от кровоизлияния в мозг. Глядя на сохранившиеся у мамы свадебные фотографии, я всегда поражаюсь, насколько отец был похож на итальянского актера Адриано Челентано. Надо сказать, что в средней школе я воспользовался и своим отдаленным сходством с Челентано и в самодеятельности с оглушительным успехом у одноклассниц исполнял комический номер на песню «Сюзанна, мон амур».

Со слов мамы, однажды Иван Васильевич был отправлен с коляской выгулять ребенка. Через час он вернулся.

– А где сын? – закричала она.

Оказалось, что папаша забыл меня в пивном павильоне, куда завернул со своим другом Бобом. Насмерть перепуганный отец пулей метнулся, обнаружил меня на месте, заботливо укачиваемого сердобольными работягами. Развод был неизбежен.

Слабый, мягкий характер долгое время был и у меня. К примеру, я страшно стеснялся в детском саду подойти к Деду Морозу и Снегурочке. Есть снимок, на котором я с ужасом смотрю на них, а вокруг сплошь смеющиеся радостные сверстники. В школе до 8-го класса я был почти незаметен. Но потом по ТВ показали серию передач «Музыкальный ринг» с рок-музыкантами из Москвы и Ленинграда, и я пропал,

как и пропала моя скромность. Я хотел быть Кинчевым, Гребенщиковым, кем угодно, но только не обычным мальчиком. Мне купили гитару, мама показала простейшие аккорды, и я принялся сочинять чудовищно бездарные песни. Но об этой стороне моего детства, Наташенька Вячеславненька, я черкну подробнее в другой раз.

Да, в детсад я ходил Горшковым, в школу пошел Григорьевым.

Отец-2

Юрий Геннадьевич, второй муж моей мамы, служил в театре комедии. Он имел взрывной характер, хотя вообще не употреблял алкоголь, даже на Новый год. Ко мне относился очень хорошо, но это доставляло мне массу проблем. Сообразно своим детским мечтам, отчим последовательно делал из меня артиста. Учил фехтованию, купил боксерскую грушу и мучил меня однообразными восторженными рассказами про кумиров его молодости Валерия Попенченко и Мохаммеда Али. Помимо этого он подсовывал мне книжки про разведчиков. Его тетка была шпионкой, ее рассекретили спустя несколько десятилетий после войны, и, если мне не изменяет память, она никогда не покидала Германию, где выполняла поручения Центра. Кажется, ее имя помещено в какую-то энциклопедию советской разведки. Шпионом мне одно время нравилось быть, я научился бесшумно ходить и пару раз до смерти напугал бабушку, подкрадываясь к ней в самый неподходящий момент. Но главное, что мне дал Юрий Геннадьевич, – любовь к поэзии. Он знал наизусть несметное количество стихов. Он читал их вслух, когда принимал душ, чистил зубы, справлял нужду в сортире. Навсегда врезалось в память, как он демонически грохотал на кухне: «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» Я не мог, мама тоже, больше никого дома не было, но отчим не унимался и повторял, как заведенный, свой вопрос.

Он умел вставать на голову и ходить таким макаром по пляжу. Он тщетно пытался заставить меня бегать стометровку. Я отказывался тягать гантели и гири, чем возмущал его необыкновенно. В 15 лет он отвел меня в театральную студию при ДК ГАЗа, где я познал чувственные отношения с девицами 18, 20 и 22 лет от роду.

Каждую весну с ним случались сезонные нервные припадки на пустом месте. Меня это не касалось, но с матерью они ругались нещадно. В такие часы я его ненавидел, однако боялся выйти из своей комнаты. Уже на пенсии мать как-то спросила его, мол, чего ты лаял как безумец, на что он не смог дать внятный ответ. Полагаю, что он просто не контролировал себя. Его мать лечилась когда-то от шизофрении, скорее всего ему что-то и перепало от бабы Нади.

В 1985 году родилась моя сестра Катя. Еще десять лет отец с мамой прожили не бог весть как и к концу 90-х развелись.

Был случай, когда я им очень гордился. Он работал летом 1983 года массовиком-затейником в пансионате «Буревестник», развлекал отдыхающих утром и днем, по вечерам же народ тусовался на танцплощадке или в кинозале. И вот в один вечер должен был состояться концерт джазового квартета, музыканты то ли выпили чего-то паленого, то ли закусили несвежей колбасой, но из троих один свалился с отравлением. Мужики в унынии были готовы отменить выступление, ну как играть без контрабаса, стенали они. Юрий Геннадьевич не моргнув глазом сказал, что им неслыханно повезло, ибо он в армии два года щипал струны именно контрабаса. Те обрадовались, расцеловали его и вручили инструмент.

Мы сидели в зале с мамой и были свидетелями ошеломляющего триумфа джаза. Папаша был молод, всего 34 года, высок и строен, на нем был полосатый костюм на голое тело наподобие того, в котором ходил Остап Бендер в фильме Марка Захарова, а на голове ковбойская шляпа. Юрий Геннадьевич отчаянно крутил и вертел контрабас, он подпрыгивал сам, и с ним взлетал в воздух тяжелый коричневый инструмент. В финальном номере мой приемный родитель обнял лакированную дуру, как обнимают женщин во время танго, и стал носиться по клубной сцене. Во время энергичного соло барабанщика он наклонял контрабас то вправо, то влево, имитируя эротические па. Что творилось в зале!

Помню недоуменное лицо мамы. Муж впервые в руках держал струнное чудовище и не имел музыкального слуха от слова совсем.

Дома у нас был проигрыватель виниловых пластинок. Мамина стопка – Чайковский, Гайдн, Моцарт. Папина – Армстронг, Гиллеспи, Питерсон. Ну и мои диски со сказками и спектаклями. До сих пор я кое-что сохранил. Например, у меня есть винил с концертной программой Карцева, Ильченко и Жванецкого с автографом последнего.

От Юрия Геннадьевича я узнал о Бродском, книжечку «Назидание», первое издание в перестроечном Союзе, бережно храню и вожу по всем городам и весям. Когда-то она перевернула мое юношеское представление о стихах.

> Четверть века назад ты питала пристрастье к люля и к финикам,
> рисовала тушью в блокноте, немножко пела,
> развлекалась со мной; но потом сошлась с инженером-химиком
> и, судя по письмам, чудовищно поглупела.

А вот театр я не любил. В новогодней сказке отчим играл Волка. Я с одноклассниками сидел в третьем ряду и был поражен коварством Зайца и Деда Мороза. Дьявольские уловки, подлые ловушки, я кипел от возмущения. Когда же в конце представления Волк спрашивал школьников, куда ему идти – вправо, где за елкой его ждала рыболовецкая сетка помощников бородатой сволочи, или влево, где был теремок и через него можно было улизнуть за кулисы, – то я диким криком орал «налево!». Остальной зал наперекор мне вопил «направо!». Я вскочил на кресло и начал активно махать руками, меня поддержали одноклассники, наш третий ряд неистово помогал несчастному Волку. Прибежала классная руководительница и, шикая на нас, стала усаживать на места. О, как я плакал от обиды.

Второй раз я разревелся во время спектакля «Рядовые» о последних днях войны. Юрий Геннадьевич глупо погиб на сцене, с гримасой невыносимой боли завалился на один бок, и его товарищи по взводу молча сняли пилотки. И хотя я понимал, что через полчаса увижу отчима живым и невредимым в гримерной комнате, я все равно ревел.

Спасибо, па. Это дорогого стоит.

5

Октябрь не принес мне облегчения. Навязчивая мысль о грядущем полтосе рвала сердце. Анализируя собственные страхи, я припомнил, как был с бабушкой на юбилее то ли соседа по городку, то ли коллеги по хору, который она много лет посещала. Юбиляр был пухлый,

заметно лысый, короткий и в розовой рубашке. Поднимались люди, что-то зачитывали по бумажке и передавали через сидящих поздравительные папки виновнику торжества. Все папки были одинаковые – бордовые с золотыми цифрами 5 и 0.

Через месяц или чуть более именинник скончался, и бабушка долго причитала «такой молодой, вся жизнь впереди». Меня такое мнение о покойнике удивляло. В моем тогдашнем представлении и в 40 лет жить уже необязательно. А то что прабабушка, бабушка и дедушка живы, так это потому, что мы из рода долгожителей.

Несколько раз я виделся с В. Что-то говорил, о чем-то шутил, но подсознание давило: я старый, старый, старый баран. Ольга куда-то пропала, я ей не отчитывался больше.

Бабушка по отцу

Бабу Раю в осознанном возрасте я видел один раз, и она меня сильно испугала. Я стоял на остановке, как вдруг мне в руку вцепилась старуха в черной юбке до пят и такого же цвета кофте. Она трясла меня и заглядывала в глаза.

– Ты Саша? Саша Горшков? – дребезжала она.

Я к тому времени свою первую фамилию крепко забыл. Пришлось вспомнить.

– Да, – говорю, а в голове крутятся мысли о ведьмах, которыми мы в пионерском лагере стращали друг друга после отбоя.

Баба Рая что-то мямлила, заплакала, потом сказала мне на ухо противным голосом, что она завещает мне двухкомнатную квартиру, что она всегда меня помнила и будет помнить.

Я вырвался и вскочил в первый подъехавший автобус. Больше я ее никогда не видел. Квартиру, разумеется, тоже.

Бабушка по отцу-2

Баба Надя была тихая женщина, при чрезвычайно импульсивном муже-танцоре провела незаметную жизнь. Меня она видела раз в год, а то и реже, отчего ни я к ней, ни она ко мне не успела привязаться.

Бабушка любимая

Она родилась в 1924 году, когда умер Ленин. Думаю, что отец дал ей имя Нинель исключительно в память о Владимире Ильиче. Я мог бы написать повесть о ее сложной жизни, Наташенька Вячеславненька, поверьте, бабушка это заслужила. Дочь врага народа, двое скоропостижно скончавшихся сыновей, любимый муж, умерший совсем молодым, и 60 лет бок о бок со вторым супругом, брак, принесший ей и слезы, и радости, но слез в определенный момент, увы, было больше. Я поделюсь только некоторыми воспоминаниям из детства, не буду забегать по возможности в подростковую и взрослую жизнь.

Во-первых, она хотела меня назвать Борисом. И ей почти удалось уговорить маму, но, по счастью, в последний момент мне дали более приятное на слух имя. Во-вторых, я был первым внуком из пяти, а потому самым любимым.

Бабушка пела в хоре, пела дома, в школу я пошел с необычным для малыша репертуаром. Я назубок знал «У деревни Крюково погибает взвод», «Опять от меня сбежала последняя электричка» и «Морально разлагается коленками назад» (про кузнечика-развратника). Из дома отдыха она привезла песню алкоголика на мотив «Я не могу иначе».

Не пившая ничего, кроме кофе и чая, Нинель Петровна вдохновенно распевала со мной такие куплеты:

Смерть позовет, и я приду,
камнем в могилу лягу,
но буду пить, пока живу,
водку, вино и брагу.

Дед иногда гнал самогон, и наши выступления специально для него были особенно памятны. Самогон, к слову, был необъяснимо вонюч, Тихон Ильич постоянно экспериментировал то с апельсиновыми корками, то еще с чем-то. Бывало, что у меня натурально начинала от запаха болеть голова. Бабушка говорила, что старик варит чудо-лекарство. За чудо-лекарством и днем и ночью прибегали соседи, но почему-то только мужского пола. Женщины в военном городке, как я понял, были меньше подвержены простудам.

Бабушка интересовалась политикой и не пропускала не только программу «Время», но и «Сегодня в мире», и «Международную панораму». Благодаря ей в первом классе я мог назвать столицу любого более или менее значимого государства, а также всех вождей стран социалистического лагеря. Войцех Ярузельский, Тодор Живков и др. Президентов США, начиная с Рузвельта и заканчивая Рейганом, я тоже знал как родных.

Бабушка учила со мной детские стишки. Некоторые мы исполняли по ролям. Она же слегка хулиганила, когда была в хорошем настроении. Научила глуповатым шуточкам ее молодости.

Про татаро-монгольское иго:

Се Русь! Се Русь! – сказал Мамай
и с раной побежал в сарай.

Разбудите меня ночью и спросите, как башкиры называют пальцы на руке. Я отвечу без запинки. Это тоже бабушка. Нахваталась у соседки по послевоенному бараку.

А в 1984 году мы с ней ездили в Исупово, где так трагически закончил свой мирный путь ее папа. Деревня меня поразила. Она уже была полупустая, практически не было молодежи, много домов стояло заколоченными. Но я видел настоящее стадо (стадко) коров, они томно мычали, меня прокатили на тракторе и комбайне, я был ошарашен тем, что все дети курят папиросы и родители не обращают на это внимания («Мужики растут, что тут такого?»). Отдельное наслаждение доставила русская печь, на которой меня разместили. Про каленные в печи яйца и кашу из печи говорить не буду. Такого в городе не попробуешь.

Единственное, что меня привело в негодование, так это поход со старухами в баню. Мне было 10 лет, но я уже знал, что у мальчиков кранчик, а у девочек дырочка. Однако дырочки, увиденные мною в бане, седые распущенные, как у русалок, волосы, титьки до пупа, складки на влажных от пара телесах заставили меня содрогнуться. Никакого эротического подтекста, естественно, у меня в силу возраста не могло быть, а вот страху я натерпелся вдоволь.

У бабушкиной подруги детства, где мы квартировали, как-то проходили поминки. Умерла пенсионерка. Собрались старухи, накрыли стол. Сначала попричитали, всплакнули, потом стали обсуждать колхозные

новости, потом алкоголь разогнал кровь, и начались песни. Когда бабки опьянели окончательно, понеслись частушки, не всегда пристойные, и закончилось все кадрилью. Я с восторгом смотрел на шабаш с печки, где лежал вместе с котом и подшивкой журнала «Филателия СССР», с которой в тот год я не расставался.

Еще мне запомнилось, что крестьяне жили очень бедно. Вместо обоев на стенах изб красовались черно-белые газеты. В сельмаге стояли консервные банки с морской капустой, выложенные в большую египетскую пирамиду. Других продуктов не имелось. Зато имелись галоши и махорочный табак. Хлеб разбирали с утра, молоко покупали у зажиточных. То есть у тех, кто держал корову или козу.

Домой я вез несколько подсолнухов с семечками, во дворе среди ровни они произвели фурор.

6

Ноябрь ознаменовался настойчивыми сообщениями от Ольги, она взывала к моей совести, требовала не останавливаться, потому что она за меня «впряглась», а наш ангел до сих пор не получил главного героя моего детства – маму.

Тем временем я все стремительнее сползал на дно депрессии, если таковое вообще у нее есть. Мне снились дурные сны, через ночь или две мне приходила во сне пенсионерка в откровенных нарядах. Я ее знал шапочно в реальной жизни, но никогда не видел ни в чем, кроме осеннего пальто с плотным шарфом вокруг шеи. Теперь же она выводила меня из себя недвусмысленными намеками на близость, а в одну из мрачных ноябрьских ночей совсем потеряла совесть и забралась ко мне в ванную абсолютно голой. Нет бы мне хоть раз приснилась В. обнаженной или в раздельном купальнике. Но ведь даже в сплошном не снилась. Бабка, правда, была в отличной форме и выглядела гораздо моложе своих лет. Но, милая, милая моя В., если бы ты знала, что ни одна женщина не может сравниться с тобой. Так всякий раз я в полубреду бубнил, просыпаясь от неприятного сексуального видения.

Нервы расшатались до омерзения. Кончилось все безобразно.

Я решил выбраться в музей Рукавишникова, и во время экскурсии меня стошнило. В тот же позорный вечер я удалил с телефона приложение «ВКонтакте», удалил приватный телеграм-канал, который я вел для двух десятков своих друзей и подруг, заблокировал все номера телефонов, оставив только хозяйку квартиры, мать, сына, жену и сестру. Ну и по работе парочку контактов. Я решился-таки исчезнуть с радаров. Тяжелее всего было прекратить волшебное общение с В. Несколько дней я изнурял себя сомнениями, потом удалил и ее.

Само собой, я догадывался, что внезапное исчезновение вызовет недоумение у моих товарищей. Я знаю, что всем им по-своему дорог, они искренне меня любят и не виноваты, что я весь 2023 год сходил с ума от бредового ужаса перед 50-летием. Но я был уверен, что меня поймут. Позлятся, но поймут. В конце концов, большинство знало меня не год и даже не десять лет, а кое-кто и 25–30. Вряд ли кто-то сомневался, что я с прибабахом. Но так продолжаться больше не могло, мне жизненно необходимо было остаться наедине с Наташенькой Вячеславненькой. Ольгу я предупредил, что меня хватятся общие знакомые и чтобы она не проболталась. Потом сам все расскажу, написал

я ей, конечно, если психотерапия вернет меня людям в приемлемом состоянии души.

Я остался один. Последний рывочек.

Мама

Светлана Александровна шла на аборт, но врач на руках у нее повисла и не дала совершить убийство. Так в декабре 1973 года я появился на свет, про аборт, конечно, узнал уже взрослым дяденькой.

Пушкин не написал ни одного стихотворения о матери, а Есенин написал пронзительные. Я тоже не пишу стихи о маме, мне и сейчас, Наташенька Вячеславненька, тяжело собраться с мыслями. Все мы человеки, как говорится, все любим родителей. У меня точно не было никаких психических травм, связанных с ней. Я жил как медвежонок Умка, как мамонтенок, державший мать за хвостик. Никого роднее и важнее не было все мое детство. Она научила меня не только читать и считать, это вовсе необязательно для детского сада. Размышляя не один месяц над этой частью моих самокопаний, моей исповеди, если угодно, я думаю, что самое главное, чему она меня научила, – жалость к женщине. Не в пошленьком смысле – какие вы жалкие, сирые и убогие. Нет, разумеется. А в том смысле, что мир жесток и миром правят мужчины. Глобально. Я часто влюблялся, меня отвергали, я отбрыкивался, я четырежды был женат, и, смею уверить, всегда счастливо. По крайней мере, я был точно счастлив. На склоне лет, не на закате, на склоне, мне кажется, что все во мне хорошее суть работа матери. Ежедневная, терпеливая работа. Мне не в чем ее упрекнуть, не на что затаить обиду.

В 1995 году на даче у подруги моего любвеобильного друга зашел разговор о мужской дружбе. Старшие парни горячо выражали мысль, что только мужчины верны слову, что только друзья придут на помощь. Девицы фальшиво улыбались и охотно поддакивали, нас ждала совместная баня и шампанское. Я тогда сказал, что не пророню слезы, когда умрет мать, потому что мы стали далеки, как Земля и Марс, а если умрут мои друзья, то жить не вижу смысла. Ни любвеобильного друга, ни девиц, их след давно простыл, а мама с каждым днем все ближе и ближе мне. Не поверите, Наташенька Вячеславненька, она до 13 лет брала меня за руку, когда мы переходили дорогу. Я злился и вырывался. Моему сыну 14, и я до сих пор инстинктивно хватаю его на пешеходном переходе. Добрый пацан не вырывается, он лучше, он вообще во всем лучше, и это меня окрыляет, что ли.

Я не знаю, что там вы, психотерапевты, считаете основным инстинктом, но у нас с мамой он называется страх за жизнь ребенка. Какого бы возраста он ни был. Думаю, что у большинства людей он тот же. Мы же просто сын и мама. Как все.

7

Первого декабря на электронную почту упало письмо от ангела. Это все, интересовалась она, а где друзья детства, где драки, унижения, слезы, где травмы? Я ничего не ответил. Отстаньте вы, без вас тошно.

Через неделю позвонила Ольга и сообщила, что будет сутки в Нижнем, не хочу ли я выпить по бокальчику.

Мы встретились в «Шоколаднице», я пришел раньше и тоскливо смотрел, как за окнами горят новогодние огни. Когда-то мы любили

посидеть часок-другой с В. в этом кафе. Поздняя любовь или блажь неуравновешенного чудака? Бог знает. Я уже ничего не понимаю.

– Ну, здравствуй, родной, – воскликнула Ольга и, сняв пуховик, присела напротив. – Как же прекрасен зимний Нижний! Я буду пиццу и бокал белого вина. Любого.

Сделал заказ, от улыбки старой подруги, как у Крошки Енота, стало веселей.

– Как твоя депрессия? – задорно спросила она и подмигнула.

Я вынул из-под стола небольшой букет и протянул ей.

– Ты меня сейчас спрашиваешь как Ольга Владимировна или как Наташенька Вячеславненька? Только не надо округлять глаза, я догадался.

– И давно? – она очень тепло рассмеялась, я как-то стал забывать, как смеются женщины.

– Нет, не очень.

Принесли вино и пиццу. Кафе шумело, слышался смех то за одним, то за другим столом. Я поднял бокал.

– Спасибо, – вот все, что я смог сказать, хотя заранее приготовил речь.

Мы выпили, потом еще, потом я посадил Наташеньку Вячеславненьку в такси, и она умчалась в ночь к брату и племянникам. Я зашел в «Спар», кивнув по дороге Добролюбову, купил сигарет и банку кофе. Не спеша вернулся в свою келью и долго не мог заснуть. До проклятого юбилея оставалась неделя.

8

15 декабря я проснулся, как обычно, около четырех утра. Включил свет на кухне и обомлел. На полу лежал мертвый мышонок. Впервые за свою жизнь я проснулся в одном помещении с трупом. Нагнулся, потыкал пальцем. Труп. Рот у мышонка был широко раскрыт, и белые зубки блестели от электричества. Я сфотографировал тельце на телефон, затем взял салфетку и закинул грызуна в мусорный пакет. Меня поразило не само появление мертвеца в квартире, а конкретная дата его появления. Не 14 и не 16 декабря. Не в 2022 и не в 2024 году. Ну почему именно в полтинник, в самый гадкий день моей жизни, у меня на полу у холодильника погибает животное?

Кое-как дождался девяти утра и скинул фото Ольге. Что это, спросила она в мессенджере. Я в красках рассказал про странную находку.

– Как ты, Наташенька Вячеславненька, объяснишь мне подобную мистику? Давай, я жду.

– Очень просто, родной. Это умерла твоя маленькая и глупенькая депрессия. Ты свободен, страха больше нет. Напиши своей музе, не будь дураком. Я прошу тебя. Как Ольга Владимировна.

Спустился во двор, выкинул в бак пакет с мышонком. Покурил, постоял на морозе. Никаких логических объяснений в голову не приходило. Вернулся, кряхтя, к себе. Лег на диван и, опустошенный, уставился на большой фотопортрет В. над книжной полкой. Соседка за стеной на неприлично высокой громкости слушала новости по телевизору. Живая сила противника успешна уничтожена.

Анна ГУРИНА

Родилась в 1986 году в Алма-Ате. Окончила Санкт-Петербургскую государственную академию театрального искусства. Второе образование – драматург в киноиндустрии. В 2020 году окончила ВГИК. Работает сценаристом в кинокомпании «Ветер перемен» .

Автор книги рассказов «Обратная сторона игры» (2022), сценариев к фильмам «Чекаго», «Хам Арах», сериалу «Книга степей». Колумнист «Литературной газеты». Публиковалась в журналах «Причал», «Западная Двина», «Маяк», «Роман-газета», «Литературная газета», «Перископ-Волга», «Нева», «Гостиный двор». Лауреат ряда литературных и кинематографических конкурсов.

Член Союза писателей России. Живет в Москве.

ОН

Он был не молод и не красив. Короткий седоватый ершик, морщинки вокруг глаз, неровная линия губ. Но сквозило в его облике – в повороте головы, в походке, в осанке, даже в том, как он держал тонкими пальцами чашку кофе, – сквозило нечто невыразимо чарующее, нечто такое, чего, кажется, и нельзя описать словами. Что бы он ни надел – белую футболку ли, костюм ли, или обычную пляжную рубашку с шортами, – все сидело на нем ровно и гладко, словно бальный наряд. При взгляде на него в памяти всплывали старинные английские поместья, запущенный сад, пансион для мальчиков, музыкальный салон матери – канувшая в Лету эпоха, где дамы переодевались к обеду, а мужчины правили миром.

Он отдыхал в отеле с подругой. Она была из той редкой породы женщин, чей возраст сложно поддаётся определению. Был ли то дар природы или гениальная работа хирурга, но выглядела она одновременно и на тридцать пять, и на сорок, и на пятьдесят пять. В одежде её была та легкая небрежность, какая присуща очень богатым женщинам, но подушечки пальцев у неё были стертыми, а ногти короткими, что выдавало в ней пианистку или писательницу – а значит, человека, кормящегося трудом. По утрам, прогуливаясь по Английской набережной, я видела, как они сидят на балконе. Он читает ей книгу, а она слушает с улыбкой, подперев голову рукой, не сводя взгляда с зеркальной поверхности лазурного моря, в нескольких местах изрезанного белой пеной корабликов и яхт. На спинке стула, среди брызг сиреневой лаванды и ванильно-розовых пионов, поднимающихся

из напольных стеклянных ваз, висела её широкополая соломенная шляпа с длинной черной лентой; ветер вздувал её, и она трепетала, вытягиваясь вверх, тщетно пытаясь оторваться от тонкой иглы серебряной броши.

Я заметила, что он ни на минуту не оставлял её одну. Когда ранним утром она плавала в бассейне – сидел в баре и следил за ней одними глазами. А едва она подплывала к бортику, забирал с лежака брошенный халат и распахивал для неё, выходящей из воды. На завтраке они ходили вместе по огромному ресторану и брали одинаковую еду. В полдень, когда она играла с инструктором в теннис, он пил на пустой трибуне мартини со льдом. Мне нравилось смотреть, как он поднимал с земли мячики и кидал их обратно. Это был красивый взмах подтянутой, спортивной руки – четкий, как у скульптуры. Он был ощутимо старше её, и забота о ней чувствовалась в каждом повороте его головы, в импульсе тела. Взгляд его все время выражал озабоченность – не голодна ли она? не устала? не болит ли спина или голова? Я не знала их имен, не знала откуда они; несколько раз я услышала, как он по-французски обращался к ней «душа моя», а она в ответ звала его «ангел мой». Это было нежно и по-старомодному, без всякого зоопарка.

Однажды на пляже я увидела, как она плачет подле него. Обычно мужчины или теряются от женских слез, или сердятся, а он усадил её к себе на колени и гладил, как маленькую, по голове, что-то ласково нашёптывая на ухо. Затем она откинулась на лежак, а он стал массировать ей ноги.

Движения его пальцев говорили о том, что он знает каждый секрет её тела – они с нежностью скользили от бедер, припорошенных белой накидкой, к красным ноготкам и обратно. Окончив массаж, он поцеловал её острые худые колени; в этом поцелуе не было страсти или заискивания – скорее так родитель целует ножки ребенка. Затем она разделась, и они пошли к морю. Я видела, как две головы – седоватый ершик и широкополая соломенная шляпа с черной лентой – плыли в лазурной воде к дальним камням. Они вернулись через полчаса и купили у торговца-араба желтое манго. Когда они ели фрукты, сок тек у них по подбородкам и смешивался с соленой водой и песком на груди. Они смеялись и влюбленно глядели друг другу в глаза.

На четвертый день моего отпуска метрдотель на ужине посадил меня рядом с их столиком. Огромный белый зал, украшенный подлинниками Ренуара и Дали, ярко освещенный массивной люстрой баккара, был переполнен нарядными женщинами. Мужчин здесь не наблюдалось – прекрасные дочери Евы давно научились обходиться без них. Таперша на эстраде играла что-то итальянское, женщины фотографировались, целовались, трепались по телефону; тонкий запах pâté de foie gras, смешанный с пряностями и морепродуктами, поднимался к стеклянному куполу вместе с пустым смехом и перезвоном бокалов, и пара за соседним от меня столиком казалась в этом Вавилоне старинной фотографией: они ни разу не встали потанцевать; ни с кем не перебросились даже парой фраз; не открыли телефоны – весь ужин они смотрели друг на друга и тихо разговаривали.

Ближе к концу трапезы я услышала, как она попросила его сходить в бар за новой пачкой сигарет, а он отказался. Полушёпотом, родительским тоном, мешая итальянский и французский, он отсчитывал её, что она слишком много курит. Она не спорила, а слушала его с полуулыбкой,

откинувшись на спинку. Он встал, бросил салфетку на стол, показывая, что ужин окончен, и увел её в номер.

До рассвета я глядела в балдахин над кроватью, мучаясь от бессонницы. В глубине ребер тяжело ворочалась и маялась от зависти моя душа: если бы меня, политика и писателя, отсчитали, что я слишком много курю, – я была бы счастливейшей из женщин.

В шесть утра следующего дня я спустилась к бассейну. Купол неба был бледен от не взошедшего ещё солнца, размётанные акриловые облака вызолотились изнутри персиковым светом, нежная прозрачность легла на отель и сад. Она плавала в бассейне кругами, он стоял в баре недалеко от моего стула и не сводил с неё глаз. Наконец она подплыла к бортику, он взял приготовленный малиновый сок, обернул её халатом и повел на лежак. Она пила и задумчиво смотрела на воду, он рядом читал газету, изредка бросая на неё быстрый взгляд – все ли хорошо? она ни в чем не нуждается? У меня навернулись слезы: идеальная пара Адама и Евы в своем собственном, закрытом для всех раю.

Я не заметила, как ко мне подошёл менеджер отеля и зашептал:

– Она сняла его за десять тысяч евро, мадам. Максимилиан освободится через три дня. Желаете приобрести его услуги?

Ирина ДЮГАЕВА

Родилась в 1998 году в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков).

Автор повестей «Кумир» (2019), «Мистическая сопричастность» (2020). В 2021 году опубликовала сборник рассказов «Мимо башни» – за победу во всероссийском литературном конкурсе «Мы выросли в России». Публиковалась в журналах «Молодёжная волна», «Гостиный двор», «Литературная газета». Участница Слёта молодых литераторов в Большом Болдине (2022).

Живет в Оренбурге.

ХИКИКОМОРИ КАМИЛЛА

От человечности. Вот от чего Камиллу тошнило, как от кучи навоза, выдаваемой артмейкерами за пирамиду с захоронениями древних богов. От самой причастности к человечеству и гуманистичного требования быть человечной её выворачивало, как рыбу, выброшенную на берег.

Камилла не выходила из дома две недели и не выходила бы ещё дольше, но её запас энергетиков иссяк, а заказать их на дом было невозможно – ограничение 18+ не позволяло. Энергетики Камилла называла своей кровью, пиццу – своей плотью, и без них не было ей жизни. Придётся выйти в магазин. Придётся встретиться с людьми. Придётся держать лицо. Впрочем, лицо она старательно скрыла – натянула шарф до носа и капюшон до глаз.

Это совсем не больно – убеждала она себя, – это, как говорят врачи, раз – и всё! Даже комарик больнее кусает. А потом вернуться домой, взяться за работу, продолжить писать программу, читать на самых логичных языках, не допускающих глупых исключений и трояких толкований – на языках программирования.

Взвизгнула молния на куртке, шикнули шнурки на ботинках.

Рюкзак был слегка порван – у замка зияла черная микродыра, пошпионски озирающая квартиру. Обозвав себя дурой, Камилла одним движением закинула рюкзак на плечо и шагнула к входной двери. Ища поддержки, с тоской взглянула на электрогитару, мигавшую бликами у окна в зале. Щёлкнула замком двери, набрала воздуха и перешагнула за порог.

Дальше, как всегда, в мире за пределами квартирных стен, всё туманно мешалось, словно во сне.

В магазине пахло мокрым тряпьём, кислой капустой и чистящим средством. Камилла поморщилась и пошла вдоль стеллажей. Ей *нужен*

только энергетик, лишь энергос, дюжина банок, всего только энергия жизни, механически фасованная мертвым металлом в алюминиевые сосуды. Ритуальные канопы, продаваемые воскресшим мумиям. Они все – мумии, человеком был один Христос.

Камилле показалось, что она идёт вдоль полок с бальзамированными трупами в древней гробнице. Она внутренне сжалась, мысленно давая себе пощёчину и пытаясь приструнить буйное воображение.

Только энергос, кровь душевных жил.

У мясного прилавка стоял мужчина, он держал в обеих руках пачки с сарделькам и и поднимал то одну, то другую, словно взвешивая и пытаясь определить, какие по составу подходят для насыщения его плоти, какие станут донором его сытости. Такой важный и глядящий в незримую даль отрешённо и неразрешимо, он как будто взвешивал на весах судьбы свои деяния, одинаково пересоленные и сочащиеся жиром, возможно, выражавшим ненасытность, а возможно, непомерное самодовольство.

Только энергос, энергии вброс.

В коридоре с амброзией, воспламеняющей кровь и притупляющей разум, тоже стоял мужчина, высокий, с выступающим лбом и подбородком, он хмуро смотрел прямо перед собой в одну точку и прижимал пса, такого же, как хозяин, массивного шпица, весело улыбающегося чему-то загадочному и никому неведомому. И было похоже на то, что мужчина вымеряет, на сколько бутылей «Шихана» можно обменять своего улыбчивого сфинкса.

Только энергос, иначе уйдёшь бос.

В холодном хранилище белой крови матери-природы расхаживала женщина с волосами, пшеничной соломой торчавшими из-под потёртой серой беретки. Женщина разглядывала молочные продукты с гипнотической зачарованностью. И почему-то водила пальцем вокруг рта, не по губам, а именно вокруг рта, точно примеряя, каких размеров ей нужно иметь рот, чтобы выпить всё млеко мира.

Только энергос, пока не одолел склероз.

В бакалейных рядах, как в чумных ямах с трупами, были навалены овощи-фрукты-плоды земли и деревьев, гниль и падаль. И как сумасшедшая садовница, над ними склонялась изогнутая, с длинной шеей женщина, напоминающая кобру, только с отвисшим пузом. На кончике носа у неё висела ярко-зелёная козявка. Или недозревшая горошина. Сальные волосы облепили лицо женщины и переливались скользящим, как на чешуе, отсветом. Одну руку она согнула в кулак и упирала в бок и будто бы заключала про себя, достаточно ли плохи плоды, чтобы можно было устроить продавцам скандал, а другой рукой почесывала левое бедро, обтянутое джинсой.

Только энергос, и никаких роз!

Мимо горшков с цветами – к глянцевым пачкам чипсов – к стильно переливающемуся алюминию, расставленному кое-как на многоярусной полке, но этот алюминий тем и примечателен и уникален, что неважно, как его расставлять – всё равно выглядит экспонатом на модной выставке.

Раз банка (с ягодами) – два (с кокосом) – три (с кактусом) – четыре (уже и неважно) – пять (это мантра) – шесть (моленная посреди захоронений в крипте)…

Тринадцать – на кассе считают долго, долго проверяют товары, пока не протянется одобрительное «пи-и». На покупательницу смотрят

самые разные по выражению чувств взгляды, кажущиеся знакомыми, почти родными и оттого невыносимо раздражающими.

Какая-то женщина, оставшаяся в круговороте стеллажей и товаров, отдалённо произносит завет: «Нельзя купить один йогурт или один чай. Непродуктивно так с продуктами делать. Да и неприлично. Надо ещё что-то».

Больше ничего, только энергию, закованную в алюминий!

Дверной замок щёлкнул с усталым треском, Камилла пообещала ему не совершать былой ошибки и закупаться впрок, чтобы ещё реже выходить из дома. Заперев дверь, Камилла с усилием выдохнула, настоящая героиня, пережившая мясорубку.

С ребячьей бодростью расстегнула куртку, расплела шнурки, бабочкой, вылупившейся из кокона, порхнула в кухню. Запоздало юркнула обратно, выволокла из коридора пакеты. Будто завёрнутый, таинственный подарок, с нетерпением вывалила покупки на пол. Посыпались четыре банки с энергетиком, две с пивом, морковь в упаковке, фасованные яблоки, консервированные горох и фасоль, палка колбасы и узелок сарделек, коробка молока и пачка творога – всё чужие задумки, чужие пищевые привычки, обломки чужого быта.

Камилла скуксилась, еле превозмогая нервную дрожь губ. Она всё делала для того, чтобы никто не вмешался в её жизнь, чтобы паразиты человеческого вида не проникли ей под кожу с их ненасытным желанием править, властвовать и подчинять. И они всё равно… опять… Кого ненавидеть за это – себя или их, сокрушалась она, пока обозлённо собирала разноцветные банки с пола. Нарочито оставила остальные покупки на полу, точно наказанных игрушек.

Внутренней, заглушённой частью сознания она знала, что съест и выпьет это всё. Не сразу, но со временем поглотит, мирясь с вынужденностью положения. Потому что не только энергетик даёт энергию, только пищей сыт не будешь, только влагой не утолишь жажды, в одиночестве не укроешься.

Роман РАЗЖИВИН

Родился в 1993 году в Костроме. Получив специальность в области прикладной информатики, переехал в Санкт-Петербург. Работает в сфере интернет-маркетинга.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Литerrатура», «Формаслов», «Новый Орёл + XXI век». Победитель ряда литературных конкурсов. Живет в Санкт-Петербурге.

КЛУБ ПОТЕРЯННЫХ НАДЕЖД

Мы с Аней шли по сырому безлюдному тротуару вдоль бетонного забора, как вдруг из приоткрытых железных ворот послышался шум толпы и какие-то крики. Мы насторожились и решили аккуратно пройти мимо. Из любопытства я бросил взгляд в проём железных ворот и увидел, что между старых гаражей по кругу стояли штук десять деревянных стульев. На каждом сидел человек. В центре круга рыжеволосая девушка отплясывала какой-то нелепый дикий танец, а люди на стульях хлопали, гудели, гремели всем, чем могли. Глаза рыжей незнакомки устремились в мою сторону, от неожиданности я встал как вкопанный. Она бросилась к воротам и уставилась прямо на меня.

– Хотите к нам? – весело, пытаясь отдышаться, спросила она.

– К вам? – недоумевал я.

– Да. У нас тут клуб потерянных надежд.

«У вас тут что?» – промелькнуло у меня в голове, но незнакомка уже тащила меня за рукав.

Махнув Ане рукой, чтобы та не стояла «на пороге», она втащила меня в самый центр круга, где ещё минуту назад сама отплясывала свой странный и неуклюжий танец. Аня сделала несколько неуверенных шагов и зашла вслед за нами. Незнакомка спросила:

– Ты мечтал стать кем-нибудь?

Человек десять пристально смотрели на меня. Я секунды три медлил с ответом, и рассматривал этих, пока еще, странных для меня людей. Осознав, что за мой ответ мне, скорее всего, ничего не грозит, я ответил:

– Рок-звездой. – Это было неожиданно даже для меня, но я вспомнил, как в молодости играл в группах и как мечтали мы выступать на огромных сценах. Но кто ж об этом тогда не мечтал? Мне не стыдно было в этом признаться.

Толпа загудела, я вздрогнул, Аня попятилась к воротам. Со всех сторон мне кричали: «Круто! Давай! Жги, рок-звезда! Йи-ху-у-у». Но я

стоял и не понимал, что нужно делать. Сквозь шум толпы рыжая незнакомка крикнула мне: «Исполни что-нибудь!» – исполнить что-нибудь? Они в своем уме? Я развёл руки в стороны и крикнул в ответ: «Но как?!» – но она уже неистовствовала вместе с толпой, прыгала и кричала мне: «Давай же! Исполни! Они твои фанаты! Не заставляй их долго ждать!»

Нужно было что-то делать. Я изобразил, что держу в руках гитару, толпа заревела ещё сильнее. Они подскочили со своих мест и встали за стульями, которые отгораживали меня-звезду от них-фанатов, как на настоящей сцене. Это был шанс удрать. Аня держалась всё ближе к воротам, а я держал её в поле зрения. Под неистовый гул толпы мы переглянулись, я увидел в её взгляде тревогу. Я вновь посмотрел на своих «фанатов»: среди них были и силачи, и дохляки, но злить такое количество людей – безумие. Я решил действовать, поставив в цель наше спасение. Я стал изображать, что играю на гитаре, представляя в голове гитарный рифф из «Энтер Сандман» «Металлики». С ритмом и гитарами у меня всегда был полный порядок, несмотря на то что к своим тридцати трем годам я забросил музыку даже как хобби. Я стал озвучивать голосом ту самую мелодию, которая взрывала стадионы. «Фанаты» присели на корточки и на самом взрывном моменте вскочили, как подорванные, и начали прыгать, бросая вверх «козы». Это было дикое, но притягивающее зрелище. Я всё больше входил в раж, становилось жарко. Я поставил одну ногу на стул, как это делают настоящие гитаристы, и качался в такт музыке, которая даже не звучала. Толпа качалась вместе со мной и подпевала что есть мочи. У нас была общая музыка, которую мы чувствовали. «Фанаты» продолжали прыгать, трясти головами, подпевать, выкрикивать слова песни. А я выжимал из воображаемой гитары всё что мог. Сногсшибательный «соляк» повалил их на землю, они упали, ещё слабо подвывая мелодию. Песня кончилась, я аккуратно поставил «гитару», прислонив её к ближайшему стулу, и стоял в полнейшем недоумении, пытаясь отдышаться.

«Что это было?» – спросил я рыжую незнакомку, которая медленно наигранно аплодировала, приближаясь ко мне. «Ты только что исполнил мечту», – ответила она мне. Оба запыхавшиеся, мы присели на стулья, Аня стояла уже ближе ко мне. Я видел, что она улыбается, но жутко стесняется подойти. Незнакомка, указала рукой на «фанатов», похлопывающих друг друга по плечу в знак уважения за то, что ещё так молоды душой, и сказала:

– Это Джек, Кристофер, Николь, Джеффри… а я Скарлетт. – Она перечислила всех, каждому я кивал, но запомнил только нескольких.

– Но это же не настоящие ваши имена? – спросил я.

– Конечно! – ответила, смеясь, Скарлетт. – Мы здесь те, кем когда-то хотели стать, но не стали. Я, например, танцовщица.

– Да, я видел, классно танцуешь, – соврал я.

– Да нет же! Ты не понял. Я знаю, что танцовщица я хреновая, но в этом и смысл, понимаешь?

Я продолжал разглядывать их. Это были вполне приличные люди в нормальной одежде, без алкоголя или чего-то такого. Все были разного возраста: две девушки лет тридцати, мужчины от тридцати до сорока лет. Паре человек я бы точно дал больше пятидесяти. Простые мужики, которые пьют пиво по вечерам или впиваются взглядом в телевизор, утопая в диване. Они были обычными людьми, которые воплощают

свои несбывшиеся мечты в реальность. Я невольно улыбнулся, разве можно такое представить? Однако мне всё ещё не верилось, я спросил Скарлетт:

– Но для чего вам всё это?..

– А сам ты ещё не понял?

– В каком смысле?

– Эй, чувак! – крикнула она мне в лицо. – Ты только что забабахал нам «Энтер Сандман». Что ты чувствовал при этом?

Я задумался на мгновение… а ведь и правда.

– Истинный кайф. Будто я отыграл целый концерт, – ответил я.

– Вот и-и-именно! – с улыбкой протянула Скарлетт, ткнув меня пальцем в грудь.

– Как в бойцовском клубе, что ли?

– Только бить никого не надо, – добавил Николь или Джеффри.

– Точнее, как в клубе потерянных надежд! – ответила, смеясь, Скарлетт и продолжила. – А самое главное знаешь что?

– Что? – спросил я.

– Мы не обманываем себя, а просто пару часов верим друг другу. Просто верим, и всё.

Толпа вновь загудела. Аня уже не боялась и села рядом. Внутри этого круга из стульев был создан свой мир, от которого веяло теплом, как от очага. «Мы просто пару часов верим друг другу…» – крутилось у меня в голове. Мы пробыли у них ещё немного и посмотрели на безобразную актерскую игру Николя, на паршивое пение Джеффри, но… мы улыбались, и все улыбались. Мы хлопали каждому и верили. Верили так же искренно, как верил сам человек, находившийся в круге. Боже мой, да ведь и я был в круге… И не важно, что они исполняли. Было важно лишь верить.

Через полчаса мы с Аней пошли дальше. Вынырнув из-за серого бетонного забора, мы ощутили какую-то душевную сырость, словно отсоединились от чего-то. Волшебство исчезло, но где-то оно ещё жило. Аня взяла меня за руку так крепко, как никогда не брала. Я взглянул ей в глаза и ощутил что-то космическое, на грани единения со всем человечеством. Я видел любовь, я видел волшебство. Не успел я сказать хоть что-нибудь, как она заговорила первой:

– Знаешь, я тебя таким давно не видела. – Она улыбалась, даже слезинки поблёскивали на её ресницах.

– Каким? – спросил я. У меня захватывало дух.

– Таким… раскрепощенным, счастливым.

Мы улыбались друг другу, держась за руки. Накрапывал дождь, а может, мокрый снег – нам было не важно. Спустя минуту она продолжила:

– Только обещай, что не будешь менять своё имя на американское.

– Не буду, Анька, – рассмеялся я, – не буду!

– Мне нравится, когда ты… настоящий.

Денис КРАСНОВ

Родился в 1984 году в Комсомольске-на-Амуре. Окончил факультет международных отношений Нижегородского госуниверситета. Кандидат политических наук. Прошёл профессиональную переподготовку в институте филологии Московского государственного педагогического института (литературный редактор).

Слушатель Высших литературных курсов Литературного института имени А.М. Горького. Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Москва».

Живёт в Нижнем Новгороде.

И. Т. Д.

Судьба свела меня с этим странным человеком в довольно щекотливой ситуации. Я держал в руках очередной номер журнала, только что привезённый из типографии, и вдыхал его свежий, знакомый ещё с юности запах. Прошло около полугода с тех пор, как я возглавил редакцию, и к тому времени не лишился той трепетной остроты восприятия, почти священного ожидания, что и прежде, ещё как у читателя, вызывал у меня каждый новый выпуск.

Секретарь деликатно постучала в дверь и, нарушив мою зрительно-осязательную идиллию с любимым детищем, пропустила в кабинет невысокого бородатого мужчину в клетчатой рубахе навыпуск.

– Данилов. Иван Трофимович, – скромным баритоном представился он.

Его имя мне ничего не сказало, и я, едва взглянув на него, кивнул на стул и продолжил листать журнал, ожидая дальнейших объяснений целей его визита. Он не сразу решился прервать молчание и тихо, словно на ощупь, заговорил о плачевном состоянии русского языка, повальной неграмотности и печатной вседозволенности.

Едва сдержав зевок, я положил номер на стол и откинулся в кресле, раздумывая, как бы поскорее избавиться от этого непрошеного гостя. На своём редакторском веку я перевидал множество подобного рода просителей: высоколобых грамотеев, латентных графоманов и непризнанных гениев. Вычислить этот типаж было не так уж сложно: почти каждый из них начинал с того, что требовал ниспровергнуть тех, кто якобы мешал им реализовать себя, составив негласный заговор против великого языка, не давая пробиться подлинно творческим росткам живого слова.

Поглаживая седоватую бороду, Данилов увлечённо, хоть и сдержанно, раскручивал свой критический маховик, и по его тону было ясно, что он далеко не в первый раз развивает эти мысли и привык к сопротивлению.

Проще всего было бы поблагодарить его за разговор и распрощаться, но было что-то располагающее в этих больших голубых глазах, провинциальном оканье и даже в русых, зачёсанных назад волосах, непонятным образом придававших всему облику какую-то филологическую достоверность.

Немного поколебавшись, я взглянул на часы (до обеда было ещё далеко) и всё-таки решил дать ему шанс:

– Вынужден во многом с вами согласиться. Хотя, конечно, всё не так просто, как вам кажется. А что конкретно вы предлагаете?

– Это ведь ваш новый номер? – спросил Данилов, показывая глазами на стол. – Позвольте взглянуть.

Я протянул ему журнал, предупредив, что он только вышел из печати и должен появиться на книжных полках не раньше следующей недели. Данилов аккуратно, как младенца, взял номер двумя руками, но не стал раскрывать его.

– Давайте проведём простой эксперимент, – сказал он. – Гарантирую, что в течение трёх, максимум пяти минут я отыщу как минимум одну ошибку в этом 240-страничном издании.

«Ну вот, начинается. Очередной фокусник», – с раздражением подумал я, уже жалея о принятом решении.

– Попробуйте, но мало шансов что-то выискать. Мои сотрудники всегда тщательно отлавливают всех блох.

– Всех, да не всех. В предыдущем номере, например, я насчитал у вас не менее двадцати помарок. Я ведь всё читаю и отслеживаю! Но не будем о прошлом, а лучше проверим этот журнал, как если бы он ещё не вышел. Согласны?

Несколько уязвлённый его замечанием о работе редакции, я хотел было потребовать конкретных доказательств, но тут же сообразил, что пусть он и вправду покажет себя в деле на текстах, которых никак не мог ещё видеть.

Не прошло и двух минут, как Данилов, укоризненно скривив лицо, протянул мне журнал:

– Вот, пожалуйста. Ну что это такое?

«Её звонкий мех всегда вызывал во мне самые восторженные чувства», – прочитал я в рассказе одного довольно известного писателя, нашего постоянного автора. Не веря своим глазам, я в негодовании сорвал трубку и вызвал ответственного редактора. Прибежавшая дама молча погрузилась в текст, сняла свои толстые очки, озадаченно протёрла их, но это не помогло: пропущенная буква так и не встала на место.

– Что же нам теперь делать? – покраснев, растерянно спросила она.

– Это я вас должен об этом спросить! – хлопнув по столу, рявкнул я. – Как вы могли такое пропустить? От вас, Сморчкова, не ожидал. Просто курам на смех!

– Да, со смехом здесь как раз и недотянули, – невозмутимо сказал Данилов. – Кроме того, заметны ещё несколько недочётов, которые обязательно нужно править. Из номера в номер повторяется одно и то же. Как я уже говорил, даже самые опытные корректоры не всегда это видят, и напрасно.

– Что такое? – снова вскинулся я, чувствуя, что начинаю постепенно ненавидеть этого спокойного, уверенного в себе человека, взорвавшего ровное течение моей редакторской жизни.

Визитёр вздохнул и отодвинул соседний стул, приглашая Сморчкову сесть рядом. Она недоумённо покосилась на меня и послушно повиновалась. Я встал у них за спиной и стал наблюдать за движением округлого, как колбаска, мужского пальца, заскользившего по строчкам.

– Давайте начнём с первой же заметки, – наставительно, как-то по-отечески, забубнил Данилов. – Заметили что-нибудь?

Сморчкова прищурилась, нагнулась поближе к тексту и покачала головой.

– Неужто не видите лишних пробелов между словами? Вот здесь и здесь, – Данилов ткнул пальцем в два места на развороте.

– Ну-ка, дайте и мне посмотреть, – выхватил я журнал из рук Данилова. Это была моя редакторская колонка, и, не скрою, его выпад отчасти кольнул моё авторское самолюбие. Разумеется, свой текст я знал хорошо и был в нём вполне уверен.

По такому случаю Сморчкова отважилась позвать самого опытного из наших корректоров, сухопарого Гренца, который без лишних слов близоруко склонил жирафью шею и пробасил:

– Да, похоже, есть лишний пробел. Каюсь, пропустили.

Я бросился к своему компьютеру, открыл файл с заметкой, прокрутил его до нужного места и нажал на не самый любимый символ «Отобразить все знаки», похожий на прилипшую к колонне ноту. Пространство между словами крапчато ощерилось, и действительно там, куда указал на бумаге карающий перст Данилова, в моём файле стояло два пробела вместо одного.

– Хорошо, ваша правда, но это сущая ерунда. А вот…

– Позвольте, какая же это ерунда!.. – возразил было Данилов, но я ответно перебил его.

– Гренц, скажите лучше, что за «звонкий мех» такой вы учудили? Вас что сейчас, сажать всей редакцией и букву «с» от руки дописывать?

– Там как раз есть место для этого, за счёт возникшего пробела, – вставил Данилов.

– Да отстаньте вы со своими пробелами! – взъярился я, чувствуя, что теряю самообладание.

– Ну, тогда я пойду, – поднялся с места Данилов.

– Нет уж, подождите, останьтесь. Вы эту кашу заварили, вам и…

– А разве я редактировал номер и подписывал его в печать? – опустившись обратно на стул, всё так же бесстрастно парировал Данилов.

Он был прав: в конце концов, вся ответственность лежала на мне, и злиться я мог только на себя. Нужно было принимать решение, и я до сих пор не жалею о своём малодушии, которое в тот критический момент самым необъяснимым образом спасло ситуацию и, возможно, мою репутацию. Этого нельзя было делать, особенно при подчинённых, но меня уже несло не туда, и я с вызовом бросил пришельцу:

– А что бы вы сделали на моём месте? Хотите посидеть в кресле главного редактора, а? Попробуйте, даю вам полный карт-бланш!

Данилов с жалостью посмотрел на меня, и мне стало не по себе от этого взгляда. Потупив глаза, он произнёс:

– Простите, но это лишнее. Если хотите знать моё мнение, то весь тираж под нож, не иначе. За сутки я обязуюсь вычитать все тексты номера. Завтра, примерно в это же время, я вышлю вам всё в нужном виде. Для страховки, конечно, можете проделать ту же работу своими силами. А дальше, надеюсь, вы успеете всё заново отпечатать и вовремя выпустить. Но это уже не моё дело.

Я вопросительно взглянул на Сморчкову, и она утвердительно кивнула. Как правило, мы закладывали про запас неделю с небольшим на случай форс-мажора, и вот он и наступил – кажется, впервые в моей бурной редакторской практике. Немного взбодрившись, я стал приходить в себя

и обратился к Данилову с вопросом, который внезапно взволновал меня больше других:

– Иван Тимофеевич, скажите…

– Иван Трофимович.

– Да-да, простите. Иван Трофимович, а зачем вам всё это нужно? И сколько будут стоить ваши услуги?

Данилов едва ли не в первый раз коротко усмехнулся, негромко кашлянул и ответил с прежним серьёзным видом:

– Да нисколько. Только в выпускных данных поставьте мои полные инициалы, всё имя не нужно. Вы, кажется, прослушали, а я ведь ещё вначале сказал о главном. Поверьте, просто я живу и делаю всё из любви к русскому слову. Пытаюсь, так сказать, через огранку текстов сделать мир вокруг чуточку лучше. Не знаю, насколько получается, но уж как умею… Вот, пришлите на этот адрес, – он протянул мне листок, провёл широкой рукой по волосам и вышел.

Начало следующего дня ознаменовалось зычным возгласом Гренца на всю редакцию:

– Данилов прислал! Начинаю сверку.

Из любопытства я уставился в монитор запыхтевшего корректора и подивился, завидев правки чуть ли не на каждой второй странице текстовой простыни. На первозданном чёрно-белом фоне там и здесь, как кровоточащие раны, проступали багровые вставки и исправления, и изречённый Даниловым приговор: пустить трёхтысячный тираж «под нож» – приобрёл для меня какое-то новое, вполне наглядное выражение.

Горделиво выросшие в тире дефисы; запрыгнувшие в текст или изгнанные оттуда запятые; слова, почтительно вставшие в очередь на одинаковом расстоянии друг от друга, – всё это было верно и к месту, и Гренц, одобрительно принимая каждую следующую правку, в конце концов побеждённо изрёк:

– Нам бы, конечно, не помешал такой сотрудник, хотя бы и удалённо. Зачем вот только он вставил *И. Т. Д.* на последней странице – заглавными буквами, да ещё и с лишней точкой?

Посмотрев на этот трёхбуквенный курсив, разместившийся аккурат под именем Гренца, я вспомнил о единственной просьбе Данилова и попросил оставить всё как есть. Тот номер вышел точно в срок, и в ответном письме я попросил Данилова согласиться на заслуженный им гонорар, предложив встретиться ещё раз, но ответа не последовало. Мы написали ему ещё дважды, но тщетно: на связь он так и не вышел.

Не выходил он и из моей головы, и несколько раз частным образом я как бы издалека заводил разговор о нём с близкими коллегами из других редакций. Двое или трое словно бы вспомнили эту фамилию, но ничего конкретного, кроме как: приходил, предлагал помощь, исчез из виду – к сожалению, сказать не могли. Один из моих знакомых рассмеялся, заслышав о Данилове, и откровенно признался, что просто прогнал с порога «этого бородатого ходока-текстоеда». Другой же сказал, что с благодарностью принял ненавязчивое содействие Ивана Трофимовича, но отыскать его, дабы склонить к дальнейшему сотрудничеству, так и не смог. Он показал мне номер газеты, вышедшей при участии Данилова несколько лет назад, и я удостоверился в этом, разглядев всё те же самые *И. Т. Д.* на последней странице.

Удивительным образом Данилов нигде не оставлял после себя следов, кроме своих печатных инициалов да адреса электронной почты, от которого не было никакого проку. Убедившись в том, что поиски

бесполезны, я стал забывать об этом человеке в потоке журнальной рутины, но однажды, более двух лет спустя, в редакции раздался звонок, зазвучавший растерянным женским голосом в моём ухе:

– Здравствуйте, это Данилова. Зоя Марковна Данилова, жена Ивана Трофимовича. Он просит вас прийти… на его похороны. Простите, что же я говорю… Он умер вчера, и для меня он ещё как живой. В общем, он просил позвонить вам, как только… это случится.

В тот же день, весь в мыслях о предстоящей встрече, я поехал в рабочий посёлок за чертой города, не обращая внимания на ухабы и весеннюю распутицу. Навигатор остановил меня у старенькой, но крепкой избы с невысокой изгородью, за которой темнели голые скелеты деревьев и влажно-бурая земля, недавно сбросившая с себя снежное иго. Тоску навевала эта унылая деревенская картина, и сложно было вплести её в представление о бесследно исчезнувшем и вновь давшем о себе знать Данилове.

Полноватая женщина, появившаяся на крыльце в калошах и серой шали поверх полушубка, зазывающим жестом руки пригласила войти, и с самого порога в носу защекотало от будоражащего, ни с чем не сравнимого бумажно-типографского запаха. То, что в любой избе называется сенями, было уставлено высокими, под самый потолок, стеллажами, за стеклянными дверцами которых пестрели корешки разноцветных книг.

Проследовав за хозяйкой, я вошёл в комнату и поразился, что она почти не отличается от сеней: всё те же добротные книжные шкафы по периметру стен сужали жилое пространство, остатки которого занимали широкая старинная кровать, круглый дубовый стол и три простеньких табуретки. На секунду невольно представилось, что вот сейчас появится хозяин и, распорядившись поставить самовар, достанет с верхней полки какой-нибудь уютный фолиант и начнёт рассказывать что-то книжное, интересное.

– Иван Трофимович на веранде обычно работал, а здесь гостей принимать любил, – уважительно сказала женщина, поймав моё озирающееся любопытство. – Но сейчас вы встретитесь в другом месте. Туда он мало кого пускал.

Не успел я вникнуть в загадочный смысл этих слов, как Зоя Марковна вывела меня обратно в сени, и мы, миновав узкую, скромную кухоньку, прошли немного вглубь и остановились у допотопного рукомойника, напротив которого неожиданным контрастом моргал цифровой замок массивной металлической двери. Сославшись на прежнее требование Ивана Трофимовича, хозяйка попросила меня вымыть руки, и, пока я делал это, за спиной послышался писк набираемого шифра. Толстая дверь распахнулась, и мы стали спускаться по решётчатой лестнице, погружаясь в сумрачную прохладу.

– У нас здесь раньше был погреб, но Иван Трофимович под свои нужды его оборудовал. А вот и он сам, мой Ваня… – горестно прошептала женщина.

Вспыхнул яркий свет, и перед моими ослеплёнными глазами предстало нечто невероятное. Глубокое, примерно в три человеческих роста, пространство растекалось вширь и вдаль, и на его раздавшихся просторах стройными рядами торжественно высились великолепные резные шкафы светлого дерева. Лучи софитов обдавали каждую полку ровным, ласкающим светом и отдельным, нацеленным пучком, словно пробившись из-под земли, озаряли возвышавшийся в центре кристально-переливчатый куб, на вершине которого лежал гроб с телом Данилова. Я узнал его сразу, по зачёсанным назад волосам, пухловатым пальцам

и всё тому же невозмутимому выражению лица, которое не могли изменить даже усопшие веки.

– Вот уж не думала, что Ваню сюда положить придётся. Просто здесь прохладнее, вот меня и убедили перенести его вниз, чтобы тело не так быстро… ну, вы понимаете. А так он эту стекляшку никогда не жаловал. Говорил, что на её месте ещё парочку шкафов можно было поставить. Но Герман настоял на своём, и Ване пришлось уступить. Герман – это Ванин друг, он всё это и обустроил, да и вообще, пока был жив, нас поддерживал. Горячий был человек и богатый очень. Нет-нет, не из тех, кто яхты скупал да виллы заграничные, хоть и его головушку шальная пуля встретила. Сошлись они с Ваней на общей страсти, на книгах и журналах, да ещё и земляками оказались, оба здесь родились. И вот, узнав, что Ваня в районной газете работает, Герман ему и говорит: «Пообещай, что всегда будешь здесь трудиться, на одном месте, а уж я тебя всем обеспечу». Таким вот местным патриотом оказался, и Ваня согласился, конечно. Он ведь у меня и так домоседом был, никуда не рвался. А уж когда возникла эта библиотека…

Зоя Марковна широко провела руками по сторонам и продолжила.

– Приехала к нам тогда, значит, целая бригада – хлопцев двадцать, не меньше. Мигом вытащили из погреба все мои банки да соленья и как принялись тут копать-строгать во все стороны! Месяца через три – глянь, а уж здесь такая красота выросла, не всем и расскажешь. Ваня почти никого сюда не пускал, тщательно всё хранил, а мне даже грядками запретил заниматься, чтоб ничего тут не протекло и не испортилось. Ведь они там внизу почти на весь наш участок в длину прокопали! Скучная у меня с тех пор жизнь пошла, без огурцов да картошки. Деток у нас с Ваней тоже не было, хоть бы в них отвести душу. Но Ваня ещё давно, перед самой свадьбой, мне так и сказал: «Детей у нас не будет, иначе службы у меня не выйдет». Я ещё подумала тогда: «Неужто он в армию собрался али ещё куда?» А потом оказалось, что службой своей он всю жизнь эту свою работу считал, с гранками да статьями. По молодости, помнится, я к ним ужас как ревновала: дескать, и зачем я ему вообще тогда понадобилась? Потом уж только поняла, что негоже Бога гневить: жили мы исправно, да и любил он меня, я знаю. По-своему, но крепко. Почти как книжки свои…

Голос женщины дрогнул, и она, приложив платок к лицу, сокрушённо покачала головой. Понимая, что слова в такой ситуации излишни, я сочувственно опустил глаза и уткнулся взглядом в блестевшие паркетные доски, устилавшие пол этого чудесного подземелья. В повисшей тишине проступил ровный гул кондиционеров, а рядом, у самой лестницы, разместилась широкая сенсорная панель, по-видимому, служившая книжным каталогом. Я коснулся экрана, и на нём в должном порядке выстроился плазменный алфавит, а под ним, чуть ниже, выплыли уже известные мне *И. Т. Д.* Нажав на аббревиатуру, я вновь вызвал к жизни всю буквенную армаду и прокрутил меню до начальной гласной моего журнала. Щёлкнув по нему, я увидел файл того самого номера, который и соединил нас когда-то с Даниловым. Под той же буквой в разделе *И. Т. Д.* значились ещё с десяток изданий, большинство которых были мне хорошо известны. В каждом из них содержалось от одного до дюжины файлов, которыми, очевидно, занимался лично Данилов. То же самое обнаружилось и в папках, начинавшихся на другие буквы. Было неловко тревожить застывшую у гроба вдову, но возник вопрос, который требовал прояснения:

– Зоя Марковна, извините, а ваш супруг сдержал обещание, данное своему меценату?

– Да-да, конечно, – неохотно оборачиваясь ко мне, пролепетала женщина. – Так он и работал в той самой газете, до последнего дня своей жизни. Всего три месяца не дожил до шестидесяти… Когда Герман погиб, туговато нам стало. Говорила я Ване не раз и не два: уходи на другое место, не артачься. Уж кто только его не заманивал, но он ни в какую: останусь здесь, как обещал, и всё тут. А то, что он по редакциям разным ходил, так это он так, в нагрузку к работе. Да и любил он от души это дело, ох, как любил! Всё читал постоянно – и правил, черкал, переписывал. А денег за это не брал, вот и перебивались мы как могли в последние годы.

– Да, кстати, вот гонорар Иван Трофимовича. Сожалею, что раньше не мог ему передать, – я достал из кармана заранее приготовленный конверт и протянул его смутившейся женщине. Она всплеснула руками и запричитала, но уже совсем о другом:

– Господи, что ж это я, забыла, о главном-то! Ваня ведь вас не просто так вызвал. Он просил вас заняться всем, что после него осталось. Библиотекой этой, архивом и подшивками. Я ведь даже не знаю, как с этим управляться. А про вас он сказал: такой человек, как вы, заслуживает доверия. И не только потому, что не поскупились вы тираж переиздать из-за буквы одной.

– Там ещё пробелы были лишние, и не только, – растроганно уточнил я.

– Ага, и об этом он говорил. А ещё и потому он вас выделил, что после того случая у вас тексты вроде как лучше, чище стали. Уж очень доволен был Ваня, не нарадовался. Эх, милый ты мой, на кого ты меня оставил!..

В нахлынувшей скорби женщина вновь устремилась к изголовью почившего мужа, возлежавшего на кристально сверкавшей поверхности, окружённой величавыми рядами безмятежных книг. Вся конструкция походила на диковинный саркофаг, и мне вдруг представилось, что самым уместным решением, поистине венчающим жизнь этого удивительного и по-своему трагического человека, было бы захоронить его прямо здесь, засыпав землёй вместе с собранной им библиотекой, а возможно, позднее, и с его законной женой, которая, впрочем, и так уже давно была погребена заживо в аскетической книжной страсти своего непреклонного супруга.

Но тогда, конечно, я только пожалел её и обещал помочь – и, делая это по сей день, так до сих пор и не знаю: как поступить с библиотекой, у которой, в сущности, мог быть только один хозяин? Часами просиживая здесь в свободное время, я прислушиваюсь к музыке этого величественного места и разрываюсь между желанием оставить его в первозданном виде и частыми порывами поделиться наследием Данилова с широкой публикой или, на худой конец, с узким кругом специалистов. Однако каждый раз что-то останавливает меня – то ли эгоизм приобщённости, то ли сомнение в том, а искал ли этот одинокий подвижник своих возможных последователей?

Иногда мне кажется, что его предсмертное пожелание, доставленное на моё имя, содержало некий скрытый намёк, даже тайное послание, как и всё, на чём он оставлял свою трёхбуквенную, устремлённую в будущее печать. И если участь его достояния пока не решена, то, вероятно, на то есть причины, которые нам попросту неподвластны. Как знать, быть может, старый хозяин всё ещё ждёт кого-то, в ком вновь мог бы зримо воплотиться его нерушимый, влекущий к новым словесным вершинам знак качества – *И. Т. Д.*?

Стихи по кругу

Евгений ХАРИТОНОВ
Белгород

* * *

Между мною и войной –
Меньше часа по прямой.
От войны и до меня –
Залп ракетного огня.

Здесь, на западе страны,
Сёла в коконе войны.
И с разорванным лицом
Хата матери с отцом.

Сводки

Этой ночью опять не уснёт старый пёс Аполлон,
Хоть усталость заметна в его неспокойной походке.
И, прижавшись к ногам, по-собачьи расплачется он
От разрыва вдали... Ну а после, из утренней сводки,

Как ни в чём не бывало мы снова прочтём имена
Тех, кто всё же уснул... Навсегда этой про́клятой ночью.
Жаль, не всем удалось осознать то, что эта война
В каждом списке имён оставляет для нас многоточие.

* * *

Не время, брат, с тобой нам пить вино.
Плесни-ка лучше в чашки лимонада.
Почти два года длится СВО.
И знаешь что? Помочь ребятам надо!

Да знаю, знаю... Чёрт тебя дери!
Позволь сказать, а после проповедуй!
Душа скрипит, как петли на двери,
Когда летит над маем «День Победы».

Пока мы здесь сидели в стороне,
Наш старый враг не брезговал насилием.
Не так страшусь увечий на войне,
Как слышать стон израненной России!

Тебе ль не знать фашиста дикий нрав?
В его мечтах – оставить Русь вдовою.
Чего притих? Я прав или не прав?
Кивни в ответ хотя бы головою!

Вот то-то же! Тогда за дело, брат!
Почти два года дали нам поблажки!
Бери рюкзак – пойдём в военкомат.
Пришла пора и нам надеть тельняшки!

Светлана ВОЙТКО
Минск, Беларусь

Возвращение домой

Ищи ли сам, гадай ли по руке –
По линиям – путям на старых картах,
Зовущим мчаться сквозь пургу на нартах,
Под звёздами уплыть на каяке.

Не важно, на каком материке
Продолжишь поиск вечный свой с азартом.
Пусть дом бесследно провалился в тартар –
Найди! Пусть паутина на замке

На той единственной, заветной дверце,
Ключ от которой верно спрятан в сердце.
Настанет миг – вернёшься насовсем.

И позабытое услышишь имя,
Окажешься внезапно со своими –
Тебе никто не скажет, где и с кем.

Елена ГУСЕВА
Рязань

Микромиры

На стекле лобовом растекаются микромиры.
На лету о прозрачный щит бьются мушки и комары.
Словно лапы самца богомола, дворники по стеклу
Растирают по чьей-то воле хитиновую пастилу.

По ночам в летнем городе метафизичный шум
Пробивается сквозь Philip Morris, Winston и анашу,
Сквозь парфюм энергичных женщин в поиске авантюр,
Алкогольный букет, виртуальный полёт купюр.

Лобовое стекло – как барьер между здесь и там.
И спасибо всем жертвенным мушкам и комарам.
Повелителю дворников нужно, не путая полюса,
Развести полупьяных женщин строго по адресам.

Он не путает полюса, бубновый не зря валет.
Он развёлся с женой, и ему уже сорок лет.
Он намучился с тёщей, да так – хоть святых выноси.
Нет детей – есть работа, подвижничество в такси.

Полупьяные дамы утешат и развеселят.
Сорок лет? Да вы – юноша. Ладно бы шестьдесят.
Маскулинное общество тоже пока в чести –
Будет новая женщина, было б куда привести.

Языки заплетаются. С пьяненьких что за спрос?
Посетители гастропабов – тот ещё микрокосм.
Посмеяться и вспомнить будет им что потом
Под занудное шорканье дворников под окном.

Разведённый таксист, улыбаясь, глядит им вслед.
Его ждёт с нетерпением очередной клиент.
Метафизику ночи сменяют штрихи зари,
И его сорок лет не похожи на тридцать три.

Притяжение

Ибо пыль – это плоть времени;
плоть и кровь.

И. Бродский

Мамочка, милая, я напролом старею,
Я, как зимнее солнце, уже не грею.
Осень жизни, предтеча декабрьских вьюг,
Гонит всё, что ни встретится, вниз, на юг:
Птичек, мысли, щёки, живот и веки.
Как говорят премудрые человеки –
Больше двигаться, меньше есть, а не то каюк!

Я иду из «Магнита», кефир в пакете.
В моих крашеных прядях бьётся, дуркует ветер.
Во дворе вскрыли трубы – бардак, погром.
Мальчик плачет. Качели, как метроном, –
Щёлк, щёлк… Минуты, часы, недели,
Дни оседают в тщедушном пацанском теле.
Мальчик растёт, я старею – простой ситком,

Драмой тут и не пахнет. Диалектично
Боль и страданье приводят к победе личной:
Страх исчезает, обиды летят в утиль.
Кто-то ведёт незримо. Солнце моё, не ты ль?

Близится точка заветного невозврата.
Жизнь на тычки и точки сказочно торовата.
Копится по углам плоть времени – пепел, пыль.

…Трубы накроют тонким пластом асфальта.
Детский фальцет изменится на контральто.
Годы липнут на вечность, мошка́ – на скотч.
Мощь притяжения всюду – не превозмочь.
Зябко мне, мама. А станет ещё холоднее,
Ты улыбнёшься, предложишь мне душегрею,
Светлой старухе, мёрзнущей день и ночь.

Артем БОРОНИН
г. Боровичи, Новгородская область

Мне кажется

Мне кажется, я вечно буду жить,
Я вечно буду юношей кудрявым.
Мне чудится, что мёртвые не правы,
И в смертном сне могилу сторожить
Не стану я – я вечно буду жить.
Мне седина явилась для забавы,
И в этом знак, – я в молодости сед,
Что человек, а смертью не замечен,
Что не в могиле чающих я встречу
Тот самый день, когда воскреснут все.

Галина ТАЛАНОВА
Нижний Новгород

* * *

О, как же нынче яблони цвели:
Тяжёлыми, махровыми, цветами,
И ветви наклонялись до земли,
Как будто бы под спелыми плодами.
Но все опали в мае лепестки.
Сухие ветки, будто в белом снеге.
Сжимает сердце от глухой тоски.
Картечью града биты все побеги. –
Уже не встанут.
Дождь и холода.
Из мая сразу переходишь в осень.
И листьями зелёными года
Плывут туда, куда теченьем сносит.
Что будет после,
Если доплывут
С намотанными ниточками тины?

И лист один, оборванный лоскут,
Повис на сетке тонкой паутины.
Смешная жизнь.
Всё рвёшься в небеса,
Но ветер плыть заставил по теченью.
И вязь из строк диктуют голоса,
И птичий щебет держит от паденья.

* * *

Вальяжный август, щедрый на тепло.
Оно пришло, когда уже не ждали,
Хоть день промыт дождями, как стекло:
В потёках мутных спрятаны все дали.
Ещё один недобрый, трудный год,
Но черепицей кроют рядом крышу.
Дом поднимают в серый небосвод,
И хочется, конечно, чтобы выше.
Все покосились дачи-старики,
Все сгорбились от почвы под ногами.
Всё оседает:
Берег у реки,
И чувства, налетевшие цунами.
Всё оседает:
Пыль, пыльца цветов
И даже близких свежие могилы.
И тает эхо милых голосов,
Хотя кричали так, что было силы.
Соседи распрямляют вновь дома.
Но как расправить спину человека,
Когда уже метёт вовсю зима
И сыпет снег чуть больше чем полвека?

* * *

Опять весна
И воздух пахнет снегом,
Что убывает, тая на глазах.
И чувствую себя смешным побегом,
Подснежником, в капели, как в слезах,
Подснежником, что глянул из-под наста,
Впитавшего всю копоть от дорог,
Всю горечь и бессмысленность балласта
Сомнений, обожаний и тревог.
Что смысла в сожалениях о птицах,
Что с юга не вернутся никогда?
Мелькают дни, как в колеснице спицы,
И шелухой от семечек года…
А я всё та же…
Девочка-романтик, хоть с осенью уже мне по пути,
И голубой на блюдце стёрся кантик,
И свет в туннеле брезжит впереди.

Олеся РЬЯНОВА
Арзамас

* * *

Я ничего не принимаю
И ничего не отдаю.
Смотрю на осень и гадаю
По сентябрю, по октябрю.

А хочется дождем пролиться,
Ракитовым кустом дрожать!..
Срываются в забвенье лица.
Не вымолить. Не удержать.

Я листья подожгу. Согрею
В безмолвии застывший сад.
И, кажется, переболею
Безумный этот лицепад.

Земля

Извечная тяга к небу,
И только на горизонте–
Иллюзия соединенья,
Несбыточная взаимность.

Константин ЛОБОВ
Новороссийск

Калипсо

Усни и снизойди, как сон,
к другим, естественна, как прежде:
с надменностью хрустящих волн,
вполоборота к побережью,
другому. Вид издалека,
в сознанье вносит очертанья
другого сна: постель, рука,
все тело: так до узнаванья
запретных мыслей. А пока
ты можешь сниться, ниоткуда
сошедшая и в никуда
отпущенная. Было чудо:
был крик, неотличимый от
сухого крика хищных чаек,
потом ковчег, вернее плот,
и твердь качалась под ногами.

Проваливаясь в никуда,
мы расставались, вспоминая,
как действовать: кругом вода,
как сон, как ты – полуземная.

Александр ПОПОВСКИЙ
с. Красное, Нижегородская область

Бабье лето

Отзвенело веселое лето
В легком кружеве лип и осин.
Пламенеют осенней приметой
Ярко-алые кисти рябин.

Над развилистой речкой лучистой
Дремлет мирное наше жильё.
Бабье лето, в струе серебристой,
Золотое полощет бельё.

За рекой березняк да осины,
Грибниками аукает лес;
И трубит первый клин журавлиный,
Улетая за кромку небес.

А вокруг голубое сиянье!
Словно небо, сойдя с высоты,
Подарила земле на прощанье
Чудный миг неземной красоты.

На земле этой девственно-чистой
Много ль нужно для чуткой души –
Слушать музыку трепетных листьев
В родниковой прозрачной тиши.

Позабыть суету и невзгоды,
Вновь любить и лелеять добро
И смотреть, как на тихие воды
Сыплют звезды свое серебро.

Александр ЛУШИН
Нижний Новгород

Сын

Холодную гнало по Волге волну,
И ветер срывал мою кепку…
Я сына тогда провожал на войну
И руку пожал ему крепко.

Нам свыше такая награда дана –
За прошлое цепко держаться.
Но в мирную дверь постучала война,
И значит – в поход собираться.

Я сам бы защитную форму надел,
Но силы осталось немного.
И сын, что с кавказской войны поседел,
В последнюю вышел дорогу.

Мы знали, что это большая война,
Не жили надеждою зыбкой.
– Вернемся с победой и выпьем вина, –
Сказал сын с обычной улыбкой

И в быстрых мгновениях грозной цепи,
Где каждый стал больше, чем братом,
В застывшей от боли луганской степи
Навечно остался солдатом.

Как мамина горько-солена слеза,
И дети под утро заснули…
Но сын, пока смерти бушует гроза,
В бессменном стоит карауле!

Публицистика

Александр БОБРОВ

Родился в 1944 году на станции Кучино Московской области. Окончил Литературный институт им. М. Горького.

Автор десятков книг стихов, песен, пародий, путевой прозы и публицистики, ряда авторских телепрограмм. Кандидат филологических наук, член редколлегии журнала «Русский Дом», лауреат премии им. Дм. Кедрина «Зодчий» и премии им. А. Фатьянова «Соловьи, соловьи...». Обладатель золотой Пушкинской медали творческих союзов России.

Секретарь правления Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Живет в Москве.

Редакция журнала поздравляет Александра Александровича, известного русского поэта и нашего постоянного автора, с 80-летием и желает ему крепкого здоровья, новых прекрасных стихов и яркой публицистики.

НАБЛЮДЕНИЯ И ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ

...Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.
Александр Пушкин

Свежесть и подлинность

За свою долгую и насыщенную литературную жизнь я прочитал километры стихов – школа, где нас плодотворно заставляли учить наизусть, техникум, где многие росли не узкими технарями, а полюбили литературу, живопись, музыку – оттепель! Потом, конечно, армия, где я читал присылаемые друзьями сборнички стихов в ночных караулах, готовил поэтические композиции для самодеятельности. А дальше – Литинститут, где за неделю напишешь одно стихотворение, а прочитаешь множество строк классиков и современников. Теперь – наоборот: похоже, что только кропают стишки и одного себя миллионы авторов читают – ну, раз поэтических книг не раскупают, а мы – дежурили в магазинах «Москва», а потом прямо – в магазине «Поэзия» (теперь там, на Самотёке, – итальянская пекарня). Море стихов плескалось, но мы в них – купались, учились плавать в этом безбрежном пространстве.

Ну а потом – началась моя полувековая редакторская ответственная работа, я вышел после Литинститута работать в «Литературную Россию» и стал самым молодым заведующим отделом поэзии среди всех многочисленных литературных изданий, а дослужился до главного редактора издательства «Советский писатель» – крупнейшего в мире из-

дательства новинок (500 наименований в год, из них – 200 поэтических сборников, включая переводные!). А ещё – руководство бесчисленными студиями и семинарами, а ещё… В общем, повторяю, море стихов прочитал, порой думаешь: всё – начитался, воспринимать уже нет сил.

И вдруг осенним вечером «ВКонтакте» увидел фото и стихи на ленте одной девушки. Сразу пахнуло свежестью и кольнуло настоящее:

Четыре дня до сентября...
Мою тревогу понимая,
Луна, полнеба серебря,
Стоит печальная, немая.

В леса, которых краше нет,
В леса, уснувшие невинно,
Роняет звезды в тишине
Небес другая половина…

Мне снова в дальние края.
Свиданья час – как он короток!
Спи, чудо-родина моя,
Открытый мною самородок.

Возликовал: новое имя! – и вдруг подпись: Ольга Фокина… Не знал этого стихотворения, думал, зрелые строки незнакомке принадлежат. Написал ей полуразочарованно: «Алёна, я сначала подумал, что это Ваше. Обрадовался: поэтессу открыл – Новгородову! А это – Ольга Александровна...

Но всё равно – хорошо и вовремя. Спасибо!»

Так у меня открылся год, в котором Ольги Александровны не стало. Она ушла в осенние северные дали – прекрасный русский поэт, мастер самобытного слова, светлая женщина... Нет, наверное, такого советского человека, который не знал бы её лирических строк:

Песни у людей разные,
А моя одна на века.
Звездочка моя ясная,
Как ты от меня далека…

Но и дальние звёзды – светят.

Моё чутьё устарело?

Вообще-то у меня острое обоняние, и описывать запахи я старался учиться у самого Бунина – чувственного мужчины. А в частушке (многие знают) не стеснялся физиологических подробностей. Но пребываю в ступоре от одного стихотворения.

Да, иногда возвращаюсь к заметкам о стихах и поэтах. Ещё Николай Старшинов начал публиковать в своём альманахе «Поэзия» мои «Золотые точки» – о блестящих строках, об искрах чувства и мастерства. Названия я взял из потрясающих строк Сергея Маркова:

Только я заметил у любимой
Золотые точки возле губ.

Как это здорово – и нежно, и сексуально! Мне Николай Константинович говорит: «Ну, ты и критических заметок добавь». Тогда я придумал

ещё название – «Болевые точки». В них критиковал и ехидничал. Но сегодня такое встречаешь, что и названия не подберёшь…

Мой однокашник по Литинституту из семинара Льва Ошанина – Вячеслав Киктенко в Татьянин день выложил стихи:

Это запомнилось дело.
В благовонье салонной тоски
Женщиной вдруг засмердело.
Ощерились мужики.

Я аж поперхнулся и дальше чего-то по инерции читал:

Кто она, шедшая залом,
Скромная, аж истемна?
Женщин-то в зале – навалом,
Женщиной пахла – одна.

По-моему, ужасно!

Ну да, теперь уж никто не напишет, как Блок про проститутку: «Дыша духами и туманами», но «засмердело женщиной»! Я содрогнулся, когда прочитал, как будто мимо помойки прошёл или раздавленной кошки. По Далю смердеть или смрадить – вонять, испускать смрад, зловоние, отвратительный, вонючий запах. И другой оттенок есть, тот же Даль поговорку приводит: «Труп смердит, душа парит!»

А в этих мнимо жизненных стихах ничего не парит!

Прости, друг Слава…

Лясковская и Осеньсон

Фейсбук американского долларового миллиардера Марка Цукерберга был всё более популярен среди авторов, там тысячи красовались-публиковались. Когда он накрылся, многие цеплялись за программы доступа в ФБ, а я сразу плюнул и ушел «ВКонтакте». Тем более что заметил, как ФБ оказывал всё более вредоносное действие на людей вообще и на поэтов в частности – развивались нарциссизм и нетерпимость: публикуй чего хочешь, получай комплименты и ни капли критики, даже от виртуальных «друзей».

Помню, Наталья Лясковская опубликовала в честь наступившей весны осенние стихи, которые начинаются так:

елене ефимовой
лена спит осень сон навевает сад просвистан ветрищем до дыр
почему-то всегда так бывает чуть уснёшь и разрушится мир…

Ну, сразу, натурально, пошли отклики: «Очень хорошо, плавно-песенно». «Потрясающе, гениально!» Я отметил яркость стихов, но робко заметил: «Первая строка – не гениально, не понятно. Осеньсон похоже на фамилию…» Ей-богу, вот так у меня первая строка без знаков препинания и заглавных букв и читалась: мол, Лена спит, а Осеньсон – навевает.

О, тут я огрёб за осторожное замечание по полной! «Хорошие стихи всегда тревожат, особенно демонов 😊 Кевларовой стойкости, Наташа!..»

Что такое «кевларовая стойкость», я не знаю, но демон, конечно, – это я. «Если есть какие-то такого рода соображения – лучше писать в личку...» и «ОСЕНЬСОН никак фамилией быть не может, не надо придирок...» В дофейсбучные времена сам факт публикации стихов позволял в русском поэтическом пространстве честно судить о них – не только в личке, но даже в печати. Сегодня уже не так?

Наталья тоже вскинулась: «Да меня, если честно, совершенно не волнует, что обо мне Бобров думает. Я частушек не пишу. И я не барышня в его литобъединении. И в советское время мне было начхать, кто там что думает о моих стихах, а сейчас и подавно)) а уж что там членши литобъединения подумают – и вовсе глубоко фиолетово». Лясковская окончила Литературный институт в 1986 году, когда всё начало тонуть в море гласности. Так что правок идейных, конечно, не знала, но она и редакторских, как видно, не приемлет. Мне это тоже глубоко фиолетово. Тем более упрёк в сочинении частушек я не принимаю: их гениально слагает народ, и уж там-то такой первой строки-невнятицы не сыщешь. Но высокодуховная, такая вся православная Наталья вовсю раздухарилась: «А не фиг тут прохвессора включать)) у меня тут все равны». Ну нет – не все. Есть уникальные экземпляры – ровнее. Вот что написал Зэев Фрайман: «Бобров, не завидуйте никому, ни Фрайману, ни Осеньсону. Завидуйте Наталье и регулярно посещайте психолога, как доктор и велел».

Убежал, чтоб не завидовать, с этой «дружеской» страницы, пока и впрямь Цукерберг с Фрайманом до психолога не довели… Ну, а вскоре и ФБ отрубили.

Горсть избранных

Встретил на стене поклонников весьма характерное стихотворение Бориса Чичибабина, который был высочайшего мнения о себе. Начинается оно так:

Между печалью и ничем
мы выбрали печаль.
И спросит кто-нибудь «зачем?»,
а кто-то скажет «жаль».

И то ли чернь, а то ли знать,
смеясь, махнет рукой.
А нам не время объяснять
и думать про покой.

Нас в мире горсть на сотни лет,
на тысячу земель,
и в нас не меркнет горний свет,
не сякнет Божий хмель…

На этом прямом признании в избранности «выбравших печаль» – прерву цитирование. Написано сие было 45 лет назад, когда Михаил Лобанов, Вадим Кожинов, Юрий Селезнёв начали призывать к соборности и народности, возвеличивая тех поэтов, кто сделал сознательный выбор: оставаться с народом и в радости, и в печали. Это – не тот случай.

Мемориальная доска вроде бы гонимому и пострадавшему от властей поэту Чичибабину находится в центре Харькова, на самом престижном и элитном по тем временам сталинском доме… Характерно.

Уж прямо всё?

Есть такой молодой и обласканный с юности поэт, секретарь Союза писателей России – Василий Попов. Однажды я пришёл в Гостиный двор на фестиваль русского искусства, где поэзию представлял Попов. Он вышел уверенно, в бабочке и начал читать:

Да, я знаю, Россия, всё плохо,
Но я верю, что это судьба.
До последнего нашего вздоха
Будет длиться святая борьба…

Борьба плохого с очень плохим? Вообще для чего это нагнетание с первой строки? А вот для чего:

Но не меч мы готовим для битвы,
Не ружьё заряжаем свинцом,
Мы читаем Иисусу молитвы,
Осеняя дорогу крестом.

Через некоторое время грянула военная операция на Украине, и оказалось, что мечи и «Кинжалы» надо было тоже для битвы готовить получше. И ружьё свинцом – заряжать по полной! Ну, а дорогу крестить, особенно разбитую, к переднему краю – никому не возбраняется.

Ущербный гимн

Когда тучи сгущались, а Украина заходилась в приливах патриотизма с беспрерывным исполнением бездарного, поспешно слепленного гимна, киевлянка по рождению Юнна Мориц написала стихотворение «Мы со смертью не играем»:

«Щэ нэ вмэрла Украина», «Ещэ Польска не сгинела»,
Но Россия петь не будет «Я ещё не умерла!»
Эта разница – такого необъятного размера,
Как небесная улыбка лучезарного тепла!

Эта разница бездонна, эта разница интимна,
Тайна гимна так взаимна, что влияет на судьбу, –
У России быть не может никогда такого гимна
«Не дала ещё я дуба», «Не лежу ещё в гробу»…

Гимн – плохой, несуразный, не на века, написан был экспромтом не для огромной и разноплеменной Украины, а для малой части и кучки украинизаторов. Наверное, после возлияний. Осенью 1862 года украинский этнограф, фольклорист и поэт Павел Чубинский написал впопыхах стихотворение «Ще не вмерла Україна», ставшее вдруг впоследствии национальным, а затем и государственным гимном украинского

государства. Впервые стихотворение Чубинского было опубликовано во львовском журнале «Мета» («Цель»), № 4 за 1863 год. Композитор и священник Михаил Вербицкий, вдохновлённый этим стихотворением, написал музыку к стихам и впервые сам исполнил композицию в зале духовной семинарии в городе Перемышле (тогда Прёмзеле, вовсе не украинском).

В 1939 году, после «Мюнхенского сговора», именно «Ще не вмерла України…» был смехотворно утверждён гимном Карпатской Украины на… один день. Вот уж и впрямь гимн-однодневка, который потребовался потом незалежникам. После предательства Горбачева и всей партийной верхушки с крушением СССР 15 января 1992 года вдруг всплыла вторичная музыкальная редакция Вербицкого и была поспешно утверждена Верховной Радой, что нашло своё отражение в Конституции Украины. Однако только 6 марта 2003 года Верховная Рада Украины приняла закон «О государственном гимне Украины», предложенный бывшим секретарём парткома Леонидом Кучмой.

В заключение подвожу итог: лживый смысл, низкое качество текста, сомнительные художественные достоинства гимна «Ще не вмерла…» – в полной мере отражают судьбу искусственно созданной, пёстрой, но почему-то унитарной Украины, которая нагло приватизирована свидомыми, вдохновенно поющими этот ущербный гимн. В конце 90-х годов я написал пророческие строки в сатирическом цикле «Украинские придумки:

С годами стала всем ясна
Губительность такого перла:
Не может процветать страна
С началом гимна «Ще не вмерла»…

Жизнь подтвердила, разрушительно и кроваво подтвердила: не может!

Исписавшийся и ищущий

Лидер группы «ДДТ» Юрий Шевчук после начала СВО вступил в ряды «нетвойнистов» и ещё в апреле 2023 года выпустил песню «Похороны войны», которую немедленно подняли на дырявый щит все либералы-иноагенты, а какой-то британский «демократический» фонд включил эту композицию в топ-5 «лучших российских антивоенных песен». А какие остальные четыре – наверное, какие-нибудь «Я научу тебя, сука, родину любить» Земфиры?

Но главное – песня-то какова? Беспомощная, вялая банальность почему-то с уголовным жаргоном: «Не плачь, не бойся, не проси».

Когда в твой дом пришла беда –
Не плачь, не бойся, не проси.
Моя полночная звезда,
Больному миру посвети
Туда, где всё погребено
Под ядом страха и тоски,
Разлей друзьям своим вино,
Рассыпь надежды лепестки.

Тьфу! Что это за конфетная красивость: «Рассыпь надежды лепестки», – с открытки старой девы. Как не совестно петь такую пошлость!

Сам же Шевчук пытается выступать и за неимением площадок в России, похоже, клюёт на любые поступающие приглашения. Не так давно бывший мастер стал «звездой» проходившего в Казахстане фестиваля Family Rock Fest. Ведущим шоу был Иван Ургант.

* * *

А вот Святослав Вакарчук – фигура более сложная. Один из самых известных музыкантов на Украине ринулся в политику (кстати, новый министр обороны Украины – не служивший в армии крымский татарин – входил в его фракцию). Но сейчас он занимается больше музыкой и, в отличие от Шевчука… поддерживает свою армию! Солист-националист ищет .

Не так давно Вакарчук, тоже в апреле, презентовал свой новый клип на песню «Не твоя війна» («Не твоя война»). Украинский слушатель двояко оценил данное произведение, написанное ярко и с болью. Одни восхищаются новой работой Святослава и талантливым исполнением песни, а другие начали искать двойное дно, стали читать между строк. Само название – «Не твоя війна» – уже насторожило многих… Особенной критике подвергли ключевую фразу: «Мама, кому ж ми молилися?» («Мама, кому ж мы молились?»). Ее перекрутили в высказываниях на сайтах, в соцсетях, в СМИ и на кухнях. Вот типичная статья: «В тексте песни “Не твоя война” Святослава Вакарчука присутствуют слова “не на тех мы молились”, речь идет видимо о разочаровании в персоналиях, которые пришли к власти». Примитивное хуторское толкование – смысл глубже разочарования в Зеле или Ермаке:

Ветки калин наклонились.
Мама, не тем мы молились!
Сколько еще заберет она
Твоих детей – не твоя война?..

Понятная позиция типичного сына Львова-Лемберга, входившего то туда, то сюда, служившего и Габсбургам, и Бандере, и советской власти и подмявшего ментально под себя всю Украину, – да сил, идей и молитв – нету!

Было когда-то
Всем хорошо.
Жил без напряга,
Шел себе, шел.
Только без цели,
Все как-нибудь.
Я не могу так,
А ты? Где твой путь?!

Да, Украина не знает своего пути. Она придумала путь на Запад, где её никто не ждёт, не любит, не воспринимает. И отрезала путь в Россию, с которой жила без напряга и очень хорошо. Надолго или навсегда? Такие ответы не в песнях ищут.

Но согласитесь: две эти песни – небо и земля!

Композитор – в себе?

Может быть, молодые да рьяные творцы не знают, но есть понятие: авторское право. Тут Никита Михалков в своём «Бесогоне» начал возмущаться, что дизайнеры нарисовали собор Василия Блаженного без крестов: «А как же авторские права Бармы и Постника, которые создавали шедевр с крестами?!» – восклицал режиссёр.

Да какой там XVI век? – тут в XXI-м творят с ушедшими что хотят...

Фонд Виктора Бокова проводил Международную культурологическую научно-практическую конференцию «Русских слов душа» – в Союзе писателей России. Преподаватель Московского государственного института им. А. Г. Шнитке Эльвира Луганская неожиданно подняла злободневную и немыслимую прежде тему: можно ли изменять слова, а то и строки в песенных стихах поэтов, если композитор или исполнитель чувствует, что они устарели, стали непонятными по содержанию или лексике. Ей, конечно, сразу возразили, что, во-первых, есть элементарное авторское право, а во-вторых, субъективная воля очередного интерпретатора не может определять достоинства и степень архаичности оригинальных стихов.

Как иллюстрацию привели вопиющий пример из творчества того же Виктора Бокова, который написал хрестоматийное стихотворение «Откуда начинается Россия». Концовка:

Отсюда все дела ее большие,
Ее неповторимая судьба.
И если ты причастен к ней –
Россия
Не с гор берет начало, а с тебя!

Молодой композитор из Иванова Пётр Корягин решил «улучшить» замечательного поэта, нагородил чего-то в заключительной строфе, и теперь концовка звучит так:

…Россия начинается… в тебе (?).

Все присутствующие, конечно, возмутились корявым искажением не просто антологических стихов, а – самого смысла, авторского подхода. Оборот – просто отвратительный, не поэтический, не духовный, а – глупый: ведь «Россия начинается с тебя» – значит, что ты осознаёшь свою причастность к великому, бесконечному и заслужил такое! А «в тебе» – значит, просто начинается, как в организме (ещё и не в каждом!), а потом может в тебе же и закончиться. Так?

Осудили и забыли. И вдруг в «Литературной газете» 26 октября эта ужасная отсебятина вынесена в заголовок! «Россия начинается в тебе» – так названа заметка Лидии Ордынской о новом проекте, который превозносится до небес. Центральной частью проекта, поддержанного Президентским фондом культурных инициатив, станет показ русского историко-героического действа «Рожденные Россией». Там вообще выстраивается странный ряд имён: «В канве сюжета сплелись музыка (без имён. – *А. Б.*) Глинки, Бородина, Рахманинова, Прокофьева, Свиридова, Щедрина… (и – с именами. – *А. Б.*) Сергея Екимова, Лоры Квинт, Петра Корягина с текстами (без имён) Гоголя, Есенина, Булгакова,

а также авторов конца XX–XXI столетий – (с именами) Виктора Бокова, Карины Филипповой, Дмитрия Гольдберга, Николая Денисова.

Конечно, неведомый мне Николай Денисов или Дмитрий Гольдберг из Хайфы могут быть причислены к авторам «конца XX–XXI столетий», но Боков, который родился в 1914 году начала Первой мировой войны, а самые знаменитые свои песни написал в разгар XX века (например, в 1957 году – «На побывку едет…» и в 1959-м – «Оренбургский пуховый платок») – к таковым невозможно отнести. Кстати, изуродованное стихотворение «Откуда начинается Россия» Виктор Фёдорович написал в 1962 году – это был период оттепели, лирической дерзости, когда можно стало делать именно такие признания: Россия начинается не с партии, не с фанфар, а с тебя, если ты этого достоин.

Строка-камертон

Частая ошибка у поэтов, даже мастеровитых и подлинных, каким был мой друг Геннадий Фролов (1947–2021). Вот как он начинает лирическое и пророческое стихотворение:

Не заплачу и не затоскую
Оттого, что я умер уже.
Я тебя ни к кому не ревную,
Ни к единой на свете душе.

Первая строка – не задаёт твёрдого размера… Начинаешь читать, как есенинский стих: не жалею, не зову, не плачу… А оказывается, он хотел, чтоб мы читали: «не запла́чу и не́ затоскую», с ударением, зовущим к анапесту. В нём-то стихи уже звучали, а читателю нужна для начала строка-камертон!

То же относится отчасти и к сильному стихотворению Олега Рябова «Дмитриевская суббота». Вот начало:

Трудно высказать словами, на сердце забота:
Снова Дмитриевская страшная суббота.
Плачет небо, в храмах слёзы – поминальный день:
Он торчит больной занозой, надо порадеть.

Потом разворачивается пронзительное стихотворение. Но – та же частая ошибка в первой строке: она ж должна задавать тон сразу, а тут разночтение с ударением – на се́рдце кто-то прочтёт, а у Олега по-русски: на́ сердце. Но сегодня-то русских всё меньше. Да и русский может спотыкнуться.

Даже такой мастер, как замечательный лирик Владимир Соколов, не избежал такого разночтения:

Благословенно лето,
Благословенно в целом.
Летом весна и осень
Заняты общим делом.

Но ведь не все врубаются сразу в ритм автора: «Бла́гословенно лето, Бла́гословенно в целом…» Большинство прочтёт с нормальным ударением:

Благослове́нно лето,
Благослове́нно в целом.

Ожидая естественного продолжения какого-нибудь:

Когда весна и осень
Займутся общим делом.

Надо помнить, что единицей ритма в нашей поэзии является не слоги, не строка, а СТРОФА! Первая строка задаёт размер, вторая – подхватывает, а третья – окончательно подтверждает: да, такой размер, такая интонация.

Справедливый упрёк

Военный корреспондент Александр Коц застыдил певца Сергея Жукова за одно слово в песне о солдате. Хит известный, ему уже почти тридцать лет. «Серёга, ты сам чуешь?» – спросил журналист.

Речь идёт о песне «Крошка моя». Она появилась в середине 90-х. Все срочники огромной России прониклись простыми словами и незатейливым мотивом. Жуков (тогда ещё в составе группы «Руки вверх») пел о том, как солдат ждёт письма от своей возлюбленной, а она не шлёт ни строчки. И каждый боится, что девушка не дождалась. Такое случалось нередко. Но ребята верили, что у них будет иначе и заветный конверт вот-вот дойдёт.

Вот, вот девчонки, так всегда
Ждёт солдат от вас письма,
А дойдёт – сто раз перечитает,

– так пел Жуков.

Александр Коц в своём telegram-канале отметил, что суровая правда армейской жизни оставалась актуальной десятилетиями. Военкор назвал песню «нетленкой о нас, простых солдатах, и о наших крошках». Только вот на одном из «Голубых огоньков» Жуков изменил слово – всего одно, за что его и застыдил автор поста: «Серёга, в угоду какой конъюнктуре ты убрал из песни солдата, заменив его на пацана? Ты сам не чуешь этот диссонанс? “Ждёт пацан от вас письма, а дойдёт – сто раз перечитает”. Какая религия тебе вдруг не позволила привычно спеть про страдания солдата, а не какого-то абстрактного пацана? Та же, что не позволяла людям в военной форме зайти в твой бар в Краснодаре? Стыдно, Сергей, стыдно», – написал возмущённый журналист – младший сержант Коц, дембель-98.

Согласен!

Свои – все гениальны

Евгения Коробкова из «Комсомолки» – участник всех фестивалей и руководитель всех семинаров написала свои впечатления от совещания молодых в том же ФБ: «Завершает вечер поэт из Петербурга Наталья Филимонова. Жалко, что оставили напоследок, потому что автор сыро пишет и получилось, что всех похвалили, а Наталью поругали. Об удачах

целых стихотворений говорить не приходится, но есть некоторые прекрасные фразы вроде «дождеточащего неба» и «пустоты небесной гардеробной». Приводит стихотворение, не понял: как сырое?

НА ВОКЗАЛЕ

От вокзала до вокзала
Два подземных перехода…
Как же сильно нас связала
Та дождливая погода,
То начало без надежды,
Тот конец без ожиданья…
Прячу сердце под одеждой.
Плачет небо на прощанье.

По-моему хорошо, тонко и с настроением. Но откликнулся самоуверенный прозаик и эссеист Денис Драгунский (герой «Денискиных рассказов» генерала Виктора Драгунского):

Denis Dragunsky
Вдруг вспомнилось:

* * *

На вокзале, на вокзале,
Зайцы волка провожали.
Были речи и букеты,
Были песни и конфеты,
И сказал какой-то зай:
«Милый! Милый! Уезжай!»
(с) Эмма Мошковская.

Я не удержался и оставил реплику:
Александр Бобров
К чему Мошковскую приплёл? Драгунский умудрился испортить впечатление от тонкого стихотворения. Редкая способность...

Но как могла Коробкова тут же не защитить своего брата-либерала?
Evgeniya Korobkova
Стихотворение – унылая вторичность. Денис Викторович – гений

Попробуй тут поспорь! – горло перегрызут…

Раскалыватель

Вдали от России в 1944 году Николай Туроверов написал стихотворение «Товарищ». В нем он изобразил минувшие страшные дни «бессмысленного зла», когда пострадала «братская любовь». Хотя советскую страну и поколения объединил тогда, в году моего рождения, общий порыв к Победе.

С тобой, мой враг, под кличкою «товарищ»,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?

Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.

Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за отчизну умереть?

Не понял совершенно. Казацкий поэт боится, что они столкнутся где-нибудь в городе освобождённой Европы и падут в непонятной битве? Ну, уцелевший и пожилой товарищ (без всякой клички!) в 1944 году (а может, его сын) шёл уже по Европе к Победе, пусть не в боевых порядках, но в тылу и на трудовом поприще, заменив фронтовиков. А какой вклад уцелевшего Туроверова в битве с фашизмом? Он же продолжал в стихах раскалывать страну!

Но у довольно-таки среднего и однотонного поэта Туроверова – очень много поклонников из монархистов, «белых казаков», отвалившихся и оставшихся.

Жалко талант

Помню, в «Литературной России» я с радостью публиковал молодую поэтессу из Астрахани – Клавдию Холодову. Яркие были стихи. Клавдия стремительно набирала высоту, но ушла из жизни в 33 года. Тут вспомнили её в юбилей, опубликовали стихи.

* * *

Стога. Стога – насколько хватит взгляда,
Стога вздыхают запахами ягод.
В них много дней. В них сотен зорь роса…
Я слышу их сухие голоса.

Какой эпитет! – сухие голоса. Замечательно…

Надежда и рифмованная мерзость

Сергей Шаргунов с радостью сообщил, что Ассоциация союзов писателей и издателей России запускает большой проект, главная задача которого – максимально поддержать юные таланты. Проект называется «Мир литературы», состоит из двух мероприятий, на которые уже сейчас объявлен конкурс: Всероссийская мастерская для молодых авторов в Москве (выйдут книги участников) и программа для подростков в Артеке (выйдет сборник, появятся публикации в литературных журналах, включая «Юность»).

Но с молодыми сегодня все активно работают, получают гранты, демонстрируют странные таланты. Например, в Красноярске в рамках ярмарки брата и сестры Прохоровых – КРЯКК прошел Всероссийский слэм. Сам тогдашний губернатор Александр Усс предварял прохоровщину высокими словами: «Дорогие друзья! Красноярская ярмарка книжной культуры давно стала неотъемлемой частью интеллектуальной

жизни нашего края. Пятнадцатая по счёту, она вновь собрала на сибирской земле талантливых издателей, писателей и журналистов, деятелей искусства». Ну, интеллект так и хлестал!

Поэты в большинстве своем унылы.
Поэты в большинстве своем козлы.
А поэтессы – страшные кобылы,
а если и красивы – очень злы,

Так острил стихотворец Артур Матвеев, а Евгения Коробкова тащила эту мерзость на страницы многотиражной КП. И сама демонстрировала вкусы:

Открытием вечера лично для меня стала известная поэтесса Света Литвак. Рискну сказать, что Света была самой возрастной участницей, не уступившей по энергетике молодым. Света не идет по общим путям и в данном случае не стала соревноваться ни в травме, ни в политике, а вместо этого знатно постебалась над трендами слэма, исполнив травматичный шансон:

Непутевый отец торговал героином.
Непутевая мать торговала собой.
Их господь наградил эпилептиком сыном,
Дочкой, от рождения глухонемой.

Так нагнетает, что не плакать, а веселиться хочется! «Ка-ка-ка», – как ядовито смеялся один из героев Шукшина. Но «Комсомолке» эта мерзость под видом поэзии – нравится…

Да, не Дюма…

Как известно, многие литераторы, даже лирики сочетают стихотворство с рутинной журналистской работой. В Центральном доме литераторов проводится немало поэтических вечеров, в том числе и таких молодых. И вот как отозвалась на вечер надежд журналистка:

Очень классное выступление Кати Капович в ЦДЛ. Автор читала стихи из книги «Город неба». И хорошо, и просто, и такое ощущение, что про меня, про меня, про меня.

* * *

Я работала год за гроши
у одной местной жопы в газете.
Эта жопа писала статьи –
смесь лирических вздохов и сплетен.
Кто бы знал, из какого дерьма
вырастают объекты искусства.
И хоть жопа была не Дюма,
но строчила не менее густо.

Так Капович-то, как я понял, не про себя пишет – про «местную жопу», которая была не Дюма, но ведь и Капович – не Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи…» Все трое друг друга стоят!

Понятно, что Анна Андреевна – не в счёт.

Живая и мёртвая поэзия

В сказках есть живая и мёртвая вода – метафора вечной природы, её вод, рассекающих снега, а потом стягивающих и оживляющих весеннюю землю. То же явление существует и в Поэзии. На рубеже 2022 года многие издания подводили итоги. Лауреатом-2021 по версии «НГ-EL» в номинация «Поэзия» стал Владимир Герцик с книгой «Инструкции для правого полушария. Стихи, статьи, манифесты» (М.: Новый Хронограф). Глянул, начал с полуманифеста. Герцик:

Я ученик и последователь Велемира Хлебникова. Поэтому для меня в стихах первичен не смысл, а звук. Смысл лишь один из инструментов оркестра, исполняющего синтетическую музыку стиха. Иногда можно обходиться и вовсе без него. Для восприятия этих стихов необходимо прочесть и полюбить Хлебникова, который сделал для поэзии 20-го и 21-го века прорыв, сравнимый с прорывом, который сделал Пушкин для 19-го. Без такого опыта читать мои стихи не следует, вы не найдете в них нужного вам смысла (а если все же найдете, могу вас поздравить, вы весьма умны). Я делю поэзию на два жанра: первый – собственно стихи, в этом жанре, хорошо ли, плохо ли, я пытаюсь работать, второй – писание стихами (о чем угодно, значения не имеет), интереса для меня не представляет. Стихи не бывают «о чем», они сами «что» (см. раздел «КРЕДО. Статьи»).

После Серебряного века поэзия в России почти пресеклась, большевики ее задушили и последствия тянутся до сих пор, особенно благодаря нашествию западного вида большевизма – постмодернизма. Учась писать, я, моя жена и поэты, ставшие моими друзьями, полностью игнорировали советскую поэзию и ее наследников, желая продолжать с того места, где русская поэзия была еще жива.

Вот – типичный пример стихов, которые якобы сами «что»:

Раскрась опять картинку-даль
И времени хлопок,
Когда в косое никогда
Провиснешь как творог.

Я потерял свою печаль
И не нашел пролом.
И где был дом, там будет дом,
И там, где гибель, дом.

И будто пепел, будто бес
Перенесет меня
В пересечение колес
Обратного огня.

Прикосновение горы,
Летучий водоем.
И выпекали тишину
Кузнечики цикад.

Мне просто неинтересно разгадывать эту головоломку, искать смысл, за что, конечно, поклонники Герцика обвинят меня в недостатке ума. Ведь подлинные литературные либералы считают дураками всех, у кого иное мнение или мировосприятие.

Пока не дошли

Хочется процитировать боевые стихи замечательного русского поэта из Киева (сегодня бы со свету сжили!) Николая Ушакова.

ХАРЬКОВ

Харьков слышит гул родных орудий.
Гул всё громче. Звук разрыва сух.
Превратились в слух дома и люди,
и деревья превратились в слух.

«Ждём», – как будто говорит Сумская.
«Ждём», – соседний произносит сад.
Головы всё ниже опуская,
на балконах мёртвые висят...

– Ждём,– живые повторяют люди.
Пепельною ночью, сизым днём
Харьков слышит гул родных орудий,
мужественный голос: «Мы идём!»

За противотанковыми рвами,
за скрещением дорог
вдали
Харьков вырастает перед нами.
Мы идём,
мы входим,
мы вошли.

1943

А мы – пока не вошли.

Новая китоврасица

Мне, как, наверное, многим русским литераторам, пришло информационное письмо (не сказать приглашение) из любимого и не раз воспетого Владимира от пресс-службы книжного фестиваля «Китоврас». Название – странноватое. Китоврас – славянское мифическое создание, которое встречается в древнерусских апокрифах – сочинениях на библейскую тему, отвергаемых традиционной церковью. Название существа, вероятно, происходит от греческого κένταυρος – «кентавр». Почему-то именно это причудливое создание – получеловек-полуконь – дало название Владимирскому книжному фестивалю.

Но что меня сразу удивило? – разрыв, игнорирование традиции! Что такое Владимирская земля и владимирская литература для всякого русского книголюба? – это прежде всего «Владимирские просёлки» Солоухина и «Матрёнин двор» Солженицына – прорыв в литературе оттепели, это поэзия и песни Фатьянова и лирическая проза его друга Никитина. Всех их официально, конечно, чтят по советскому почину – праздники в Алепине и Вязниках, дома-музеи, мемориальные доски. А как с творческой памятью и традициями народничества, подвижни-

чества, воспевания малой родины? Ой, не смешите в век интернета и официозного паркета! Было да прошло.

Приветствие фестивалю написал аж врио заместителя губернатора Владимирской области А. Куимов, который твёрдо убеждён, что «Фестиваль важен для молодых людей, для детей, для развития традиций семейного чтения». Но не всех гостей, г-н Куимов. Сядут семьёй читать новую книжку почётной гостьи Ксении Буржской «Шлюзы» и наткнутся на такие строки (стихи ли?):

> почему ты мне не хочешь принадлежать. и со мной водиться?
> человек так слаб, а соблазн как всегда велик.
> человек вообще мудак и не моногамен.
> есть такая дурная привычка ее любить – путаться под ногами.

(Знаки препинания – автора.)

Ну, мудак не мудак, а нормальный человек знает, что зимой карась зарывается в ил, порой вмерзает даже, но у Буржской он ловится и зимой, потому что она сама готова стать такой рыбой: «Этой зимой я хотела быть карасем, из которого выдирают снасть». Бр-р… Не читайте ребёнку, который даже крючок старается вытащить из губы карася осторожно.

А тут ещё новый повод для недоумения. Впервые в пресловутом Екатеринбурге тоже прошла книжная тусовка под громким названием «Красная строка». Директор международного книжного фестиваля «Красная строка» – Евгений Горенбург – врач, музыкант, предприниматель, создатель и лидер рок-группы «Топ», организатор и директор ежегодного рок-фестиваля «Старый Новый Рок». Ну, кто лучше такого директора знает литературный и книгоиздательский процесс в России? Среди указанных чётко партнеров нет, как положено, ни Свердловского отделения Союза писателей России, ни даже такой разрекламированной организации, как Ассоциация писателей Урала, Сибири и Поволжья. Но среди почётных гостей – не поверите, упомянутая Ксения Буржская, которая просто переехала сюда с «Китовраса». Я и не знал, что это теперь – незаменимая «звезда поэзии». Владимирцы и екатеринбуржцы, не обманывайтесь!

Песня – взлёт!

Вспомнил этим летом в Вязниках, в каком-то занюханном мотеле среди грузовиков, как 30 лет назад, летом 1993 года, приехал со съемочной группой «Русского дома» и начал телевизионную. публицистическую и поэтическую летопись праздника поэзии и песни Алексея Фатьянова. И Нижегородское телевидение всегда с Сергеем Чуяновым приезжало. Где это теперь?

Помню, как снимал, пропагандировал Володю Кострова на валах Ярополча, который читал под шумящими берёзами «Оду русскому простору», Виктора Темнова с баяном на завалинке и Геннадия Георгиева с их замечательной песней «Авось», пропавшего куда-то Витю Верстакова с гитарой на аллее Героев, а их у маленьких Вязников – 26! Всех авторов, программ и сюжетов не перечислить… Да и у самого столько всего написано и опубликовано о фатьяновских стёжках-дорожках, что цитируется порой без упоминания моего имени. Или в неожиданном контексте.

Станислав Минаков из Белгорода, например, написал в статье правильно о том, что Фатьянов ворвался на первом танке в венгерский город Секешфехервар, но почему-то приписал ему моё стихотворение, написанное в Вязниках 16 лет назад.

В том полыхавшем мире
Знал наступавший мужчина:
Танк Т-34 –
Лучшая в мире машина.

Много праздников разных,
Но этот – особого сорта.
34-й праздник –
Наша «тридцатьчетвёрка».

А зачем бы Алексею Ивановичу писать о каком-то 34-м празднике? Ну брали мы венгерские города не в первый раз, но чтоб 34 раза…

В дороге на родину Фатьянова говорили в медленном автобусе с коллегами о великом и уже неповторимом достижении – массовой советской песне, унаследовавшей и продвинувшей всё лучшее, что было в мелодике и образности русского фольклора (Мокроусов и Соловьёв-Седой), еврейского фольклора (Блантер и Фельцман), мировой эстрады, американизированной песни (Дунаевский) и создавшей немеркнущие шедевры не только в песенной поэзии, но и в выразительной музыке. Этого же сегодня – почти нет.

Геннадий Иванов заметил: может, период такой был, как выдаётся урожайный год, а Вера Кобзарь с многострадальный Белгородчины добавила: «Ну, и подъем духа был: победа в такой войне!» Но я возразил: песни и после сочинялись замечательные: Островский, Фрадкин, Петров, из национальных – Паулс или Лученок. Нет, была культурная политика государства, было музыкальное и песенное образование, ещё – художественный строгий отбор и великий кинематограф. Ведь многие песни из фильмов – той же «Весны на Заречной улицы» – улетали в народ с экрана. Или помню, как в программе «С добрым утром» прозвучали «Журавли» Гамзатова – Френкеля, и друг с одного раза запомнил, наиграл мне на гитаре. Всего перечисленного – в условиях дикого рынка и духовного обнищания – почти не осталось.

Песня – и госполитика, и загадка, и музыкально-поэтический взлёт, а не просто концертно-медийный товар!

Поэты у бойницы

В мрачную предзимнюю пору яркий 14-й фестиваль «Русский смех» в Кстове на Волге иронично и промыслительно совпал с 9-м Международным культурным форумом в Санкт-Петербурге на Неве. А в чём ирония? – может удивиться непосвящённый читатель. А в том, что устроители питерского пышного мероприятия так описывают его цели. «В новом, стремительно меняющемся мире, это событие станет площадкой для обсуждения самых актуальных мировоззренческих вопросов, а также местом, где рождаются новые идеи и проекты». Люди добрые, вы можете себе представить, чтобы в России – стране Слова – какие-то мировоззренческие вопросы и новые идеи рождались ВНЕ и без всякого участия литературы? Наша философия и педагогическая

мысль, наша национальная идея и журналистика – ВСЁ вышло из литературы! Но тут – умудрились обойтись без литературы и писателей как таковых. Писателем собрались сделать из одного только Владимира Путина, спросили, какую книгу бы он написал и как её назвал?

Вспомнили косвенно и про Пушкина с его «Медным всадником».

– Как бы вы хотели поступить с окном, которое прорубил в Европу Петр I? – спросила президента австрийская балерина Приска Цайзель, которую приютил в Мариинском театре сам Кехман. – Закрыть совсем или открыть?

– Казалось бы, когда дует, можно было бы и прикрыть, чтобы не простудиться (бурные аплодисменты зала).

И я вспомнил, что в альманахе «Русский смех-23» владимирский поэт с лихой фамилией – Вадим Забабашкин написал, конечно, не про тех, кто заседает в Питере:

ОКНО ПЕТРА

Старо преданье, а не врёт
(ну, разве что совсем немножко)
Про то, как царь, который Пётр,
В Европу прорубил окошко.

Теперь мы знаем – что почём,
И, распрощавшись с заграницей,
Окно заложим кирпичом,
Оставив место для бойницы!

Ну, к бойнице встанут, конечно, не Швыдкой с Хабенским, а как обычно – не приглашённые на форум русские писатели.

Вехи памяти

Михаил ЧИЖОВ

Родился в 1946 году в Горьком. Окончил политехнический институт. Член Союза писателей России. Автор нескольких сборников прозы и публицистики. Биографическое исследование «Константин Леонтьев» получило «Серебряного Витязя» на VII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» 2016 года и вошло в шорт-лист Бунинской премии. Дважды лауреат премии «Болдинская осень», неоднократный обладатель премии Нижнего Новгорода.

Ранее – инженер-электрохимик в крупном химическом объединении, действительный государственный советник Нижегородской области I класса. Живет в Нижнем Новгороде.

«ЕГО ЖИЗНЬ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ОТДЕЛИТЬ ОТ ЕГО КНИГ»

Обыкновенная биография в необыкновенное время. К 120-летию со дня рождения Аркадия Гайдара (1904–1941)

Он был жизнерадостен и прямодушен, как ребёнок.
С. Маршак об Аркадии Гайдаре

Литературные критики частенько задаются вопросом, что нужно знать, уметь, каким нужно быть, чтобы стать детским писателем, способным понимать ещё не сформировавшиеся запросы детей, отвечать на них понятным для юного читателя языком. И влиять на детей! Кто-то считает, что у детского писателя должна быть ранимая душа, схожая с детской, мало знакомой со взрослой жизнью, с её сложностями, жестокими вопросами «быть или не быть», а нередко и «бить или не бить», с грубостью, авантюризмом, с неравенством и другими негативными вопросами бытия. Говоря простым языком, детский писатель – это в некотором роде «ребёнок» по определению Самуила Маршака, не разбирающийся в бытовых, то бишь взрослых, вопросах человек. Этакий нежный первоцвет, быстро сохнущий после сбора.

И как бы в качестве подтверждения этой мысли приводят пример мудрого Льва Толстого, тонкого знатока взрослой жизни, классика и автора социально-политических романов, казалось бы, насквозь видящего и понимающего весь окружающий мир, всех людей, населяющих его. Но создатель тонких психологических мужских и женских пор-

третов своих современников, чьи порывы и поступки понятны людям спустя столетия, никак не мог создать удобоваримую детскую прозу. Образы ребят в рассказах Льва Толстого ходульные, с нехарактерной для детей речью. Толстому присуща сомнительная лаконичность, взрослая оценка происходящего. Нравоучения в так называемых сказках столь очевидны и прямолинейны, что от них попросту воротит и детей, и взрослых.

«Сказки об Италии» Максима Горького, писателя из народа и тонкого его знатока, прожившего в Италии 15 лет, соответствуют лишь названию. Им предпосланы слова Андерсена «Нет сказок лучше тех, которые создаёт сама жизнь». На самом деле эти «сказки» есть суровые социально-политические памфлеты и фельетоны.

И даже всё знающий и редкостный романтик Константин Паустовский писал немногие (восемь штук), но шаблонные сказки для детей.

Кстати, Паустовский («Коста» – так звал его Гайдар) был его лучшим другом. Аркадий Гайдар неустанно повторял слова: «Могу писать только о том, что лично видел сам». Видел же Аркадий Гайдар очень много, если не сказать чрезвычайно, невероятно много. И не просто видел как сторонний наблюдатель (ох, как много таких пустых «созерцателей» во все времена), а обдумывал, обобщал, общаясь с подчинёнными солдатами в годы Гражданской войны, с детьми, с друзьями. И не только видел, но был активным участником советского строительства. Того самого знаменитого преобразования страны, когда за десять (10) лет ей удалось пробежать ту индустриальную дистанцию, на которую Запад потратил сотню лет. Мало (я в этом уверен) тех, кто знает, что Аркадий Гайдар был профессиональным корреспондентом многих газет в разных городах Советского Союза. Пермь (газеты «Звезда», «Вечерняя звезда»), Свердловск («Уральский рабочий», Подмосковье («Красный воин»), Архангельск («Волна» и «Правда Севера»), Хабаровск («Тихоокеанская звезда»), Москва («Пионерская правда», журнал «Пионер» и «Комсомольская правда»).

Вот, например, характеристика, данная Аркадию Гайдару в 1926 году после года работы в пермской газете. «За истекший период его работы в газете было помещено около двухсот (200) его фельетонов…

Неослабевающий интерес, с которым читатели следят за фельетонами, десятки получаемых на его имя писем и приходящие к нему в редакцию за советом рабочие служат лучшим доказательством того, что тов. Гайдар сумел правильно подойти к постановке вопросов в понятной форме и вполне приемлемой для читателей рабочей газеты. <…> Основными достоинствами его фельетонов, помимо удачной литературной формы, считаются: прямота, искренность, умение подметить и выделить основной момент, заслуживающий внимания читателя».

Гайдару в это время 22 года, и он не оканчивал никакого филологического высшего учебного заведения, тем более журналистского. И все эти умения Аркадия Гайдара вызывают у автора сих строк, сугубого реалиста, отдавшего 20 лет промышленному производству и прочитавшего несколько гайдаровских производственных фельетонов, несказанный пиетет.

Некоторые фельетоны сохранили актуальность и по сию пору, хотя эта пора уже отнюдь не советская. В фельетоне «Сказка о бедном старике и гордом бухгалтере», опубликованном 21.11.1926 г. в пермской газете «Звезда», критикуется неокрепшая советская власть, задерживающая выдачу зарплат рабочим. Бухгалтер, ссылаясь то на *баланс*,

то на не отпущенные *кредиты*, то на *реорганизацию*, то на *ревизию*, не выдавал честно заработанные деньги «старику»-рабочему. И вот ведь какой фортель история устроила России. Аркадий Гайдар мечтал о торжестве «царства социализма», воевал за социализм с оружием в руках, отдавая здоровье, нервы, силы, а его внук Егор похерил одним росчерком пера все усилия деда. Вернул в Россию капитализм и «буржуинов», с которыми боролся Мальчиш-Кибальчиш и сам Аркадий Гайдар. Через одно лишь поколение, с 90-х годов также стали задерживать зарплаты, а то и вовсе их не выдавать, рассчитываясь кроватями, унитазами, глушителями для машин, посудой и т. д. Как внук стал Мальчишом-Плохишом, который «сидит, жрёт и радуется» (так у Гайдара в «Военной тайне»)? Как он стал предателем благородных идей деда – это тема для отдельного психолого-этнического расследования.

Кто-то может сказать, видя деяния Егора Гайдара, что его дед, журналист, очеркист, фельетонист, сценарист и замечательный советский детский писатель Аркадий Петрович Гайдар прожил жизнь зря. Нет, скажем мы! Потому, что своим творчеством Аркадий Гайдар воспитал поколение победителей, тех мальчишек и девчонок, зачитывавшихся его повестями, благодаря которым победили в Великую Отечественную войну, спасли нашу Отчизну.

Умение положительно влиять на читателя – это самое главное достижение писателя, это важнейшая цель литературы. К этой цели всегда стремился Аркадий Гайдар и успешно достиг её!

Наша задача – вспомнить в день 120-летия рождения великого детского писателя Аркадия Гайдара его жизнь и произведения, отдать дань восхищения его творчеству, его пониманию счастья, воспетого в рассказе «Чук и Гек». «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Итак, по порядку.

Детство

Обычно всякая великая личность обрастает мифами, тайнами реальными, а чаще надуманными, домыслами, а точнее, недоговоренностями, неточностями и искажениями. Так случилось и с Гайдаром. Вот первый пример, и связан он с днём рождения. В Большой Советской энциклопедии (БСЭ) и вышедшей недавно Большой Российской энциклопедии чётко названа дата рождения Аркадия Голикова (настоящая фамилия Гайдара): по старому стилю 9 января (22 – по новому) 1904 года. Однако курский писатель, уроженец города Льгова (где родился Аркадий) Семён Лагутич утверждает, что Аркадий родился на месяц позже. Он основывается на воспоминаниях льговских друзей семьи Голиковых и на письменном свидетельстве врача-акушера С.В. Кудряшовой, принимавшей роды ребенка в доме Голиковых. Так ли это важно? Зачем вносить путаницу в такой несложный вопрос? Искажение в дате, по мнению С. Лагутича, пошло с подачи писателя Бориса Камова (Бориса Калмановича Дворсона), «самопровозгласившего себя главным биографом писателя». Неудовлетворённое тщеславие Лагутича?

Но, однако, возникает интересная коллизия. В центральном архиве Екатеринбурга сохранилась анкета Аркадия Голикова, заполненная им

в 1921 году при поступлении на военную службу в Приуральский военный округ. Ниже будет более подробно описан этот эпизод из жизни Аркадия. Так вот, на вопрос «имеются ли родственники за границей» он отвечает: «Есть, в Париже, но адреса не знаю. Фамилия Гутьер». Исполнительный директор Льговского сахарного завода Гутьер, по более позднему утверждению Натальи, сестры Аркадия, стал крестным отцом будущего писателя. Почему Голиков вдруг о нем решил написать в анкете? Вероятно, почитал крестного отца как родственника. Что из этого следует? Очевидное! Католик или протестант, то есть еретик для РПЦ, Гутьер не мог быть крёстным отцом в православном храме. В начале XX века с этим было очень строго. Да, и сейчас при крещении в православном храме крёстному отцу надо наизусть знать «Символ Веры». Священник, совершающий обряд, лично проверяет это знание. Следовательно, Аркадий не был крещён вовсе, а посему и не записан в церковной метрической книге крещёных младенцев с указанием точной даты, что и привело к спорам.

В воспоминаниях Н.Н. Похвалинской, подруги сестры Гайдара, есть ещё одно косвенное подтверждение об атеистическом характере отношений: «Семья Голиковых не была религиозной. Я очень завидовала Аркаше и Талочке, что их не посылали в церковь». Так кем же был Гутьер Аркадию?

И всё же путаница в дне рождения присутствует. В фондах Арзамасского литературно-мемориального музея А.П. Гайдара есть журнал с прошениями родителей о принятии своих чад в реальное училище. «Май 1914 г. № 22. Голиков Аркадий. Рождения 9 января 1904 года. Сын чиновника…» Вроде всё ясно и понятно, но в «Календаре “Товарищ” для учащихся на 1917–1918 уч. г.» рукой Голикова Аркадия написано в разделе «Я» о дне и месте рождения следующее: «Льгов Курской. 9 февр. 1904 г.» Во многих книгах о Гайдаре есть фото этой записи. Небрежность великих в подростковом возрасте? Остаётся только гадать! Или вот ещё одна вопиющая неточность, допускаемая Аркадием Голиковым. В автобиографии от 1934 года, когда Гайдар известен всему огромному Союзу, он пишет: «Я ушёл в Красную Армию в ноябре 1918 года, когда мне не было ещё 14 лет». Это как же, позвольте спросить у человека, родившегося в январе-феврале 1904 года, что ему в ноябре 1918 года нет 14 лет?!

Кто-то скажет – пустяки! Перефразируя известное выражение, скажем: «Пустячок, но неприятно!» И возникает риторический вопрос: «Отмечали ли родители день рождения сына?»

Но мы забежали несколько вперёд.

Как французы появились в Льгове Курской губернии? Да очень просто! Киевский сахарозаводчик Гальперин Моисей Борисович в 1899 году построил на свои деньги в этом городке сахарный завод по французской технологии. Авторский надзор и руководство технологическим процессом осуществляли французские специалисты, среди них и был некий Гутьер. Для детей заводских рабочих построили начальное училище, где учителями стали родители Аркадия Голикова.

Итак, 9 по старому или 22 января (или февраля?) по новому стилю 1904 года в семье учителей – Петра Исидоровича Голикова (26.01.1879–23.04.1927) и Натальи Аркадьевны Сальковой (1881–16.10.1924) родился первый и единственный в семье сын Аркадий, названный так в честь деда по материнской линии. Остальными детьми были три девочки.

Фамилия Голиков происходит от старого русского слова «голик», обозначающего веник из сухих прутьев без листьев. Родом Пётр Исидорович

из города Щигры той же Курской губернии. Дед его был крепостным, отец столяром, а сам он окончил сначала Щигровское уездное училище, а потом Курскую учительскую семинарию. Именно в Курске он и познакомился с Натальей – дочерью обедневшего дворянина Аркадия Геннадьевича Салькова, отставного штабс-капитана, имевшего в Щигровском уезде небольшое имение. Мать Натальи Аркадьевны рано умерла (о ней ничего неизвестно), и её воспитывала мачеха. Курскую женскую гимназию Наталья Аркадьевна окончила с золотой медалью, что давало ей право преподавать в начальных классах.

В 1900 году Наталья Аркадьевна и Петр Исидорович сочетались браком. Пётр получил место учителя в начальном училище при вышеупомянутом сахарном заводе. Так они оказались в городе Льгове. Жили они в комнатах при школе, где сейчас усилиями Лагутича образован мемориальный музей писателя Аркадия Гайдара. Честь ему и хвала за это!

Отец Натальи был против этого мезальянса и не простил дочь до самого конца жизни. Не навещал внука, названного в его честь в качестве примирения, ни помогал материально. Наталья хорошо знала французский язык (в гимназии его преподавание велось на высоком уровне) и для разговорной практики тесно общалась с французскими инженерами, одного из которых мы уже упомянули. Знание языка подтверждает и лучший друг детства Аркадия Голикова Адольф Гольдин: «Его мать, Наталия Аркадьевна, свободно владела этим языком, учила и Аркадия и дочерей – Наташу, Олю и Катю – разговаривать по-французски».

В революцию 1905–1907 гг. рабочие сахарного завода бастовали, требуя повышения заработной платы, и, видимо, для составления петиции часто обращались к учителям Голиковым. Они прослыли в провинциальном Льгове вольнодумцами и «неблагонадежными». Ареста супруги Голиковы избежали, но, боясь осложнений с хозяином завода, решили сменить место жительства. Пётр Исидорович нашёл работу в акцизном (налоговом) управлении в посёлке Вариха (от глагола «варить», девушка Варя к названию не имеет никакого отношения) при нефтеперегонном заводе Тер-Акопяна в Сормове Нижегородской губернии, будущем советском заводе им. 26 Бакинских комиссаров.

В конце лета 1908 года супруги Голиковы с четырехлетним Аркадием, трехлетней Натальей и только что родившейся Ольгой неожиданно для всех знакомых из Льгова переехали на Волгу. И уже 5 октября этого года «не имеющий чина» П.И. Голиков был зачислен на службу в Нижегородское акцизное управление. В советские годы слава писателя Аркадия Гайдара была столь высока, что отыскивался каждый уголок, связанный с его жизнью. Так, на доме № 10 по улице Коминтерна установлена мемориальная доска с надписью: «На этом месте бывшего посёлка Варя находился дом, в котором в детские годы 1908–1909 жил выдающийся советский писатель Аркадий Петрович Гайдар». Вскоре Пётр получил повышение до старшего контролёра и перевёз семью в центр Нижнего Новгорода на улицу Варварскую.

И тут на крайнем к площади Свободы (Острожной) доме № 44 по улице Варварской висит памятная доска с надписью: «В этом доме в 1909–1910 гг. жил выдающийся советский писатель Аркадий Гайдар (А.П. Голиков)». На самом деле этот дом построен в 1954 году и в нём жить маленький Аркадий не мог. Какой дом был на этом месте в начале XX века, трудно углядеть даже на подробных фотоснимках Максима Дмитриева, но точно, что не 4-этажный. Хочется поклониться почи-

тателям творчества Аркадия Гайдара, что не забыли о местах кратковременного проживания будущего знаменитого писателя в Нижнем Новгороде. Однако даты жизни указаны на доске неверно. Жили они здесь до лета 1912 года – времени переезда в Арзамас. 1912 год назван и в альбоме-справочнике «По улицам родного города» (издательство «Кварц», 2012).

Заработка у Петра Исидоровича едва хватало, чтобы сводить концы с концами в большой семье, тем более что в 1910 году родилась третья дочь Катя. Наталья Аркадьевна для повышения достатка в семье поступила на частные курсы фельдшеров-акушеров знаменитого в Нижнем доктора Маклашевского. Училась она в Нижнем Новгороде, а экзамены на диплом акушерки успешно сдала на медицинском факультете Казанского университета.

С дипломом Наталья Аркадьевна получила и направление – уездная больница в Арзамасе Нижегородской губернии, что в 100 верстах от Нижнего Новгорода. Пётр Исидорович выхлопотал новое направление в этот же уездный городок. Летом 1912 года семья перебралась в Арзамас, где они сначала, обживаясь и приглядываясь к новой обстановке, снимали флигель у Терентьевых, а потом купили небольшой деревянный дом № 25 на Новоплотинной улице. Дом сохранился и составляет главную достопримечательность литературно-мемориального музея А.П. Гайдара.

Город Арзамас был совсем не плох, а в 1781 году стал 4-м из уездных городов России, получившим от царицы Екатерины II свой «геометрический план» радиально-лучевого расположения улиц. Такой же, впрочем, план и у Нижнего Новгорода.

В архивах можно найти данные переписи жителей городка на начало XX века. Всего народонаселения около 15 000, из них 650 рабочих и кустарей-ремесленников, 655 купцов, 1189 монахов и монахинь, 519 дворян. Писатель Мельников-Печерский оставил свои впечатления об Арзамасе: «Город вообще очень хорошо устроен, улицы вымощены камнем, фонари, стоящие на улицах, по ночам зажигаются, а не стоят только для вида, как в иных, даже губернских городах. Тротуары также не представляют из себя капканов для ног несчастных пешеходов».

Позднее в повести «Школа» (1930 г.) Аркадий, уже не Голиков, а Гайдар, охарактеризует Арзамас так. «Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами. В тех садах росло великое множество “родительской вишни”, яблок-скороспелок, терновника и красных пионов. Сады, примыкая один к другому, образовывали сплошные зеленые массивы, неугомонно звеневшие пересвистами синиц, щеглов, снегирей и малиновок. <…> был похож на монастырь: стояло в нем около тридцати церквей да четыре монашеских обители».

Вскоре после обустройства в Арзамасе Аркадия отдали в частную школу Зинаиды Васильевны Хониной для подготовки к сдаче экзаменов в реальное училище. Она так отзывалась об Аркадии: «Веселый, жизнерадостный, неусидчивый, выдумщик и шалун, но шалун безобидный, чистый и честный мальчик». Здесь Аркадий знакомится со своим будущим другом Адольфом Моисеевичем Гольдиным. Примечательно, что и того и другого в семьях звали Адиками. Два года Адольф Гольдин и Аркадий Голиков учились у Хониной, а потом в 1914 году одновременно поступили в Арзамасское реальное училище. Частенько сидели за одной партой, да и жили соседями – через два дома друг от друга. И крепко дружили. Вот как характеризует Аркадия Голикова

его лучший друг: «Голиков был крепыш, выше среднего роста, светловолосый, с серо-голубыми глазами, с румяными щеками. На круглом лице чуть полноватые губы и добрая улыбка».

Арзамасское реальное училище (АРУ) создано в 1904 году. По уровню преподавания оно было 4-м в России после Москвы, Санкт-Петербурга и Варшавы. Наверное, поэтому для него к 1909 году построили новое красивейшее здание – гордость горожан. Недаром в этом здании до сих пор находится руководство города и района.

Одноклассник Голикова С.М. Соколовский вспоминал, что попасть в училище было очень трудно. Из 500 человек отобрали после экзаменов 24 ученика. Диплом по окончании реального училища давал возможность поступить в технические вузы и даже университет. Годовая стоимость составляла 25 рублей. К слову, заметим, что корова в это время стоила около 20 рублей. Учились здесь преимущественно дети состоятельных арзамасцев: дворян, купцов, чиновников и священников. Семья Голиковых с момента появления в городе сразу стала заметной: акушерки с дипломом Казанского университета в Арзамасе ещё не было. Люди, умеющие принимать роды, известны и уважаемы в любом населённом пункте.

Аркадий с детства рос ответственным человеком: надзор за младшенькими сестрёнками и помощь им ко многому обязывали. Он учился находить с ними общий язык и одновременно командовать ими, вырабатывать, так сказать, командный голос, так пригодившийся ему в годы Гражданской войны.

Наталья (Натка), самая старшая из сестёр Аркадия, вспоминала о жизни в Арзамасе: «Наше детство было счастливым и беспечным. Родители не очень стесняли нас в наших играх. Нам разрешалось перевернуть всё хоть вверх дном, но при условии, чтобы сами за собой убирали, и это условие выполнялось нами, как закон». Согласимся, что это очень и очень немаловажно при воспитании детей. В другом месте воспоминаний Натки можно прочитать о старшем брате: «и даже чистил наши ботиночки». Подруга Натки А.И. Бабайкина вспоминала, что «и у нас, и у Голиковых тоже были коровы». А содержать корову – немалый труд, несмотря на всю беспечность детства. Справедливости ради надо отметить, что в семье жила тётка отца Дарья, которая и выполняла по дому всю тяжёлую работу.

В Арзамасском реальном училище Аркадий Голиков слыл одним из самых прилежных в учении, но озорным в поведении учеников. На уроках Закона Божьего, бывало, по целым урокам стоял в углу класса. Он много читал и активно изучал, в том числе и с помощью матери, французский язык и нотную грамоту. Пробовал писать стихи, и мать всячески поддерживала его в этом увлечении, даже специальный блокнот купила. Так, сестра Натка вспоминала, что в 13 лет Адик написал длинное стихотворение «Легенда о свободе», которое читал на школьных вечерах, а ученицы старших классов спрашивали Натку: «Неужели он сам сочинил?» Сестра подтверждала и очень гордилась Аркадием. У него, кроме всего прочего, были незаурядные актёрские задатки: он хорошо владел голосом, не боялся сцены и сотен глаз, устремлённых на него, играл в школьных спектаклях (сохранились не только записи в дневнике, но и фотографии).

И ещё из воспоминаний сестры, показывающих лад и семейный уют в доме Голиковых. Без них неординарную личность не воспитать. «Бывало, в долгие зимние вечера, после того как выучены и проверены родителями уроки, мы часто забирались все на кушетку, папа сажал

младших девочек на колени, мы с Аркадием лепились к нему по бокам, мама, если она была “не дежурная”, усаживалась возле стола с каким-нибудь рукоделием или штопкой, а старенькая тетя Даша присаживалась поближе к печке».

Особенно Аркадий прочувствовал ценность знаний после своего неудачного побега на фронт Первой мировой войны, куда был призван отец. В автобиографической повести «Школа» (1930), где Аркадий Голиков слегка «зашифровал» себя под Бориса Горикова, сменив в фамилии одну лишь букву, признаваться в собственном незнании географии было стыдно. И Аркадий, к тому времени Гайдар, возлагает «честь» побега на выдуманного Тупикова, о котором пишет: «Первоклассник Тупиков оказался дураком. Он даже не знал, в какую сторону надо на фронт бежать…» И после разноса от учителя географии Аркадий и его друзья делают правильный вывод как в жизни, так и в повести «Школа». «Первоклассники, внезапно уяснив себе пользу наук, с совершенно необычным рвением принялись за изучение географии…» Но, видимо, не только географии, так как жаждой знаний Аркадий Голиков отличался всю свою короткую жизнь. Примечателен и такой факт. После поимки беглеца мать купила Аркадию географическую карту. Она до сих пор висит над его кроватью в мемориальном музее писателя в Арзамасе. Наталья Аркадьевна умело прививала здоровое самолюбие сыну.

Будущий генерал армии, начальник отдела ГРУ Генштаба Вооружённых сил СССР, а в детстве ученик АРУ Виктор Рябов вспоминал, как они с Аркадием (Рябов был на год младше) ездили на Пустынские озёра. К тому времени Аркадий, а это год 1915, уже знал значение паровозных сигналов. Учил своего младшего соученика обращению с бродячими собаками: «Не показывай виду, что боишься, и собака тебя не тронет». Мудрость, коей не владеют и поныне многие взрослые люди!

Многочисленные походы за грибами привили Аркадию любовь к лесам, а значит, и их знание на всю жизнь. Константин Паустовский в повести «Мещорская сторона» пишет о том, как они втроём бродили по мшарам Рязанской области – «заросшим в течение тысячелетий озёрам». Он пишет: «Гайдар пошёл искать Поганое озеро. Гайдар не взял компаса, сказал, что найдёт обратную дорогу по солнцу, и ушёл».

Через три часа низкие облака закрыли небо, и в такой мгле без компаса нельзя было, по мнению Паустовского, найти дорогу. И, действительно, это очень сложно, но не для Гайдара. «Мы кричали отчаянно <…>, но в ответ на наши крики не было слышно никакого человеческого голоса. <…> вдруг загудел и закрякал, как утка, рожок автомобиля. Это было нелепо и дико – откуда мог появиться автомобиль в болотах…? Автомобиль явно приближался. Он гудел настойчиво, а через полчаса мы услышали треск в завалах… и из мшар вылез улыбающийся, мокрый измученный Гайдар». Что следует из этого эпизода? Простая истина: у Гайдара и в зрелом возрасте сохранился озорной, сравнимый с подростковым характер. Особо нужно отметить его знания и умения ориентироваться в глухих лесах.

Боевая юность

Но вот «взметнулись красные флаги Февральской революции», так пишет Гайдар в автобиографии 1934 года для юбилейного номера журнала «Пионер», отмечавшего 10-летие. И далее: «и в таком захудалом

городке, как Арзамас, нашлись хорошие люди. Пристал я к ним случайно, скорее из любопытства. Их было немного, держались они кучкой. Смело выступали они на митингах. <…> Позже я понял, что это за люди. Это были большевики. <…> Люди эти заметили, что мальчишка я любопытный, как будто не дурак и всегда верчусь около. Понемногу стали они доверять мне и давать разные мелкие поручения: сбегать туда-то, вызвать того-то. А я бегал, относил, вызывал, а сам всё слушал и слушал».

Но и не только слушал, но и пытался разобраться и узнать о большевиках как можно больше. Писал горячие письма отцу на фронт, задавал вопросы в попытках всё понять и сделать собственные выводы. «Милый, дорогой папочка! Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы: 1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию и когда им объяснят, за что они воюют? 2. Не подорвана ли у вас дисциплина? 3. Какое у вас, у солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы... 4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира? 5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как вообще они смотрят на текущие события?.. Неужели – “Война до победного конца”?»

Отец Аркадия Петр Исидорович Голиков за воинскую сметливость и личную храбрость, произведенный в прапорщики, образование позволяло, становится командиром революционного полка. Аркадий знает об этом из переписки, и отец становится примером для подражания. Сын после таких известий с ещё большим рвением погружается в революционную работу арзамасских большевиков.

«Но самое большое доверие мне было оказано, тогда, когда в октябре 1917 г. разрешили мне взять винтовку и послали меня при двух патрульных третьим – для связи», – пишет он в вышеупомянутой автобиографии 1934 года. С этих пор Аркадий Голиков уже не просто патрулировал улицы Арзамаса, но состоял посыльным при большевистском клубе, работал делопроизводителем в уездном комитете партии, охранял по ночам город и участвовал в создании арзамасского комсомола. Кроме того, писал заметки в ученическую газету «За свободу». Служил секретарём в редакции газеты арзамасских большевиков «Молот». Так формировалась неординарная личность!

В школьном дневнике «Товарищ» ученик 4-го класса АРУ Аркадий Голиков записывает. «11–17 февраля 1818 г. Меня ранили ножом в грудь на перекрестке (видимо, ранение было легким и спасла зимняя одежда. – *М. Ч.*). Был в Совете. Получил разрешение от Революционного штаба присутствовать на улицах в ночное время. 8–21 апреля 1918 г. В городе стрельба. 5 раненых с нашей стороны. Ночью идёт стрельба. Мы с Березиным ходим патрулём. Осадное положение. 29 июля – 1 августа 1918 г. К нам приехал штаб Восточного фронта. Жизнь в Арзамасе очень оживилась, совсем не та атмосфера. Военное обучение понемногу налаживается. Прошли рассыпной строй, скоро к стрельбе».

Мать Аркадия, Наталья Аркадьевна, вступает в партию большевиков, активно работает в профсоюзе, возглавляет Арзамасское правление союза «Всемидикасантруд» (Всероссийский профессиональный союз работников медико-санитарного труда). У неё появляются новые высокопоставленные знакомые, шефствующие над её сыном. Александр Фёдорович Субботин – арзамасский большевик, профсоюзный работник – в 1920 году станет вторым мужем Натальи Аркадьевны. По-

могает Аркадию и военный комиссар города Чувырин, который, невзирая на юный возраст Аркадия – тому только 14 лет, но он был высокого роста и выглядел крепким парнем, – зачислил его в вооружённый отряд рабочих для защиты Арзамаса от кулацких банд, двигавшихся со стороны Мурома.

Шефы и посоветовали Аркадию вступить в члены ВКП(б). В Центральном архиве Нижегородской области сохранилось заявление, написанное Голиковым на четвертушке листа писчей бумаги. Вот дословный его текст: «22 авг. 1918», чуть ниже: «В комитет партии коммунистов». Ещё ниже: «Прошу принять меня в Арзамасскую организацию Р.К.П.» Ниже: «ручаются за меня тов…» (следуют подписи). Одно ручательство дала М. В. Гоппиус – ссыльная марксистка, другое – Ф. А. Вавилов, тогдашний председатель Арзамасского уездного исполкома. Кстати сказать, в тогдашний Арзамасский уезд входило семь нынешних районов Нижегородской области. По сути, весь юг. И совсем внизу подпись самого вступающего.

Краткость и простота вступления в партию большевиков поражает воображение. Однако учитывая несовершеннолетие Голикова, старшие товарищи дали ему время подумать до декабря. 15 декабря 1918 года уездный комитет ВКП(б) принимает его в ряды партии. Сохранился анкетный лист, который Аркадий заполнил 24 декабря того же года. В этой анкете Голиков увеличивает свой возраст на 2 года и пишет, что ему шестнадцать лет. Аркадий все еще боялся, что его по молодости не примут в Красную Армию.

Гольдин вспоминает: «Так он и ходил в уездный комитет партии большевиков в солдатской шинели, в папахе, в грубых кирзовых сапогах. И всегда при нем было оружие: винтовка или револьвер. А часто и то и другое – винтовка на ремне за плечами, а револьвер заткнут за пояс поверх шинели». Мальчишеские мечты об оружии сбылись, но пока Аркадий Голиков играет в капитана Сорви-голова.

Воплощению мечтам Голикова о Красной Армии помогают связи и знакомства матери. В декабре 1918 года в Арзамасе формировался красный отряд, командиром которого был знакомый Натальи Аркадьевны – Ефим Иосифович Ефимов. Мать Аркадия попросила Ефимова, чтобы тот взял Аркадия к себе адъютантом. Тот согласился.

В платежной ведомости за первую половину января 1919 года за порядковым номером 50 стоит имя «Голиков Аркадий Петрович». Он получает зарплату только за пять дней, начиная с 11 января. Эту дату и надо считать началом службы Аркадия Голикова в Красной Армии. В графе «должность» указано: «красноармеец – рядовой». Жалованье ему было положено 250 рублей в месяц. Сбылась его долгожданная мечта.

Через месяц руководство Красной Армии назначило Ефимова командующим войсками по охране железных дорог. С собой в Москву он взял и 15-летнего Голикова и даже поставил его начальником связи штаба охраны железнодорожных путей. Говорят, что Аркадий, несмотря на юный возраст, хорошо справлялся с обязанностями. Частенько Ефимов брал его на совещания с командирами частей железнодорожных войск, где Аркадий благодаря своей отменной памяти, нестеснительности и знаниям, полученным в АРУ, без запинки тараторил цифры и наименования железнодорожных станций, удивляя опытных командиров.

Три месяца пробыл Аркадий на этом месте. Совещания, каждодневные встречи с многоопытным начальником, по-дружески относившимся к юному помощнику, взрослые беседы с ним сыграли огромную роль

в развитии личности Аркадия. Каждому подростку и юноше нужен знающий и уважаемый наставник. Тот, кто его имеет, намного опережает в развитии своих сверстников. Истории известны десятки таких примеров: Аристотель – Александр Македонский, Тургенев – Константин Леонтьев, Урицкий – Бабель, Бахтин – Кожинов. Их много, подобных пар.

Полный юношеского максимализма и мальчишеской отваги Аркадий просит своего наставника, чтобы тот опустил его на фронт. Ефимов, выполняя волю матери, не отпускает юношу, но, в конце концов, они решили так: сначала военные курсы, а там – как жизнь сложится. По протекции Ефимова 15-летнего Голикова зачисляют курсантом на Московские 7-е пехотные курсы. Кстати, моложе 18 лет на них не брали. 20 марта по штабу начальника обороны и охраны всех железных дорог республики в Москве издаётся приказ № 65, в третьем параграфе которого записано, что зачисленного в курсанты вышеупомянутых курсов Голикова освободить от обязанностей командира команды связи и снять с довольствия.

«Мама! Прощай, прощай! Все, что было раньше, – это пустяки, а настоящее в жизни только начинается. Я ушел воевать за светлое царство социализма», – напишет он в письме матери.

В апреле 1919 года курсы, а вместе с ними и Голикова из Москвы переводят в Киев, на 6-е Киевские курсы. 31 августа 1919 года Киев захватили войска Добровольческой армии Деникина. 16 декабря Красная Армия, форсировав замерзающий Днепр, освободила Киев и вновь установила там советскую власть. А комроты Аркадий Петрович Голиков 6 декабря у деревни Улла был ранен шрапнелью в ногу и контужен при падении с лошади во время взрыва снаряда. Лечился в одном из военных госпиталей. После лечения и выписки из госпиталя получил для поправки здоровья краткосрочный отпуск и в январе 1920 года прибыл на побывку в Арзамас.

Из Арзамаса он пишет письмо отцу, комиссару штаба 35-й дивизии, все годы находившейся на фронтах Гражданской войны. Это письмо заслуживает, чтобы его привести почти дословно.

Дорогой папочка! Пишу из Арзамаса, куда прибыл на несколько дней в отпуск, несколько уставший после непрерывной работы и службы.

Я, однако же, возвращусь к ним, как только заживёт моя рана, полученная на фронте три недели тому назад. Рана пустяковая, в левую ногу, кость не тронута, скоро смогу бросить костыли, так что не беспокойся.

Да и какое может быть беспокойство?

Ты сам, проведший несколько лет на фронтах, сам знаешь, что на войне конфетами не кормят…<…>

Ну, ладно. Ты, я думаю, хочешь узнать сначала официальное моё пребывание на службе, начиная с 1 января 1919 года, то есть со времени моего поступления на военную службу?

И далее на разграфлённом листе не без мальчишеского хвастовства указаны места службы 15-летнего солдата. (Форма подачи этих данных несколько изменена.)

С 28 декабря 1918 года – адъютант командующего войск железнодорожной обороны и начальник команды связи его штаба.

С 20 марта 1919 года – курсант 7-х советских пехотных курсов командного состава.

С 7 апреля 1919 года – курсант 6-х киевских им. Подвойского курсов командного состава.

С 20 июня 1919 года – заместитель комиссара и председатель коммунистической ячейки курсов. Вот когда сказалась ценность вступления в РКП(б).

С 23 июля 1919 года – комиссар партизанского отряда курсантов, действовавшего на внутренних фронтах Украины.

Июль 1919 года – курсант тех же курсов.

С 10 августа 1919 года – комиссар отряда курсов, усмирявших кубанских казаков.

С 23 августа 1919 года – красный офицер взвода.

С 25 августа 1919 года – полуротный 6-й роты сводного маневрового полка бригады курсантов.

С 8 сентября 1919 года – ротный командир 6-й роты того же полка.

С 25 сентября 1919 года – по расформировании бригады прикомандирован к Смоленским пехотным курсам в качестве инструктора.

С 1 октября 1919 года – по собственному желанию отправился на Западный фронт в 468-й пехотный полк.

С 1 декабря 1919 года – Главное Военное управление военно-учебных заведений прикомандировало в Высшую офицерскую школу.

И далее Аркадий пишет: «Список довольно большой для годичного пребывания в Красной Армии. Здесь не помечено, что я был на Григорьевском, Ангеловском, Соколовском фронтах, с товарищем Подвойским при взятии Жмеринки, Петлюровском, Деникинском и Польском фронтах. <…> В общем, я собой доволен», – резюмирует юный воин Голиков.

В Арзамасе Аркадий заболевает сыпным тифом. В конце марта 1920 года Голиков прибывает на Кавказский фронт, в 3-ю бригаду 14-й стрелковой дивизии, а 8 апреля того же года назначается командиром взвода 124-го стрелкового полка в Екатеринодар (ныне Краснодар)

После Кубани летом Голикова переводят на Кавказ и назначают командиром роты. Об этом назначении он с гордостью пишет своему другому лучшему другу Саше Плеско: «Командую ротой. Деремся с бандитами вовсю...»

Стиль писем Аркадия отцу после лечения в Арзамасе резко меняется: он стал суше и официальнее, а ведь отец так же, как и он, воюет на фронтах Гражданской войны. Вот какое письмо он пишет отцу 12 августа 1920 года, как только стало известно об отъезде матери из Арзамаса.

Дорогой ***друг****! (Выделено мной. –* ***М. Ч****.)*

Буду сильно рад, если ты получишь это письмо, которое шлю с беловрангелевского фронта.

Крепкой и мощной стала наша армия, и зорко смотрим мы, парализуя попытки «южного орла» снова свить своё гнездо на нашей территории.

Жму твою руку и шлю товарищеский привет. Мой адрес: Действующая армия. 34-я стрелковая Кубанская дивизия, 303-й пехотный полк. Командиру 4-ой роты – Голикову.

Полгода тому назад Аркадий обращался к отцу «Дорогой папочка». Называть же родного отца «дорогой друг» по причине одной лишь «взрослости» – это нечто запредельное. Хотя, вероятно, кому как. Обращает на себя внимание «совпадение» – такое обращение к отцу Аркадий

допускает после трёхмесячного излечения в Арзамасе, после продолжительных бесед с матерью. Какую же тайну сообщила мать сыну, после которой тот перестаёт называть Петра Исидоровича не только папой, но и отцом?

Вскоре после того, как сын вылечился и уехал из Арзамаса в армию, Наталья Аркадьевна в 1920 году навсегда покидает Арзамас. Она уезжает в Киргизию, в город Пржевальск, там её второй муж Александр Федорович Субботин занимает видный партийный пост. Здесь она возглавила уездный здравотдел и параллельно с этим работала секретарем уездно-городского ревкома. Дети оставлены на присмотр и прокорм тётки мужа Дарьи Алексеевны. Дочь Натальи Аркадьевны (тоже Наталья) позднее напишет в своём дневнике: «Как ошиблась мама, разрушив семью, сколько ошибок у отца…» Есть общеизвестная истина, что крепость и лад в семье полностью зависят от мудрости жены. В Пржевальске мать Аркадия и её новый муж буквально через год заболевают туберкулёзом. Их переводят в Туапсе, откуда Наталья Аркадьевна напишет бывшему мужу: «…ты очень любил меня, но у нас были тёмные стороны и очень тяжёлые: теперь же этого нет. <…> Ты знаешь, что мы с Шурой оба больны чахоткой…» Болезнь быстро прогрессирует. Их переводят в Алупку (Крым), где мать Аркадия Голикова умирает в 1924 году. Сохранилось фото от этого года, на котором можно видеть Наталью Аркадьевну, её дочерей Катю и Олю, тётку Дарью, с которой дочери приехали в Алупку проститься со смертельно больной матерью, Аркадия Петровича и А.Ф. Субботина. Кстати, в советский период на этой фотографии, которую можно найти в сборниках прозы Гайдара, все, кроме него и матери, заретушированы.

* * *

Аркадий Петрович в 1941 году, будучи уже известным советским детским писателем, о событиях Гражданской войны 1919 и начала 1920 года в автобиографии напишет более кратко:

Был на фронтах: петлюровском (Киев, Коростень, Кременчуг, Фастов, Александрия). Весь 1919 год, до сдачи нами Киева в сентябре, – сначала курсантом, потом командиром 6-й роты 2-го полка отдельной бригады курсантов. Потом был на польском фронте под Борисовом, Лепелем и Полоцком – 16 армия, 52-я дивизия. Полк забыл, потому что у меня было три болезни – цинга, контузия в голову и сыпной тиф, – так что толком я опомнился только в Москве, откуда был направлен на Кавказский фронт (март 1920) и был назначен командиром 4-й роты 303-го (бывшего 298-го) полка 34-й дивизии 9-й армии. После захвата остатков деникинцев (армия генерала Морозова) под Сочи стоял с ротой, охранял границу с белогрузинами (мост через реку Псоу) за Адлером, но вскоре, когда генералы Гейтман и Житиков подняли на Кубани восстание, были мы переброшены в горы, и всё лето до поздней осени гонялись за этими бандами.

Рота Аркадия была невелика: 48 штыков и одна сабля – это значит 48 бойцов и сам командир. Ему полагалась лошадь и сабля. Было на всю роту два пулемета системы «льюис», 32 винтовки, 12 пулеметных дисков по 200 патронов в каждом и 12 тысяч винтовочных патронов. Полк занимался охраной шоссейных и железных дорог, телеграфных и телефонных проводов. Непрерывно велась агентурная разведка и наблюдение за морским побережьем.

20 августа 1920 года по штабу бригады был издан приказ о переводе Аркадия Голикова из 303-го полка в 302-й (причина – поругался с комполка) на должность инструктора для поручений при командире 2-го батальона.

В октябре 1920 года за отличные боевые и командирские качества и навыки 16-летний Аркадий Голиков был отправлен в Москву в школу командиров на курсы «Выстрел» на отделение «Тактика». Учебный год на курсах делился на два периода: зимний и летний. В первом преобладала теория, во втором – практика. Военные методики связывались с педагогикой, чтобы поставить правильный взгляд на процесс воспитания и обучения современного бойца в зависимости от его социального происхождения. Во главу угла ставилось политическое воспитание, без которого, считалось, что обучение будет малопродуктивным и ненадежным. Преподавали на курсах бывшие царские офицеры. Политически Аркадий Голиков был подкован отлично и, изучив только теорию ведения военных действий, считался досрочно и успешно окончившим курсы «Выстрел» в феврале 1921 года. Уже в марте 1921-го Голикова назначили командиром 23-го резервного (запасного) полка 2-й стрелковой бригады Орловского военного округа, дислоцировавшегося в Воронежской губернии. Отсюда он отправлял маршевые роты на подавление Кронштадтского мятежа.

В эти дни он пишет очередное письмо отцу, обращаясь к нему так же отстранённо «Дорогой друг». Среди строк можно найти признательные:

Знаешь, я до некоторой степени люблю войну. Она приучает нас любить и ценить свою жизнь, а также не быть слишком требовательным к окружающей обстановке.

Был командиром батальона 10-й дивизии, чуть-чуть не попал в Щигры, в 6-й гарнизон, а сейчас сижу и размышляю над той работой, какая предстоит с завтрашнего дня мне – вступающему в командование 23-м запасным полком, насчитывающим около 4-х тысяч штыков.

Через 40 лет бывший командир взвода (а на момент описываемых событий 30-летний) Оболдуев вспоминал, что в одну из ночей марта в полку был арестован высший комсостав: командир полка и командиры батальонов.

Бывшие царские офицеры готовились передать весь полк бандиту Антонову, поднявшему кулацкое восстание на Тамбовщине. Но им это не удалось. Они были вовремя обезврежены и убраны из полка.

Оболдуев далее вспоминал, что командиры рот и взводов утром ждали нового командира полка. И вот перед ротами в сопровождении комиссара явился новый «командир полка – юноша-подросток с румяными щеками». Назначение такого юного командира наводит на мысль, что в те дни не было более старого, опытного командира, которому можно было бы доверить полк. Это событие совпало по времени с кронштадтским мятежом в марте 1921 года.

В Центральном архиве Советской Армии найдено тринадцать приказов, подписанных лично Аркадием Гайдаром, и названы основные задачи запасного полка. «...В полку готовились маршевые роты. Полк вел караульную службу. Иногда ночью по тревоге направлялись дежурные командиры на подавление антоновских банд, которые в то время скрывались в Воронежской и Тамбовской губерниях».

Следующее письмо отцу:

Я ушел в армию еще совсем мальчиком, когда у меня, кроме порыва, не было ничего твердого и определенного... Сейчас я пока командир 23-го запполка, но вскоре бригада переходит на трехполковой состав, и крайний полк расформировывается. Осенью, по всей вероятности, уеду держать экзамен в академию, но только вряд ли выдержу, если не дадут месяцев двух отпуску для подготовки по общеобразовательным предметам, а то ведь что и знал, то позабыл все...

У честолюбивого юноши появляется новая цель: стать красным генералом.

Комполка ЧОН

Полк Голикова действительно расформировывают, а его направляют через штаб Орловского военного округа в Тамбовскую губернию, где в это время шёл заключительный этап борьбы с антоновским белогвардейским мятежом. 30 июня 1921 года Аркадия Голикова назначают командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом, и 4 июля он вступил в должность. Где-то здесь, в Моршанске (место дислокации штаба полка), 17-тилетний Голиков почувствовал вкус спиртного. Подавление мятежа проводилось жестокими методами, вплоть до применения химических отравляющих веществ, расстрелов заложников из числа крестьян. М.Н. Тухачевский, командующий армией против «антоновщины», отмечал: «Без расстрелов ничего не получается. Расстрелы в одном селении на другое не действуют, пока в них не будет проведена такая же мера». Для многих людей, и не только русских, есть лишь один способ снятия стресса – спиртное. Как эта жестокость отражалась на неокрепшей психике и в душе юного Голикова, неизвестно, но привычка хвататься за бутылку и принимать революционную вседозволенность за норму прижилась.

К моменту вступления Голикова в должность основные силы повстанцев потерпели поражение. В июле руководством восстания был издан приказ, согласно которому боевым отрядам предлагалось разделиться на группы, скрыться в лесах и перейти к партизанским действиям или разойтись по домам. Восстание распалось на ряд мелких изолированных очагов, которые и пришлось подавлять отдельному полку под руководством юного Аркадия Голикова. В одной из схваток в него бросили самодельную бомбу-«чугунку». Взрывом Голикова контузило, а осколками ранило ноги.

В госпитале, куда он попал, он познакомился с 16-летней медсестрой Марией Николаевной Плаксиной, с ней Голиков официально расписался в загсе. Позднее родился сын Женя, но прожил он всего два года, а брачные узы Голикова и Марии Плаксиной, не выдержав тягот военной службы Аркадия, распались.

За боевые заслуги комполка Голикова направляют на учёбу в Академию Генерального штаба. Никто же не знает, что ему всего лишь 17 лет, так как, уходя в армию, он «состарил» себя на два года. Летом 1921 года он готовится к предстоящим в сентябре вступительным экзаменам. Аркадий и Мария живут в Москве и полны светлых ожиданий и надежд, но горячим мечтам не суждено было сбыться. Видимо,

у высшего командования были кое-какие сомнения, и Голикова решили проверить ещё раз. 20 августа 1921 года Голиков отозван по запросу В.А. Кангелари – начальника штаба ЧОН (Части особого назначения). Ему вручают предписание в Приуральский военный округ, гласящее: «При сем следует в Ваше распоряжение для назначения на соответствующую командную должность тов. Голиков, бывший командующий войсками 5-го боеучастка армии по подавлению восстаний в Тамбовской губернии. О времени прибытия указанного товарища и назначении его в должность – донесите».

И вот 1 сентября 1921 года Аркадий Голиков вместе с женой Марией выехали в Екатеринбург (ныне Свердловск). По приезде останавливаются они в гостинице «Пале-Рояль». Здесь будущий писатель заполнил красными чернилами все документы, необходимые для назначения на новую должность, и написал автобиографию:

Родился в Льгове, Курской губернии. Сын сельского учителя. После 1905 года переменил место жительства в Сормово Нижегородской губернии. С 10 лет с начала мировой войны остался учиться один в реальном училище в г. Арзамасе. Революционное движение захватило на школьной скамье. 14-ти лет уже состоял членом РКП. Добровольно ушел в армию в наиболее трудный для республики момент, в октябре 1918 года (Колчак), где и нахожусь до сего времени. *Был два раза ранен в ноги и контужен в правое ухо, которое разорвало* (выделено мной. – *М. Ч.*). Все время вел борьбу и чисто боевую оперативную работу. Был на Петлюровском, Польском и Кавказском фронтах, а после ликвидации таковых – по борьбе с повстанческим движением (бандитизмом) Тамбовской губернии. Занимал командные должности последовательно от комроты до начдива включительно.

5 сентября 1921 г. Екатеринбург. Голиков

Не будем останавливаться на неточностях в этом документе, отметим лишь один аспект. То ли ухо аккуратно зашили, то ли дырка была незначительной, но на фотографиях 30-х годов правое ухо на месте и отверстий в нём не видно. Ошибки допущены и в алфавитной карточке для военных, где Голиков прибавил себе три года . В графе «год рождения» стоит выведенная красными чернилами цифра «1901».

Интересно о себе написал Гайдар в личной регистрационной карточке. В графе «состояние здоровья» он отвечает: «Вполне здоров». В графе национальность он пишет, что «русский», а когда следом ставится вопрос о родном языке, оригинально отвечает: «Тот же». Здесь же он указал, что хотел бы жить в Башкирской республике, а на вопрос «имеются ли родственники за границей» вдруг ответил: «Есть, в Париже, но адреса не знаю. Фамилия Гутьер». Этот парадокс уже разобран выше.

Все документы Голиков отнёс в штаб Приуральского военного округа, где получил назначение на новую должность командира 3-го оперативного батальона ЧОН. 10 сентября 2021 года Голиков с беременной женой отбыл в Тамьян-Катайский кантон, так в Башкирии в те годы назывались уезды. Но там в основном бандитов уже выбили, и Голиков заскучал. Его тянуло в горячие бои, в схватки с врагами революции. Здесь, в Башкирии, стало уж слишком спокойно. В октябре 1921 года он один (к этому времени он и жена уже расстались) едет в Москву и снова получает боевое назначение, в Сибирь. Там еще не было покончено с бандитами, а у Голикова был большой опыт по ликвидации бандитизма на Тамбовщине и в Башкирии.

Приказом по 6-му отряду ЧОН Сибири от 24 марта 1922 года за № 83 Голиков назначен комбатом и командующим 2-м боевым районом в Хакасии между Кузбассом и нижним течением Енисея. В штаб батальона, расположенный в селе в селе Божье-Озерное, Аркадий прибыл 27 марта 1922 года и тут же с юношеской горячностью чоновца принялся за дело.

Лидером антисоветского повстанческого движения в Хакасии считался бывший урядник красноярского казачества И.Н. Соловьев. Сам он родом был из местных казаков, и потому хакасы и русские поддерживали Соловьева. Тот находил общий язык с любым хакасским мальчишкой, знал от них о каждом шаге комбата Голикова. Комбат же о Соловьеве не знал ничего: осведомителей у него не было. Малый жизненный опыт и мальчишеский максимализм не позволяли вступить в контакт с крестьянами, к которым Голиков относился свысока согласно установкам партии. Если комбат ЧОНа и шел в тайге по его следам, то видел лишь лошадиный помет, коробки из-под патронов, лыжню и всякую мелочь, что можно прочитать из его донесений, но вступить с Соловьевым в прямое столкновение не сумел. Юный Голиков оказался во враждебной среде. И это его в конце концов взбесило.

Что Голиков конкретно натворил, мы не узнаем, но, судя по методам, используемым ЧОНом, нечто выходящее за рамки. Для характеристики чоновских методов «борьбы» с бандитизмом приведём выписку из приказа, подготовленного в Красноярском ЧОНе уже после отставки комбата Голикова.

Выписка из приказа №-014/к от 21 августа 1922 года:

§1.

Напоминание об обязательном объявлении населению района о расстреле заложников.

За нападение на гарнизон Туима банды Соловьева и убийство ими красноармейца, на руднике Юлия расстрелять заложников:

1. Аешину Александру (26 лет); 2. Тоброву Евдокию (24 года); 3. Тоброву Марию (17 лет);

За убийство в с. Ужур зампродкомиссара т. Эхиль расстрелять заложников: 1. Рыжикова А. (10 лет); 2. Рыжикову П. (13 лет); 3. Фугель Феклу (15 лет); 4. Монакова В. (20 лет); 5. Байдурова Матвея (9 лет);

§2.

Для широкого распространения в объявлении населению сообщить только фамилии заложников.

Подписано: ком. вооруженными силами Ачминбойрайона и замкомчонгуб Какоулин.

Жалобы на деятельность Голикова поступали от Спириных в Ужур, Ачинск и Красноярск. Телеграмму с просьбой принять меры по спасению людей прислал заместитель председателя Усть-Фыркальского волостного исполкома Коков. 3 июня 1922 года особый отдел губернского ГПУ начал дело № 274 по обвинению Голикова в злоупотреблении служебным положением. На место выезжала специальная комиссия во главе с комбатом Я.А. Виттенбергом, которая, собрав жалобы населения, заключила свой отчет требованием расстрела бывшего начальника боеучастка. Аркадия Голикова 14 и 18 июня допросили в ГПУ. Показав, что все расстрелянные являлись «бандитами» или их пособниками, он

признал себя виновным лишь в несоблюдении при осуществлении данных акций «законных формальностей».

Упомянутый выше начальник Красноярского ЧОНа Какоулин, сам отличающийся жестокостью, наложил на деле № 274 суровую резолюцию. «Мое впечатление: Голиков по идеологии – неуравновешенный мальчишка, совершивший, пользуясь своим служебным положением, целый ряд преступлений». Но Какоулин же и спас Голикова, казалось от неминуемой гибели, видимо, по устному распоряжению Тухачевского, предложив спустить дело на тормозах и передать его в партийные органы.

Совместное заседание президиума Красноярского губернского комитета и Контрольной комиссии РКП(б) 1 сентября 1922 года постановило исключить Голикова из партии с лишением возможности занимать ответственные посты. И все 19 будущих лет, отпущенных Аркадию Гайдару судьбой, он даже и не пытался восстановиться в партии большевиков, понимая, что при рассмотрении его дела в Контрольной комиссии могут всплыть весьма негативные для него подробности.

После разбирательств в Красноярске Голикову сразу же назначили психиатрическое освидетельствование. В истории болезни с его слов записано о начале недомогания весной 1922 года. «Тут я начал заболевать (не сразу, а рывками, периодами). Всё что-то шумело в висках, гудело и губы неприятно дёргались. Появилась раздражительность, злобность. Появилось ухарство, наплевательское отношение ко всему, развинченность… Стали появляться приступы тоскливой злобности, спазмы в горле, сонливость, плакал».

В красноярской лечебнице Аркадию ставят диагноз «травматический невроз», подлечивают, и он уезжает в Москву, не желая комиссоваться. Ещё раз пытается поступить в Академию, но, разумеется, не проходит медкомиссию. «Я любил Красную Армию и думал остаться в ней на всю жизнь». Для Голикова уход из РККА – это крушение всех честолюбивых надежд. В Москве он обивает пороги РВСР и добивается своего. Его официально отправляют в отпуск и выдают удостоверение. Вот оно:

18 ноября 1922 г. № 407178 г. Москва

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие бывшему командиру 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом товарищу Голикову Аркадию Петровичу в том, что заместителем председателя Революционного Военного Совета республики разрешен ему шестимесячный отпуск с сохранением содержания по последней занимаемой должности, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Заместителем РВСР в ту пору был Склянский Эфраим Маркович.

В мае 1923 года шестимесячный отпуск закончился, а Голиков все еще не восстановил свое здоровье, хотя настойчиво лечился в Первом красноармейском коммунистическом госпитале в Москве. Голикову уточнили диагноз: «Истощение нервной системы в тяжелой форме на почве переутомления и бывшей контузии, с функциональным расстройством и аритмией сердечной деятельности». Ездил на бальнеологический курорт в Красноярскую губернию, но…

Тяжелейшие думы не отступают (времени на них с избытком). Военная косточка явно унаследована Аркадием от деда, дворянского

капитана Аркадия Геннадьевича Салькова, и вот она сломалась, эта косточка. Что же делать дальше? Путь в Академию при Генштабе закрыт навсегда. Как освоиться в мирной жизни? Быть простым инженером не позволяло тщеславие, перенятое от деда и матери. «Самое главное, что я запомнил, это то, с каким бешеным упорством, с какой ненавистью к врагам, безграничной и беспредельной, сражалась Красная Армия одна против всего белогвардейского мира». Эта ненависть стучала в сердце Аркадия пеплом Клааса до конца дней.

Пойти по стопам отца? Петр Исидорович к этому времени вернулся после демобилизации в Арзамас. Здесь он назначается председателем правления Единого потребительского общества (ЕПО) и руководит торговой деятельностью всего района. Нет! Это слишком мелко для него. На этот его вывод наталкивают слова Аркадия из письма отцу: «А все-таки чудно, право, чем черт не шутит. Был ты и учителем, и чиновником, и солдатом, и офицером, и командиром, и комиссаром, а теперь, на тебе, – новый номер, – краскуп». Краскуп – красный купец. Так военные презрительно прозвали гражданских, занимающихся торговлей.

А как же прославиться, если не удалось этого сделать в военной форме? И Аркадий вспоминает о писателях, о своих стихах, о Луи Буссенаре, чью повесть «Капитан Сорви-голова» ему читала в подлиннике мать. О заметках, которые иногда вел между фронтами. Да, хватило у него сил и ума найти свою нишу. В этот год Голиков начинает писать повесть-воспоминание «В дни поражений и побед». И работает над ней напряженно, истово, как большинство психически неуравновешенных людей.

19 апреля 1924 года по личному составу армии появляется приказ № 102 Революционного Военного Совета СССР за подписью М. В. Фрунзе: «Зачисляется в резерв при Управлении РККА б. командир 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом Голиков Аркадий Петрович с первого апреля сего года». Это еще не демобилизация, не увольнение из рядов Красной Армии. Аркадий продолжает получать военную зарплату, ходить в форме комсостава. Он зачислен в резерв при Управлении.

Летом 1924 года Голиков узнаёт о смертельной болезни матери, о том, что она находится на лечении в Алупке близ Ялты, и хочет быть ближе к ней, обосноваться в Крыму. Одновременно понимая, что долго держать его в резерве руководство РККА не захочет (он – выжатый лимон), обращается в РВС СССР, чтобы прикрепили его по воинскому учёту к Крыму. Ему пошли навстречу. 14 августа 1924 года по Реввоенсовету СССР издается приказ № 247: «б. командир 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом Голиков Аркадий Петрович увольняется в бессрочный отпуск с зачислением на учет по Симферопольскому уезду». Вскоре Наталья Аркадьевна умирает, и с Крымом его более ничего не связывает.

Журналист Гайдар

Аркадий Петрович Гайдар – по жизни редкий счастливчик. Но даже ему, не только родившемуся в сорочке, но и умному, далекому от ложной скромности человеку, нужны помощники, способные подсказать, свести с другими нужными людьми. Небольшой уездный город Арзамас, как ни удивительно, оказался богат на таких нужных людей.

И первый из них Е.И. Ефимов, у которого юный Адик был адъютантом. Одно дело пойти на фронт в окопы, а другое – в мягкий штаб-вагон командующего.

Задумал Аркадий стать писателем – вот тебе старый наставник и советчик из Арзамаса. Им оказался любимый им учитель русского языка и литературы в Арзамасском реальном училище большевик Николай Николаевич Соколов. Он тот, кого два Адика (Голиков и Гольдин) прозвали Галчонком за прыгающую походку, чёрные волосы и чёрные уголья глаз. Он частенько захаживал в дом Голиковых по вечерам, баловался с хозяевами крепким чайком, вел политические беседы, ибо своей семьи у него не было. Соколов привил Аркадию любовь к литературе, всячески поощрял и развивал его способности.

Теперь он профессор в одном из военно-политических вузов Ленинграда. Как не идти к счастью, если оно само идёт к тебе? Голиков принимает решение поселиться в Ленинграде и вновь обращается в Реввоенсовет с просьбой перевести его из Крыма на военный учет в Ленинград. 1 ноября 1924 года за № 368 последовал еще один, уже последний приказ Реввоенсовета СССР, касающийся военнослужащего Голикова: «Во изменение приказа РВС СССР по личному составу армии от 14/VIII сего года № 247 состоящий в резерве при Управлении РККА бывший командир 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом Голиков Аркадий Петрович увольняется в запас с 1 ноября сего года, с зачислением на учет по гор. Ленинграду». Не лишённый пижонства, он тратит весь аванс на одежду – командирские хромовые сапоги, буденовку и длинную кавалерийскую шинель. Тому, кто смотрел кинофильм «Бег» и видел генерала Хлудова в такой шинели, легко представить Голикова, переезжающего в Ленинград.

Николай Николаевич Соколов поселяет Голикова у себя. Тот читает учителю законченную повесть «В дни поражений и побед». Любимый учитель тепло отзывается о труде ученика и знакомит его с известными на ту пору советскими писателями: Константином Фединым, Михаилом Слонимским, Ильей Садофьевым и Сергеем Семеновым. Константин Федин, как следует из автобиографии 1934 года, интеллигентно сказал ему: «Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете». Что ж, хорошее напутствие на литературную деятельность.

В конце октября 1924 года он шлет письмо сестрам Ольге и Екатерине, в котором сообщает: «Дела мои идут замечательно хорошо. Прием переработанная книга встретила исключительно хороший. Такого я даже не ожидал. Но по техническим причинам выйти в свет она может только к 25 декабря». В пространном радостном письме Аркадий пишет, что познакомился с писателями. И только в самом конце одной строкой, да и то в качестве постскриптума, вставляет: «Только одно тяжело страшно… терять маму теперь». Страшно *теперь*, когда она могла бы порадоваться успехам сына в литературе.

Опытные коллеги по писательскому цеху посоветовали, что знание военной среды – это ещё не знание всей полноты жизни. Её надо знать досконально и посоветовали «побродить» по Руси. В марте 1925 года, судя по датировке нового письма сестре Наталье Петровне, он еще в Ленинграде. Ему город нравится природой, погодой, двухкомнатной квартирой, снимаемой за «6 червонцев в месяц», и дружеским отношением известных писателей. В апреле он уже во Владикавказе… и далее везде.

В июле 1925-го, побывав на отдыхе в Абхазии и Гаграх, отметившись в Щиграх и Харькове, Аркадий Петрович пешочком, как Максим Горький,

двигается к Донбассу в поисках познания людей и жизни, надеясь получить там «спокойное место». В письме Семёнову, члену редколлегии альманаха «Ковш», где впервые вышла его повесть «В дни поражений и побед», сообщает, что побывал в Щиграх у родственников отца. О данном факте мало кто знает.

Я прожил немного в уездном городишке Щигры у своей тетки, которую увидел в первый раз за всю жизнь. И когда взбаламутил всю ее семью, закрутив помимо своей воле голову своей двоюродной сестрице, когда помог разгрузить уголок одной из комнат от ветхозаветной позолоты, смазанной лампадным маслом, то мне дано было почувствовать, что ни родство, ни мое эффектное, но мало понятное звание литератора не служат достаточным основанием к дальнейшему пребыванию в сием богоспасаемом доме. И я ушел, посвистывая, потому что у меня был еще червонец в кармане, табак в кисете и неизменная трубка во рту.

Аркаша Голиков родился на юге России в Курской губернии. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, «гайдать» с пометкой *юж. кур*. (то есть южное, курское) означает «бегать, шататься, лытать». Первые четыре с половиной года он прожил на Курской земле и неоднократно слышал это слово. И вот, приехав на родину уже взрослым, 21-летним человеком, он опять услышал слова «гайдать», «гайдай», «гайдар». Они ему понравились. Услышал поговорку «Гайдай – те саме, що гайдар» и решил взять его в псевдонимы, так как понял, что такое прозвище получает быстрый, проворный, резвый, расторопный человек, каковым он себя считал. И уже 7 ноября 1925 года при публикации в пермской газете «Звезда» новеллы «Угловой дом» подписывает её «Гайдар».

Косвенным подтверждением служат и призывы, коими он часто заканчивал письма свои друзьям: «Гей! Гей! Не робей! Твёрже стой и крепче бей»! (А где «гей!», то ищи рядом и «гай!» – идём.)

С конца XX века с этой версией легко согласиться, так как широко известен и популярен другой человек с подобной по смыслу фамилией Леонид Гайдай, комедийный режиссёр. Отец Леонида Гайдая родом с Полтавщины, то есть тоже с юга России.

Взять же за основу псевдонима вопросительное хакасское слово «хайдар» (куда?) не решился бы даже мазохист, так как оно ежедневно напоминало бы ему о тяжелейшем периоде в жизни. Сам Гайдар на вопросы об истоках псевдонима отмалчивался, тем самым давая повод разным толкам и мифам. Один из которых гласит, что в переводе с монгольского это якобы «всадник, скачущий впереди», но сами монголы опровергли эту точку зрения. На мой взгляд, притянута за уши версия аббревиатуры, предложенная сыном Тимуром уже после Великой Отечественной войны. Суть её такова, что в слове «гайдар» зашифрованы начальные буквы **Г**оликов **А**ркади**Й**, а **Д** заимствовано из французского, как «из» **АР**замаса. И кто ответит внятно на вопрос: почему именно в ноябре 1925 года Голиков вспомнил об аббревиатуре, тогда как первая повесть «В дни поражений и побед», вышедшая в этом же 1925 году, подписана истинным именем?

Как Голиков оказался в Перми? И тут вступает в роль третий арзамасский помощник – Александр Плеско. Близкий друг по АРУ был в своё время редактором арзамасской газеты «Авангард», а 1925 году

стал заместителем редактора пермской газеты «Звезда». О нём Аркадий вспомнил, бродя по Украине и Донбассу в поисках правды жизни. Он пришёл к правильному выводу, что ничто так не сближает с жизнью, как журналистика. Вернувшись из похода, Гайдар организует с ним встречу в Москве, и Плеско предлагает ему место штатного корреспондента в своей газете. Гайдар плодовит и энергичен, кроме фельетонов и рассказов публикует с 10 января по 3 марта 1926 года повесть «Жизнь ни во что», а потом ставший широко известным рассказ «Р.В.С.».

В конце 1925 года при сборе архивных данных о революционных событиях в Перми знакомится и женится на 18-летней комсомолке Рахили (Лии) Соломянской, отец которой был членом Пермского губернского комитета РКП(б), а с 1925-го – председателем биржевого комитета. Немалый чин в пермской партийно-хозяйственной иерархии, а Аркадий Гайдар уже на своём опыте ощутил всю ценность важных связей.

Весной, оставив беременную юную жену в Перми, с новым другом Кондратьевым отправился путешествовать в Среднюю Азию. Оттуда шлёт путевые заметки в «Звезду», а также печатается в местной прессе: «Правда Востока», «Туркменская искра». В Средней Азии Гайдар увлёкся изучением истории, и его привлёк образ жестокого полководца Тимура – Тамерлана. Жестокость (может быть, помягче – жесткость) он считал основной чертой характера военного человека. Гайдар так очаровался Тамерланом, что написал в письме жене, переехавшей из Перми к маме в Архангельск, что если родится сын, то назвать его Тимуром. Жена выполнила просьбу Аркадия, но дала сыну Тимуру свою фамилию в свидетельстве о рождении. Благодаря Гайдару нерусское имя Тимур широко распространилось по просторам СССР и РФ. Оно особенно стало популярным (модным) после выхода в свет в 1940 году повести «Тимур и его команда».

Вся жизнь Аркадия Гайдара, как журналиста, так и писателя – в бесконечных поездках по огромной, великой стране, то по журналистским делам, то на отдых, то на лечение, то к друзьям, то в поисках тихого, спокойного места, где хорошо пишется. Недаром Гайдар в одном из многочисленных писем признался, что вагонная полка – это лучшая его квартира. Поэтому описывать все его перемещения по стране с указанием места, где написано то или иное произведение, значит полностью запутать читателя. Да мало что это даст в познании личности Гайдара, его творческого метода.

Литературный путь Аркадия Гайдара был прям, как полёт пули, – героизация Гражданской войны и успехов Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), романтизация посильной помощи армии от детей. Самые известные его произведения: повесть «В дни поражений и побед», рассказы «Р.В.С.», «Угловой дом», «На графских развалинах», повесть «Школа», рассказ «Четвёртый блиндаж», повесть «Дальние страны», повесть «Военная тайна», рассказ «Голубая чашка», повести «Судьба барабанщика», «Дым в лесу», «Чук и Гек», «Тимур и его команда», рассказ «Горячий камень». В каждом рассказе, повести или киносценарии (Гайдар писал и их) непременно упоминаются солдаты, командиры (слово «офицер» применимо только к белым) РККА. Их образы, даже самые незначительные и проходные, выпестованы с такой горячей любовью, что напоминают греческих героев, атлантов, титанов, богатырей типа Ильи Муромца. А какой мальчишка не хочет стать героем?

Судьба

В одном из своих писем другу и писателю Рувиму Фраерману он признаётся в 1938 г.: «Милый Рувим, я ведь на самом деле сирота, и друзей у меня очень мало…» Твёрдого семейного счастья Гайдар так и не обрёл. С сыном Тимуром (антисоветские злопыхатели после 1991 года будут утверждать, что Тимур – не его сын) он впервые встретился, когда тому было уже два года. В 1931 году, когда он с Тимуром отдыхал в Артеке, от него ушла жена Лия Соломянская к заместителю редактора журнала «Октябрь» Израилю Разину. Биографы Соломянской пишут, что она не выдержала пьянок и дебошей со стороны писателя-алкоголика Гайдара.

В январе (будет там по сентябрь 1932 года) Гайдар уезжает на Дальний Восток. В Хабаровске работает собственным корреспондентом (разъездным) дальневосточной газеты «Тихоокеанская звезда». Живет в общежитии при редакции вместе с журналистом Борисом Германовичем Заксом, работавшим впоследствии многие годы в журнале «Новый мир». Б.Г. Заксу пришлось отводить Гайдара в психиатрическую лечебницу. Он позже рассказывал, что Гайдар не был запойным или хроническим алкоголиком. Гайдар был иным, он зачастую бывал «готов» еще до первой рюмки. Детально обследовавшие его врачи вывели такое заключение: алкоголь – только ключ, открывающий дверь уже разбушевавшимся внутри силам.

Осенью, по возвращении в Москву, у него завязываются дружеские отношения с детской писательницей Анной Яковлевной Трофимовой (1898–1980), у которой две дочери – Эра (Ира) и Света. Трофимова становится гражданской женой писателя. Их незарегистрированный брак длится несколько лет. Гайдар полюбил девочек, играл с ними, придумывал им разные смешные и ласковые прозвища, в качестве героинь вывел в своих произведениях.

В период с 1932 по 1934 год в московских и ленинградских издательствах «Молодая гвардия» и Детгиз опубликованы многие книги Гайдара. В 1934 году в стране создан Союз писателей СССР, и Аркадий Петрович Гайдар становится одним из первых его членов. Он уже любимый писатель советской пионерии.

Зиму 1934–1935 годов живёт в Арзамасе и в деревне рядом с городом вместе Анной Трофимовой и её детьми. Задумывает и пишет «Голубую чашку». В 1935 году А.П. Гайдар, согласно исследованиям его биографов, в официальном порядке расторгает брак с Лией Соломянской, возможно, для того, чтобы узаконить отношения с Анной Трофимовой. Но… не судьба. Судя по переписке с А.Я. Трофимовой и ее дочерьми, А.П. Гайдар в период с 1935 по 1937 год часто болеет, лечится, а в перерывах между болезнями и лечениями ходит в походы. Переписка и отношения Гайдара и Трофимовой заканчиваются в конце 1937 года.

После Арзамаса возвращается в Москву, где в Союзе писателей проходит обсуждение его повести «Военная тайна». Тяжело переживает критику этого произведения. Очередное нервное потрясение. Оставляет Москву и едет лечиться в санатории Крыма. Подлечившись, осенью возвращается на короткое время в Москву, а затем направляется в подмосковный дом отдыха писателей в Малеевке. С 1936 года начинает работать в кино.

В 1937 году знакомится с писателями Константином Паустовским и Рувимом Фраерманом и проводит с ними лето и осень в селе Солотча Рязанской области. Пишет здесь «Судьбу барабанщика».

Один эпизод из совместных путешествий трёх друзей уже освещён выше. А вот как отзывается о творчестве и личности Гайдара Константин Паустовский в очерке к 50-летию со дня рождения Гайдара.

В своих воспоминаниях я приведу несколько таких кажущихся мелочей, тех «малых капель вод», в которых все же отражается солнце.

Это очень трудно – воссоздать образ ушедшего от нас человека без всяких прикрас, без того, чтобы не изображать его сусальным и шаблонным героем.

Иные воспоминания о Гайдаре как раз грешат этим. За мишурой, за слащавым умилением исчезает подлинный Гайдар – человек сложный, временами трудный, во многом противоречивый, как большинство талантливых людей, но обаятельный, простой и значительный в любом своем поступке и слове.

Есть очень верное выражение: «В настоящей литературе нет мелочей». Каждое, даже на первый взгляд ничтожное слово, каждая запятая и точка нужны, характерны, определяют целое и помогают наиболее резкому выражению идеи. Хорошо известно, какое потрясающее впечатление производит точка, поставленная вовремя.

Он всегда был полон веселья, Гайдар. Искорки смеха роились в его серых глазах и исчезали редко – или во время работы, или в тех случаях, когда Гайдар сталкивался с карьеристами и халтурщиками. Тогда он становился жесток, беспощаден, бледнел от гнева.

Спуску он никогда не давал. Он приходил в ярость от мышиной возни маленьких и злых от неудовлетворенного тщеславия людей. Он преследовал их едкими стихами и беспощадными эпиграммами. Его боялись.

Гайдар был настоящим и большим человеком. Поэтому каждая даже «как будто бы мелочь», связанная с ним, определяет новую черту его глубокой натуры. ...Главным и самым удивительным свойством Гайдара было, по-моему, то, что его жизнь никак нельзя было отделить от его книг. Жизнь Гайдара была как бы продолжением его книг, а может быть, иногда их началом. Почти каждый день Гайдар был наполнен необыкновенными происшествиями, выдумками, шумными и интересными спорами, трудной работой и остроумными шутками.

Все, что бы ни делал или говорил Гайдар, тотчас теряло свои будничные, наскучившие черты и становилось необыкновенным. Это свойство Гайдара было совершенно органическим, непосредственным – такова была натура этого человека.

Он прошел по жизни, как удивительный рассказчик, трогавший до слез детские сердца, и вместе с тем как проницательный и суровый товарищ и воспитатель.

Детей, особенно мальчишек, он знал насквозь, с одного взгляда и умел говорить с ними так, что через две-три минуты каждый мальчишка готов был по первому слову Гайдара совершить любой героический поступок.

И от себя добавим: и совершали!

В 1938 году А.П. Гайдар заканчивает повесть «Судьба барабанщика» и сразу же принимается за рассказ «Телеграмма» (первый вариант рассказа «Чук и Гек»). На даче в подмосковном Клину знакомится с дочерью хозяина Дорой (Дарьей) Матвеевной Чернышевой (урожденной Прохоровой). 17 июля официально регистрирует с ней брак

и удочеряет ее дочь Евгению. Затем остаток лета и почти всю осень живёт и работает в Солотче. Союз писателей СССР, наконец, выделил ему комнату в коммунальной квартире в доме № 8 по Большому Казенному переулку. Отсюда Гайдар уйдёт на фронт Великой Отечественной войны в качестве военного корреспондента.

1 февраля 1939 года, в преддверье большой войны, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении советских писателей. 172 литератора были награждены орденами СССР. По неведомым критериям одна часть писателей (21 человек) получила высшую награду страны – орден Ленина, другим вручили орден Трудового Красного Знамени, а третьей группе – младший орден «Знак Почета». В этой третьей группе – Аркадий Гайдар и нижегородец Николай Кочин. Нет нигде упоминаний, что они лично были знакомы.

«И всё бы хорошо, да что-то нехорошо» – есть такие слова в повести «Военная тайна». Так и с Гайдаром. В дневнике от ноября 1940 года он запишет: «Вчера, 28-го, написал письмо Рувиму. Мучает меня совесть, а о чём – точно не знаю». Вот это письмо.

Здравствуй, Рува!

Я живу в лечебнице Сокольники. Здоровье мое хорошее… Одна беда – тревожит меня мысль – зачем я так изоврался… Казалось нет никаких причин, оправдывающих это постоянное и мучительное вранье, с которым я разговариваю с людьми… образовалась привычка врать от начала до конца, и борьба с этой привычкой у меня идет упорная и тяжелая, но победить ее я не могу… Иногда я хожу совсем близко от правды, иногда – вот-вот – и веселая, простая, она готова сорваться с языка, но как будто какой-то голос резко предостерегает меня – берегись! Не говори! А то пропадешь! И сразу незаметно свернешь, закружишь, рассыплешься и долго потом рябит у самого в глазах – эк, мол, куда ты, подлец, заехал! Химик!

Сын Тимур вспоминал, что отец в припадках истерии и головных болей резал себя бритвами, чтобы «перенести» боль из головы на тело.

Некоторые люди с психическими отклонениями, тем более после травм головы (под Голиковым два раза убивали лошадь, и он падал на полном скаку) открывают в себе исключительные способности. В медицине такие случаи зафиксированы. То они начинают говорить на древнегреческом языке, то «вспоминают» истории тысячелетней давности, будто непосредственные участники, то умножают трёхзначные цифры на четырёхзначные в течение пары секунд. Писатель Аркадий Гайдар отличался феноменальной памятью.

Процитируем ещё несколько эпизодов из воспоминаний Паустовского:

Дольше всего мне пришлось прожить вместе с Гайдаром в селе Солотче, под Рязанью, в Мещерских лесах. Там он задумывал и писал некоторые свои повести и рассказы.

Писал Гайдар совсем не так, как мы привыкли об этом думать. Он ходил по саду и бормотал, рассказывал вслух самому себе новую главу из начатой книги, тут же на ходу исправлял ее, менял слова, фразы, смеялся или хмурился, потом уходил в свою комнату и там записывал все, что уже прочно сложилось у него в сознании, в памяти. И затем уже редко менял написанное.

<...>

Иногда Гайдар приходил и без всяких обиняков спрашивал:

– Хочешь, я прочту тебе новую повесть? Вчера окончил.

– Конечно, читай.

И тут происходило непонятное. Обычно в таких случаях писатель вытаскивает рукопись, кладет ее на стол, разглаживает ладонью, торопливо закуривает, причем папироса у него тут же тухнет, говорит несколько невнятных и жалких слов о том, что он совсем не умеет читать и рукопись к тому же еще совершенно сырая, и только после этого хриплым и прерывающимся голосом начинает читать.

Гайдар никакой рукописи из кармана не вынимал. Он останавливался посреди комнаты, закладывал руки за спину и, покачиваясь, начинал спокойно и *уверенно читать всю повесть наизусть страницу за страницей* (выделено мной. – *М. Ч.*).

Он очень редко сбивался. Каждый раз при этом краснел от гнева на себя и щелкал пальцами. В особенно удачных местах глаза его щурились и лукаво смеялись.

Раза два мы, его друзья, на пари следили за его чтением по напечатанной книге, но он ни разу не спутался и не замялся и за это потребовал от нас такое неслыханное выполнение пари – что-то вроде покупки для него подвесного лодочного мотора, – что мы бросили это дело и никогда больше Гайдара не проверяли...

Наступил роковой 1941 год. От 14 января в дневнике запись: «На несколько дней опять уехал в Сокольники». Санаторий в Сокольниках – это заведение психоневрологического направления. 29 января опять поехал в санаторий «Сокольники». Здесь он познакомился с проходившей реабилитацию после менингита Зоей Космодемьянской. Много времени провёл с ней в беседах Аркадий Гайдар.

А вот запись в Клину от 4 марта:

...Раньше я был уверен, что всё пустяки. Но, очевидно, я на самом деле болен. Иначе откуда эта легкая ранимость и часто безотчётная тревога? И это, очевидно, болезнь характера. Никак не могу понять и определить, в чём дело? И откуда у меня ощущение *большой* (выделено мной. – *М. Ч.*) вины. Иногда оно уходит, становится спокойно, радостно, иногда незаметно подползает, и тогда горит у меня сердце и не смотрят людям в лицо глаза прямо.

Мучительная плата за подростковые желания иметь револьвер, за юношеские желания стрелять во врагов революции, за взрослые мечты – стать знаменитым писателем. В жизни за всё приходится платить: здоровьем ли, покоем ли, душевным миром.

Когда началась Великая Отечественная война, Аркадий Петрович сразу попросился на фронт. Однако по состоянию здоровья его не взяли, и тогда он поехал на войну корреспондентом от «Комсомольской правды» (18 июля). Перед отправкой на Юго-Западный фронт произвел соответствующие распоряжения по наследованию его авторских прав.

На фронте принимал участие в боевых операциях, написал военные очерки «У переправы», «Мост», «Война и дети», «В добрый путь», «У переднего края», «Ракеты и гранаты». В августе на несколько дней приезжал в Москву. Встречался с родными, передал в редакцию «Комсомольской правды» рукописи очерков – для последующей публикации. Выступает по радио.

30 августа Гайдар снова возвратился на фронт. Под Киевом попал в окружение. Известному писателю предложили место в самолете

до Москвы, но он отказался. Гайдар мечтал собрать из бойцов, не успевших выйти из окружения, партизанский отряд и продолжить борьбу. Отряд был собран, командовал им Горелов, а Гайдар стал пулеметчиком. Однако повоевать красному бойцу и писателю с фашистами, как планировалось, не удалось… Утром 26 октября 1941 года Аркадия Гайдара сразила немецкая пуля в краткой схватке на железнодорожных путях у будки обходчика возле села Лепляво Каневского района Черкасской области.

В 1947 году председатель Союза советских писателей Александр Фадеев на приёме у Сталина попросил провести перезахоронение с отданием военных почестей праха Аркадия Гайдара из безымянной могилы возле железнодорожной ветки в Каневском районе на Новодевичье кладбище в Москве. Были отданы соответствующие указания. Однако Никита Хрущёв, правивший тогда на Украине, посмел перехватить инициативу. Прах Гайдара захоронили на высоком берегу Днепра в парке возле могилы Тараса Шевченко.

У некоторых исследователей до сих пор нет уверенности, что в Каневе похоронен именно Гайдар. Мистическим подтверждением может служить такой факт. Через два года после захоронения могильная плита с надписью «Аркадий Гайдар» дала трещину. Ее заменили на новую. Но и та треснула через некоторое время.

Гайдар любил тайны, они и сопровождали его всю жизнь: тайна рождения, тайна работы в Сибири, тайна смерти.

Вместо P.S.

В декабре 2023 года на радио «Вести-ФМ» радиожурналист сообщил, что в Смоленске подростки забросали снежками пламя Вечного огня. И задался извечным риторическим вопросом: «Что делать?» Ответ есть: **надо включить в школьную программу по литературе произведения Аркадия Гайдара**. Они учат подростков любви к Родине, они помогут избавить молодых от лжи, трусости, злобы, эгоистического своеволия и пренебрежения к интересам других людей.

Вячеслав ФЁДОРОВ

Родился в 1947 году в г. Шумерля Чувашской Республики. Журналист, краевед. Работал в нижегородских газетах, вел военно-патриотическую тему. Побывал во многих военных и во всех пограничных округах, в горячих точках: афганское приграничье, Нагорный Карабах, Чечня.

Автор ряда книг и составитель сборников на военную тему, за которые получил премии Министерства обороны СССР, главкома ВВС, начальника погранвойск СССР. Живет в Нижнем Новгороде.

ПОСЛЕДНЕЕ НЕБО ЧКАЛОВА

К 120-летию со дня рождения легендарного летчика-испытателя, Героя Советского Союза

16 декабря 1938 года страна погрузилась в скорбь. Первые страницы центральных газет вышли опоясанными жирными чёрными рамками. Страшная весть мгновенно распространилась по всей стране. У газетных киосков выстроились очереди. С напечатанных фотографий на читателей смотрело знакомое лицо. Газета «Правда» сообщала:

...Погиб великий лётчик нашего времени, имя которого являлось синонимом героизма и мужества. Валерий Чкалов был храбрейшим из храбрых. Среди советских лётчиков он пользовался громадным уважением как несравненный мастер своего дела. Среди всего советского народа он пользовался широчайшей известностью и любовью как народный герой...

Из подробностей было известно одно, что днём раньше лётчик погиб «при испытании нового самолёта».

Что это был за самолёт и подробности происшедшего стали известны лишь через многие годы.

Попробуем в мелочах восстановить события тех дней. Тем более потому, что со временем эти подробности наслоились слухами и домыслами. Верховодить стала версия об убийстве Чкалова: мол, авария самолёта, на котором он летел, была специально подстроена. Но так ли это?

Известно, что расследованием аварии в разные годы занимались несколько комиссий, но ни одна не нашла следов преднамеренного убийства лётчика. Всё было списано на неустранённые дефекты новой машины, за что и пострадали многие ответственные работники авиационного завода.

1

Начнём издалека. Годом раньше Сталин собрал в Кремле всех авиационных конструкторов на секретное ночное совещание. Это был узкий круг, многие конструкторы были арестованы и трудились в «шарашках», приспособленных для работы.

Сталина беспокоила ситуация с истребителями, сложившаяся на воздушных фронтах в Испании, где сражались советские лётчики-добровольцы. От их имени на секретном совещании выступил командир эскадрильи лётчик Анатолий Серов, имевший псевдоним Родриго Матеу. На его счету было 8 сбитых самолётов врага.

Сталин уже знал, что советские самолёты И-16, посланные в Испанию, значительно уступали немецким «мессершмиттам». Об этом говорил и лётчик Серов. Он начал доклад деловито и обстоятельно, но сбился на панические нотки. Сталин слушал, не перебивая лётчика, давая создателям самолётов проникнуться тревожной обстановкой, и, наконец, жёстко потребовал от них «положить конец истреблению лучших кадров советской авиации в небе республиканской Испании».

Наступило тягостное молчание. Нетрудно было догадаться, что у советской авиации не было ни одного истребителя, готового противостоять поставляемым в Испанию немецким машинам.

Пауза затянулась. Молчание стало тревожным и тягостным. Наконец его нарушил голос авиаконструктора Поликарпова. Он заявил, что «попытается вывести истребительную авиацию из прорыва».

– Значит, вы считаете, что можно в этом важном деле на вас положиться? Вы уверены в успехе? – спросил Сталин.

– Мы сделаем все возможное, товарищ Сталин! – ответил конструктор.

Год как в обстановке полной секретности и в специально отведенной выгородке на авиазаводе № 156 лучшие конструкторские силы ОКБ Поликарпова колдовали над новым самолетом.

К ноябрю 1938 года самолет стал реальностью. К испытанию первенца готовился лётчик-испытатель Валерий Чкалов. Он досконально изучил конструкцию самолета, познакомился с процессом его изготовления.

«Чкалов постоянно мешал работать, часами сидя в машине и под ней и расспрашивая, что к чему», – вспоминал потом один из мотористов-механиков, готовивших самолет к испытаниям.

2

17 ноября 1938 года лётчик-испытатель Герой Советского Союза Валерий Чкалов получает разрешение на краткосрочный отпуск. Наступило межсезонье: ни зима, ни осень. Туманы, дожди, снежок, слякоть… Аэродром закрыт. Метеорологи погоду не дают.

Отдых был кстати. Лето выдалось рабочим, и он лишь урывками выбирался с семьёй на дачу в Серебряный бор, а вот на своей любимой Волге так и не побывал. К тому же и депутатские дела подталкивали. Надо бы встретиться с избирателями. В этом отношении Чкалов был обязательным человеком. И вот есть повод и время.

В конструкторском бюро договорился с Поликарповым: «Нужен буду – вызывайте».

Новый истребитель был почти на выходе. Так что плохая погода была кстати, помогала доделать машину. Вывоз её для испытаний откладывался.

Даже не верилось, что всего за год создали новый самолёт.

В Горький Чкалов приехал без лишнего шума и сразу же с вокзала поспешил к сестре Софье, семья которой жила неподалеку.

Через пару дней он уже выступал на собрании стахановцев. Вечерком заглянул к старому товарищу отца врачу Постникову. Потом поехал к брату Алексею.

21 ноября. Давайте запомним эту дату. Она нам пригодится.

В этот день он с другом детства, а сейчас директором ленинградского завода Павлом Волковым, заглянули в редакцию газеты «Горьковская коммуна». Тут их и «застукал» прибежавший с задания фоторепортер Нисон Капелюш. Он с Чкаловым давно был в приятелях. Друг друга они называли по имени, правда, Чкалов несколько переиначил труднопроизносимое имя Капелюша и звал его Анисимом.

– Вот так, Валерий, посиди, сейчас я тебя щелкну! Газету только раскрой, почитай!

Чкалов отпускал шуточки в адрес фотографа, а тот суетился со своей «лейкой», будто подначки его и не касались.

– Валерий, еще просьба. В шинели я тебя не снимал. Придется идти на улицу.

– Анисим, уймись, дай газету почитать!

– Потом, все потом…

Они вышли на улицу, прошли в садик, где было безлюдно. Шел небольшой снежок. Он опушил деревья, прикрыл тропинки.

Чкалов не знал, куда деть руки. Засунуть в карманы – несолидно, военный все-таки.

– Анисим, ну подскажи, что ли.

– Пройдись по тропиночке. Так. А теперь иди на меня. Руку в шинельку… Так, хорошо!

– Ладно, уймись, хватит.

Погода была хорошей, снег делал снимки графичными, и фотографу было жалко отпускать такую модель. Он сделал еще несколько кадров.

Нисон Михайлович Капелюш, рассказывая о своих встречах с Чкаловым, признавался, что очень любил его снимать. У Валерия Павловича было живое лицо, он был азартен в разговоре и очень подвижен. Не надо было специально выстраивать кадр: поднял «леечку» – и щелкнул.

Этот снимок, сделанный в детском сквере на улице Свердлова в Горьком, стал последним в жизни летчика.

Нисон Михайлович сокрушался, что не принял предложение Чкалова махнуть в Василево. Чкалов приглашал его на охоту.

– Вот где кадры-то будут. Зайчишек погоняем…

Знать бы тогда, но кто же думал о плохом…

Туда, в родное Василево, а вернее, уже в Чкаловск, пришла телеграмма. Датирована она 1 декабря.

Все готово. Ваше присутствие срочно. Ждем.

Только он знал, о чем идет речь в телеграмме. Прощаясь, обещал матери следующим летом погостить подольше.

3

2 декабря 1938 года он уже был в Москве.

Через пять дней самолет с индексом И-180 был вывезен на аэродром. В дефектной ведомости было зафиксировано около 100 недоделок.

Много позже, когда этот факт будет рассекречен, он станет поводом для сенсационных газетных публикаций. И возникнет главный вопрос: как такую сырую машину могли допустить к испытаниям?

В мемуарах опытных лётчиков-испытателей той поры можно прочесть, что множественное количество недоделок их не особенно смущало. Конечно, если бы недостатки были серьёзными, то никто бы машину в небо не выпустил. Под документом о первом вылете ставят свои подписи многие ответственные лица, для которых, случись что, он становится приговором.

Для КБ Поликарпова первый вылет новой машины был важен. И в первую очередь дело касалось финансов. И-180-й, оторвавшись от земли, автоматически переходил в другой рабочий график: заканчивался период конструирования и строительства самолёта и начинался период его испытаний и доводки.

Для завода – это премии.

Для Чкалова – работа на следующий год.

А вот теперь коснемся психологического состояния лётчика, готовившегося поднять самолёт в небо. Этот факт из биографии Чкалова долгое время оставался почти не замеченным.

От нас всегда были скрыты документы расследования катастрофы И-180-го и гибели Чкалова. Гриф секретности с этих документом сняли, и то, видимо, не со всех.

А в них отмечено, что Чкалов в дни подготовки к полёту был раздражён и не походил на себя.

В рассекреченных документах сохранилось письмо бывшего начальника летно-испытательной станции В. Порая, написанное им 15 марта 1940 года из мест заключения:

> В последнем полете Валерий Павлович (Чкалов) проявил горячность, о которой многие помнят... он кричал на Яковлева (начальник ОТК завода. – *Авт.*), называя его саботажником». Яковлев отказывался подписывать документы на первый вылет и был «против такой спешной подготовки самолета.

В том же письме есть фраза, которую В. Порай зачеркнул, полагая, что это личное и к делу не относится: «Все мое товарищеское отношение к Валерию было направлено на его воздержание от ненужного удальства…»

10 декабря 1938 года директор завода № 156 Усачев приказал готовить самолет к первому полету.

В нашем повествовании мы упустили одну важную деталь: приближался день рождения «вождя народов» Иосифа Виссарионовича Сталина. К этому дню было принято всенародно дарить подарки.

Народный комиссар оборонной промышленности М.М. Каганович позаботился о подарке еще 16 августа, определив приказом срок сдачи самолета И-180 испытателям 20 декабря, за день до дня рождения.

Полётное задание № 1 на первый вылет было крайне скромным и осторожным: «Первый вылет без уборки шасси, с ограничением скоростей, согласно указаний гл. конструктора завода тов. Поликарпова Н.Н.»

Оговаривался маршрут – Центральный аэродром. Это значит, что полет должен был проходить в границах летного поля аэродрома и никаких отклонений.

Чкалов, соглашаясь с заданием, ставит свою подпись.

Полет назначен на 15 декабря.

Чкалов задумал поднять самолет в воздух на три дня раньше – 12 декабря.

И тут случилась история, которая до сих пор выглядит как загадочная.

Перед самым вылетом на летном поле появляются две легковые машины и перегораживают взлётную полосу.

Прибывшие чины НКВД взлёт запрещают. Чкалову остаётся делать только пробежки. И хорошо, что в этот день он не взлетел – выходит из строя тяга управления газом.

Чкалов бросает фразу: «Если бы не поломка тяги, я бы показал, как самолет летает».

По сути, в этот день его спас народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия.

Это он «сигнализировал» наркому обороны Ворошилову:

Сегодня, 12 декабря с. г. в 12 часов дня, при наличии летной погоды, самолет-истребитель И-180 должен пойти в первый опытный полет. Машину поведет Герой Советского Союза комбриг В.П. Чкалов. По мнению источника, имеющиеся дефекты могут грозить катастрофой самолета в воздухе.

Письмо он решил подкрепить действиями, выслав на аэродром машины с представителями НКВД. Предполагаемое ЧП удалось предотвратить.

В газетах эта история с машинами трактовалась по-разному: одни усматривали в ней слежку за Чкаловым, другие же подводили к тому, что Берия решил поиграть с ним в кошки-мышки, а потом устранить, создав себе алиби. Но никто не обратил внимания на некий «источник», который регулярно оповещал наркома о состоянии дел на заводе.

Разве не знали о наличии этого «источника» на заводе? Знали. Но знали и то, что победа все спишет.

Загадочным остается поведение Валерия Павловича Чкалова. Почему он был таким раздражительным? Пробивным он был всегда, но здесь уже шел на таран. Почему он торопился, пренебрегая опасностью, поднять в небо сырой самолет?

Что-то в этой истории не так. Французы, когда дело заходит в тупик, советуют поискать женщину – «шерше ля фам». Уместен ли их совет в нашем случае? Оказалось, что уместен. Была ли женщина? Была. Какую роль сыграла? Попробуем узнать.

4

Тридцать лет назад журнал «Крылья Родины» задумал провести собственное расследование гибели Чкалова. Для этого в редакцию были приглашены летчики и инженеры, знавшие Чкалова и работавшие с ним. Увы, никого из них уже нет в живых. Осталась лишь стенограмма выступлений. К ней мы и обратимся.

В стенограмме, которую читаем, есть замечания о поведении летчика. Их высказал бывший начальник сектора самолетных винтомоторных установок ОКБ Н. Поликарпова В.И. Тарасов. Он, пожалуй, первым обратил внимание на душевное состояние Чкалова и на «ту нездоровую обстановку, которая сложилась вокруг летчика».

А это «осложнившиеся отношения со Сталиным, криминальные истории во время предвыборной поездки на родину, детективная обстановка, заставившая прекратить работы на взлетной полосе 12 декабря

1938 года, необъяснимый отрыв тяги управления мотора при предполетной рулежке».

И дальше опытный специалист подводит итог: «Как бы то ни было, все это ни в коей мере не способствовало душевному равновесию пилота, так необходимому ему для выполнения всех задач первого полета на новом самолете».

А еще мы хотели поискать в этой истории женщину, которая могла добавить раздрая в настроение летчика.

Первым ее имя «озвучил» писатель Юлиан Семенов в своем романе «Отчаяние», где упоминается, в частности, о взаимоотношениях Чкалова с Евгенией Ежовой, женой наркома. «…Женя стала ежедневно встречаться с Валерием Чкаловым; он словно магнит притягивал окружающих; дружили они открыто, на людях появлялись вместе».

Трудно предположить, как бы развивались их дальнейшие отношения, но 21 ноября ее не стало. Она умерла в подмосковном санатории имени Воровского. В акте вскрытия указано: «Причина смерти – отравление люминалом». Это было самоубийство.

В санаторий она попала в конце октября. Чкалов мог навестить ее там.

21 ноября… Чкалов в это время был в Горьком. Мы просили запомнить вас эту дату. К этому дню относится и последний снимок Чкалова. Пока этот просто совпадение.

Когда он узнал о смерти человека, к которому относился неравнодушно? Возможно, еще и в Горьком. А теперь представьте его состояние, когда он вернулся в Москву. Не отсюда ли его раздражительность, несдержанность, грубость и желание что-то сделать любой ценой?

В вышедшей недавно книге «КГБ: рассекреченные судьбы» ее автор Леонид Млечин дает жене наркома такую характеристику:

> Евгения Ежова, молодая привлекательная женщина, была легкомысленной особой, которая интересовалась творческими людьми. Когда-то она работала машинисткой в советском полпредстве в Берлине, потом увлеклась журналистикой, работала в «Крестьянской газете», потом стала заместителем главного редактора журнала «СССР на стройке».
>
> Сам Ежов утверждал, что и знаменитый полярник Отто Шмидт, и писатель Исаак Бабель, автор «Конармии» и «Одесских рассказов», были ее любовниками.

Но прежде чем стать женой наркома, девушка из гомельского захолустья Евгения Соломоновна Фейнгенберг, а это ее настоящее имя, вышла замуж за слесаря Хаютина. Но жизнь была скучной, однообразной, и слесарь был брошен. Вторым ее мужем стал красный командир Александр Гладун. Он и увез ее в Москву, где началась жизнь, о которой Евгения так мечтала: шикарные платья, заграничные поездки, встречи со знаменитостями.

Но, видимо, и этого ей показалось мало. Красный командир Гладун получил отставку. Третьим мужем Евгении стал нарком Ежов. Нет, когда они поженились, он был всего лишь скромным партийным работником; она смогла разглядеть в нем будущего наркома и сделала правильный выбор. В интуиции этой женщине не откажешь. В кругу кремлевских жен она получила кличку Стрекоза, Верная любовь к Ежову продолжалась недолго.

В вихрь богемной жизни она пыталась увлечь и Валерия Чкалова. А может быть, все та же интуиция подсказывала ей, что незаурядного летчика ждет хорошая карьера и возможность новой жизни для нее.

По воспоминаниям родных Чкалова мы уже знаем, что Сталин в январе 1938 года вызывал летчика в Кремль и предлагал ему должность наркома внутренних дел. Чкалов уклонился от прямого ответа и сослался на то, что надо испытать новый истребитель, который так необходим. Сталин нехотя согласился. И, как мы знаем, больше он ему не предложит этой должности. Вот когда охладели их отношения.

Что же Стрекоза? Она вновь нацелилась на нового наркома и тоже внутренних дел, хотя об этом и не знала.

А в это время Сталин уговаривает Ежова развестись с женой и обвиняет ее перед Ежовым в троцкистском прошлом.

С весны 1938 года с Евгенией Соломоновной без видимых причин стало происходить что-то непонятное. Исчезла ее жизнерадостность. Она уволилась по собственному желанию из редакции журнала и впала в болезненную депрессию. Очевидцы вспоминают, что она ничего не делала и целыми днями слушала патефон.

В конце концов ей поставили диагноз: «астено-депрессивное состояние».

Знал ли Сталин о взаимоотношениях жены Ежова с Чкаловым? Скорее всего, знал. «Источники» регулярно докладывали о жизни московской элиты, в том числе и личной. И в этих докладах не могло не зачастить имя Чкалова. Судьбами людей распоряжается Сталин. Не стало рыжеволосой Суламифи.

Только теперь Чкалов понял, что обложен красными флажками.

Ольга Эразмовна Чкалова вспоминала, что последнее время муж спал с пистолетом под подушкой. Чего или кого он боялся? В кого он собирался стрелять: в себя, в тех, кто за ним придет?

Бурная жизнь Евгении Соломоновны Ежовой стоила жизни многим из ее окружения. Уже посмертно ее объявили английской шпионкой. Второй ее муж – Гладун – на допросах признался, что именно она завербовала его. Очередь могла дойти и до Валерия Чкалова. Кто знает, как бы сложилась его жизнь, но то, что она повисла на волоске, было очевидно.

И вот в таком состоянии ему предстояло испытывать новый самолет.

5

13 декабря 1938 года.

Всю ночь механики и представители завода в ангаре аэродрома возились с тягой управления газом, которая сломалась накануне. Конструкция ее была явно неудачной, но коренная переделка заняла бы много времени.

У механиков работа не ладилась. Они уже два раза заменяли тросы, но, как им казалось, все они были ненадежны. Их выбросили. Лишь третий трос пришелся впору. Ремонт закончили в 14.12.

А часом раньше в ангар заезжали главный конструктор Поликарпов и директор завода Усачев. Они лишь посмотрели, как идет работа.

В это время в заводоуправлении шло переоформление документов. Запрета на первый вылет самолета И-180 от правительства не поступило.

Чкалов в этот день на аэродроме не появился.

В последнее время обнародованы многие документы, касающиеся подготовки нового истребителя к первому вылету. Среди них

и эта записка, составленная старшим военным представителем завода № 156 полковником Бровко:

На заводе продолжалась до последнего времени антигосударственная практика, заключавшаяся в выбрасывании на аэродром, а впоследствии и в воздух, незаконченных самолетов с большим количеством недоделок и неполадок. Машины вывозились на аэродром с дефектами, с целым рядом агрегатов, не принятых в ОТК. Все это делалось под флагом ускорения выпуска машин, а в действительности получалась ничем не оправданная задержка.

Машины делали первые полеты, писался в Наркомат оборонной промышленности рапорт, а дальше – черепашьими темпами шло устранение дефектов.

Самолет И-180 на аэродром был вывезен с большим количеством дефектов, отмеченных ОТК и военным представительством... Перед вылетом 12 декабря шла перебранка, ругань между работниками ОТК, директором завода, Томашевичем (зам. главного конструктора. – *Авт.*) и при молчаливом согласии Поликарпова. Все это делалось на глазах у Чкалова, что, несомненно, последнего нервировало, и это совершенно недопустимо.

Об этом же говорит и записка ведущего инженера КБ завода № 156 Гендина:

Яковлев, начальник ОТК, все время говорил о дефектах в самолете. Усачев и Томашевич нажимали на него, кричали на него. Эти скандалы происходили 12 декабря при Чкалове. Чкалов был взволнован, говорил, что при летчике такие разговоры деморализуют его, ведут психическую обработку.

И это плюс к тому, что у Чкалова уже было на душе.

Из этих перепалок он мог хоть что-то для себя уяснить, понять, откуда ему было ждать опасности. Но было и такое, чего он не знал. Так, он не знал, что шасси могли подломиться при посадке, они не прошли статических испытаний. Не прошли подобных испытаний все основные агрегаты самолета.

14 декабря 1938 года.

Погода была нелетная, туман и снег. С утра в ангаре появился директор завода, всех ругал, гонял и приказал готовить самолет к вылету. Ему было возразили, что погода нелетная, на что он ответил: «Летная или нелетная – знает летчик. Приедет Чкалов, он и определит».

Чкалов в этот день вновь на аэродроме не появился.

Тем не менее по заводу отдается приказ о выпуске И-180 в первый полет. Дефекты так и не устранены. В акте о готовности самолета сделана оговорка: «Дефекты… не могут служить препятствием для первого вылета».

Вечером была получена метеосводка на 15 декабря: ясная погода, но сильное похолодание до –20 °С.

Вот и все, что произошло 14 декабря. Хотя нет, не всё: вечером у дома, где жил Чкалов, остановилась машина, и в дом вошли два офицера НКВД. Что им было нужно у Чкалова и какой разговор состоялся – неизвестно. Случаен ли был этот визит, не чаю же они приходили попить к лётчику. Позднее ходили слухи, что эти офицеры впоследствии бесследно исчезли. Не стал ли этот визит для них роковым?

Весь день молчал Сталин, так и не отреагировавший на записку Берии о неисправностях в новом самолете… Молчало правительство, прекрасно знавшее о том, что самолет в воздух выпускать было рискованно…

6

15 декабря. Утром Чкалов простился с женой и маленькой дочкой. С сыном попрощался чуть раньше, когда он уходил в школу.

У подъезда летчика уже ждала машина. На пересечении улицы Горького и Грузинской он попросил остановить и забежал в магазин за папиросами. Когда он вернулся, водитель сообщил, что сегодня должен поставить машину на профилактику. Чкалов вышел у железнодорожного переезда, сказав, что дальше поедет на трамвае.

Приехав на аэродром, он первым делом ознакомился со сводкой погоды: «Преимущественно безоблачно, временами неполная средняя и слоисто-кучевая облачность высотой около 500 метров. Морозная дымка, видимость 2–5 км. Ветер северо-восточный и восточный, 8–3 метра в секунду, неровный. Температура –27–23».

С каким же настроением приехал Чкалов на аэродром?

В одной из объяснительных записок, составленных после катастрофы самолета, можно найти: «Настроение перед полетом Валерия Павловича по наружному виду было хорошее, разговаривал и смеялся».

Правда, приехав на аэродром, он обнаружил у самолета большое скопление людей. Директор завода отдавал какие-то указания, и все бросались их выполнять.

Подошедший к Чкалову летчик-испытатель посоветовал:

– Валера, гони их всех к чертовой матери. Они тебе весь самолет разберут на части.

Инженер по испытаниям Лазарев доложил, что самолет готов к вылету.

Спустя много лет один из очевидцев последнего полета Чкалова, Вартан Никитович Сагипов, тогда ведущий инженер, вспоминал, что предчувствие беды было. Сам Чкалов, поднявшись на крыло истребителя И-180, вздохнул и тихо сказал: «Не хочется лететь, но надо! Смелее!..»

В 12.20 запустили мотор. Чкалов около получаса гонял его на разных оборотах. Мотор работал ровно.

Летчик вырулил на старт. Самолет начал разбегаться, взлетел. Чкалов набрал высоту и стал описывать круг. Полет проходил нормально. Замкнув первый круг, летчик пошел на второй. И вот тут произошло непонятное. Чкалов почему-то удлинил маршрут, вылетев за границы аэродрома. Именно это удлинение маршрута и стало для Чкалова роковым. В воздухе переохладился и встал двигатель. Летчик не смог дотянуть до аэродрома. Самолет рухнул во двор лесосклада.

Позже был составлен акт о гибели летчика, в котором говорилось:

При ударе Чкалова выбросило вперед на 10–15 метров вместе с хвостовой частью фюзеляжа, управлением и сиденьем. Передняя часть самолета разбита. Товарищ Чкалов был тотчас же взят еще живым работниками склада и доставлен в Боткинскую больницу, где скончался через несколько минут».

7

15 декабря 1938 года. 15 часов.

Именно в это время начались разборки. Вот как об этом вспоминает механик Семен Гинзбург:

Всех участников подготовки и свидетелей полета И-180 собрали вместе, рассадили по отдельным комнатам и заставили давать письменные показания. Получилось так, что мы оказались в одной комнате с Поликарповым. Когда он закончил писать свои объяснения, нас всех, человек 25–30, собрали в приемной. Вызывали по очереди. Сначала в первую «летную» комиссию, а потом во вторую «политическую». Ее возглавлял Меркулов, назначенный заместителем Берия. Те, кто после первой комиссии попадали к Меркулову, обратно уже не возвращались. «Черный воронок» уже поджидал их внизу, здесь же, на аэродроме.

Моя очередь на летную комиссию подошла только в 3 часа ночи, после 12-часового ожидания. Что я чувствовал? Скажу только одно: до этого у меня, молодого человека, волосы были черными как смоль, а с комиссии я уже вышел с седыми висками.

Виновниками катастрофы признали директора авиазавода, начальника Главного управления Наркомата оборонпрома и начальника летно-испытательной станции. Все они получили длительные сроки заключения.

Всех их допрашивал лично Берия. Допрос, как правило, начинался с вопроса: «Кто давал вам задание устроить катастрофу и убить Героя Советского Союза товарища Чкалова?»

Расследование причины катастрофы сразу же перешло в плоскость контрреволюционного вредительства.

Заводская комиссия причислила к виновным и конструктора Поликарпова. Но его дальнейшие репрессии не коснулись, видимо, на то было высокое распоряжение.

8

Вот уже сколько лет подряд в печати публикуются материалы, в которых авторы пытаются доказать, что катастрофа самолета И-180 не была случайной. Чкалова хотели убить и это сделали. Все эти материалы подаются как сенсационные. Отличаются они одним – передергиванием фактов. Действительно, сегодня мы знаем о последнем полете Чкалова достаточно много и можем трактовать события тех дней как хотим.

Мы избегаем лишь одного: спросить о «человеческом факторе». Есть ли в этой катастрофе доля вины самого летчика?

Если подходить формально, то ответ утвердительный. Чкалов нарушил задание полета и, уйдя на второй круг, значительно растянул его, выйдя за границы аэродрома. Случись остановка двигателя над аэродромом, у него была бы возможность планирования на чистое поле. Это, конечно, тоже риск, но для летчика-испытателя класса Чкалова он привычный. Валерий Павлович не раз совершал вынужденные посадки.

О нарушении задания полета не раз говорили летчики, но их не слушали.

А именно в этом нарушении полетного задания и кроется загадка.

Зачем Чкалов это сделал, навсегда останется тайной. Есть только версии: по одной – он хотел показать летающую машину и пролетел мимо окон заводоуправления, по другой – он задумал продемонстрировать самолет Сталину и прошел над его дачей, находившейся где-то поблизости. Если там даже Сталина не было, то ему должны были сообщить о пролете неизвестного самолёта. Вечером мог последовать звонок и вопрос. Сталин бы догадался, кто летал.

Сюда же можно приплюсовать то душевное неравновесие, в котором находился летчик и о котором мы сейчас тоже хорошо знаем. Ему во что бы то ни стало надо было доказать… А что доказать? И это тоже останется загадкой.

То, что над Чкаловым сгущались тучи, это было уже видно. Отголосок назревавшего к нему отношения хорошо прослеживается в секретном приказе № 070 «О мерах по предотвращению аварийности в частях ВВС РККА». Он вышел 4 июня 1939 года под грифом «Совершенно секретно». В нем говорилось:

...Герой Советского Союза, известный всему миру своими рекордными полетами, комбриг В.П. Чкалов погиб только потому, что новый истребитель, который комбриг Чкалов испытывал, был выпущен в испытательный полет в совершенно неудовлетворительном состоянии, о чем Чкалов был полностью осведомлен; больше того, узнав от работников НКВД о состоянии этого самолета, тов. Сталин лично дал указание о запрещении тов. Чкаловым полетов впредь до полного устранения недостатков самолета, тем не менее, комбриг Чкалов на этом самолете с не устраненными полностью дефектами через три дня не только вылетел, но и начал совершать свой первый полет на новом самолете и новом моторе вне аэродрома, в результате чего, вследствие вынужденной посадки на неподходящей захламленной местности, самолет разбился и комбриг Чкалов погиб.

Вот так запросто нарком обороны Ворошилов «сдал» своего любимца и любимца страны, сделав из него отрицательный пример для всех летчиков ВВС, которым Чкалов чуть больше полугода назад служил образцом «дерзания, героизма и верного служения Родине».

Вряд ли без позволения Сталина он мог на это решиться.

И тут приходит в голову еще одна версия. Помните, накануне испытательного вылета вечером в гости к Чкалову заходили два офицера НКВД. Не по их ли просьбе Чкалов «удлинил» маршрут. Может быть, где-то на шоссе, рядом с аэродромом стояла машина того же Берии, который захотел посмотреть на новый самолет. Но это только наше предположение. Никакой документальной основы за ним нет.

Таких версий мы можем выдвигать сколько угодно.

9

Февраль 1939 года.

В воздух поднимается второй экземпляр самолёта И-180.

Гибель Чкалова не перечеркнула работы над новым истребителем. Пилотирует его заводской лётчик-испытатель Е.Г. Уляхин.

До 13 апреля на самолете выполнили 23 полета, после чего И-180 перевезли в НИИ ВВС на аэродром Чкаловский для проведения государственных испытаний. Полеты шли нормально, и тут возникла идея показать самолет на первомайском воздушном параде.

Кадры старой кинохроники хранят этот полет. Самолет над Красной площадью вел летчик-испытатель НИИ ВВС Степан Супрун. Он постарался так преподнести его зрителям, что после полета обнаружилась деформация крыла.

Сталин воздушным парадом остался доволен. Поликарпов сдержал обещание: самолет летает и показывает неплохую скорость.

На одном из приемов Георгий Байдуков предлагает назвать новый истребитель «Память Чкалова». Сталин сдерживает его пыл:

– Вы не правы, товарищ Байдуков: лучшей памятью о товарище Чкалове будет сам самолет, а не слова, которые на нем написаны!..

5 сентября 1939 года второй экземпляр самолета И-180 терпит катастрофу.

Пилотировал его шеф-пилот Горьковского авиационного завода Томас Сузи. Это был 53-й полет нового истребителя. Летчик должен был достичь максимальной высоты. Внезапно самолет перешел в беспорядочное падение…

Летчик-испытатель Стефановский об этом происшествии вспоминает:

Очевидцы рассказывали, что метрах в 300 от земли из него выпрыгнул летчик и почему-то не раскрыл парашют. И вот он лежит передо мной, с ног до головы залитый еще горячим маслом.

Специалисты, расследовавшие обстоятельства катастрофы, предположили, что на высоте разрушился маслорадиатор, и Сузи обожгло и ослепило перегретым маслом, он сумел выбраться из кабины и, вероятно, от шока потерял сознание.

Эта катастрофа тоже не повлияла на судьбу самолета. Серийное производство истребителя И-180 решено было разворачивать на авиазаводе в Горьком.

А уже 1 мая 1940 года над Красной площадью зрители увидели проносившуюся пилотажную тройку еще неизвестных машин.

И все же какой-то рок висел над этим самолетом. Гибнет летчик-испытатель В. Степанченок. Как и у Чкалова, у него в воздухе остановился мотор. Ему не хватило высоты для планирования, и самолет врезается в ангар.

Мотор для нового истребителя так и не сумели довести. Причиной трех катастроф и двух вынужденных посадок, одна из которых закончилась потерей самолета, были внезапные отказы установленных на них двигателей.

Осенью 1940 года из Наркомата авиационной промышленности пришло распоряжение, в котором говорилось: «Продолжать дальнейшие работы по доводкам и испытаниям этих самолетов нецелесообразно…»

Летом 1941 года по указанию Наркомата авиационной промышленности авиаконструктор Н. Поликарпов передал чертежи И-180 в ОКБ А. Микояна, С. Лавочкина и С. Яковлева.

На Горьковском авиазаводе не прекращали серийное изготовление поликарповского И-16, заменить его пока было нечем. Лишь в самый разгар войны на смену устаревшим «ишачкам» придут самолеты конструктора С. Лавочкина – Ла-5 и Ла-7.

В них хорошо угадывались черты истребителя, на котором погиб Валерий Чкалов.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Родился в 1954 году в Красноармейске Донецкой области. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы.

Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов. Автор около пятидесяти книг и многочисленных публикаций в газетах и журналах России и зарубежья. Составитель поэтической антологии «Недаром помнит вся Россия: Война 1812 года в русской поэзии».

Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и других; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад – милость для миров», проводимого Советом муфтиев России. Награждён медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», орденом М.В. Ломоносова, медалями святого князя Даниила Московского и святого князя Александра Невского, золотым знаком Абая Кунанбаева, медалью Мусы Джалиля и другими наградами.

Секретарь правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

А ВЕЧНОСТЬ УХОДИТ В ПЕСОК…

Андрей Шацков и его поэзия

Читая стихи известного русского поэта Андрея Шацкова, начинаешь понимать, что истинные стихотворцы живут не столько во времени, сколько в самой вечности, и поэтому вся его книга (как и книги других подлинных поэтов) оказывается насквозь пронизана лексикой нашей исконной, прадедовой, древлерусской поры, из вековечных глубин которой до самого нынешнего времени доносится яростный звон харалужных мечей и калёных стрел, а также ржание боевых лошадей и крики сражающихся воинов. Родина – вот то священное слово, которое разрывает собой вековечный простор, наполняя душу высокой музыкой победы. И русская поэзия изначально несёт в себе по полям нашей истории ритмические звуки громких труб и барабанов, пробуждающих в душе народа стремление к свободе и счастью.

Пятнадцатая по счёту поэтическая книга Андрея Шацкова, получившая название «На этой земле», открывает перед читателями сотню новых прекрасных страниц, которые словно продолжают собой мотивы древнерусских эпических былин, лироэпических баллад,

а также исторических стихов Ломоносова, Пушкина, Державина, Лермонтова и других знаменитых авторов России вплоть до сегодняшних дней. И если древнерусские поэтические произведения сумели быть донесёнными до нашего времени практически в неискажённом виде, то русская поэзия конца двадцатого столетия и двух десятилетий двадцать первого оказалась почти полностью отдана на растерзание всякого рода модернистам, футуристам, символистам и прочим экспериментаторам в поэзии, которым она была отдана практически на баловство, под насмешки, а то и на поругание. Самыми же чистыми поэтическими потоками являют себя военно-патриотическая тема и тема погружения в отечественную историю, которые как раз максимально и раскрывают перед читателями стихи Андрея Шацкова. Но если военно-патриотическая тема оказалась для россиян прорванной мощным потоком стихов о разразившейся в 2022 году войне России за Донбасс, а также в Луганской и Херсонской областях, проявивших себя в таких сборниках, как «ПоZыVной – Победа», «Порохом пропахшие слова», «Оберег», «Стихи из огня», «Мы с вами, братья», «ZOV юных сердец» и ряде других поэтических книжек, то глубина поэтического творчества Шацкова уходит корнями гораздо глубже военной операции, начавшейся в феврале 2022 года в Донецкой и соседствующих областях и продолжающейся вплоть до сегодняшнего часа. Андрей Владиславович пишет практически о том же, что и авторы отмеченных выше книжек, но только с позиций не сегодняшних дней, а со времён ещё знаменитого «Слова о полку Игореве» – то есть с той самой древней междоусобицы, когда взошло над русским Донбассом чёрное солнце распри. То самое чёрное солнце, которое, как нам показывает жизнь, никогда не исчезает с горизонта окончательно:

…Торопятся страхи, как мыши на сыр,
Как княжьи клевреты на вече,
Как воронов вещие стаи на пир
Остывшей к полуночи сечи.

И жёлтые светятся волчьи глаза,
Сверкают зелёные – рысьи.
Закатною кровью набухла слеза
Росы, окольчужившей листья.

Над Северским знамя полощет Донцом
И чёрного солнца верига.
И в небо глядит побледневшим лицом
Бесстрашный и доблестный Игорь…

Надо признать, что побледнел князь Игорь лицом совсем не оттого, что его тревожила ожидающая на рассвете битва с врагами, хотя и она тоже заставляет русичей волноваться. Но Игорь способен провидеть не только события завтрашнего утра, но ещё и ход истории на протяжении почти тысячи лет, сквозь которую ему было отлично видно наше тревожное сегодняшнее время. Вглядимся же в эту тысячелетнюю историю нашего клокочущего битвами Отечества. О каком это веке рассказывает нам сегодня в стихах летописец? Чьи хоругви трепещут в российской степи на ветру? За что идёт эта веками нескончаемая

битва? То ли это сегодняшний поэт смотрит в прошлое, перелистывая страницы двенадцатого века, то ли это князь Игорь говорит нам из своей давней военной поры:

Россия хоть Третий, но всё-таки Рим,
В ней веет дыхание Божьего духа…
Неужто сдадут Севастополь и Крым?
Неужто настанет разор и поруха?

Читая эти строчки, невозможно убедить себя в том, что речь в них идёт единственно о древнерусской эпохе или же только о нашем времени. История – это неразрывный целостный поток, в котором прошлое переплетается с будущим, а мы смотрим на это из наших сегодняшних дней. Так под пером поэта образуется неразделимый треугольник вечности, в котором время, точно вода из одной бочки в другую, переливается из эпохи в эпоху и обратно. Находясь в едином потоке времени, Москва сегодняшняя неотделимо перекликается с Москвой древней, а поле Куликово эпохи князя Димитрия окликает Куликово поле нашей поры. И всё говорится на едином языке, под общим небом и под единым Богом:

Застыл вдоль речки полк засечный,
Спиной упёршись в дерева.
Им путь лежит на облак млечный,
Но ими выстоит Москва!

И выйдет в поле Куликово,
Когда придёт заветный час.
А ныне – крест сожми сурово
И встань к своим, где реет Спас…

И снова не скажешь отчётливо, в чей адрес отправлено это прекрасное стихотворение, да и надо ли перебрасывать образ Нерукотворного Спаса из нашего времени назад, в 1380 год, или обратно – в начало XXI века. Стихи – существа отзывчивые, они в равной степени созвучны поэзии как древней эпохи, так и сегодняшнему времени. Праздники приносят людям в дом счастье и радости, а войны – сеют в мире слёзы и горе, о чём отчётливо говорит в стихотворении «Ноябрь ZZ» Андрей Шацков:

Такая случилась забота,
Такая случилась беда,
Что снова уходит пехота
В метели, в туман, в никуда.

Ещё не истлели останки
Германии чёрных солдат,
Но снова немецкие танки
В полях Украины горят!

Так было всегда изначала,
Когда ополчалась страна
И Невского клятва звучала,
Воздавшего кнехтам сполна.

И Сергия взор васильково
Светился сквозь толщу веков.
И поле цвело Куликово
Стеною червлёных щитов.

Стихи Андрея Шацкова настолько хороши и гармоничны, независимо от того, рождены они в дни войны или мира, что их хочется бесконечно цитировать, наполняя свою душу (или же души тех, кто готов тебя слушать) великолепным поэтичным звучанием. Каждая строфа этого поэта – праздник, в каждой его строке – глубина, каждое его стихотворение – песня. Ну как, скажете, остановиться, когда перед тобой лежат такие чудесные строчки?

«Ночное небо мириадом звёзд / Летит на нас, как огненная заметь. / И вся земля – один большой погост! / И вся земля – одна больная память…»

«Задумчиво на памятник мессии / Глядим, не опуская строгих глаз. / Нам не прожить без тютчевской России, / И ей, наверно, не прожить без нас…»

«Как хорошо на свете просто быть! / Всё остальное – мимо, мимо, мимо. / Гулять с собакой, женщину любить, / Когда тебе любовь необходима…»

«За барским домом здравницу Отчизне / Поёт петух, встречая новый день… / Здесь Тютчев жил, и память этой жизни / Превозмогла веков минувших тлен».

«В галопе крещéнской пурги, / Под плáтом рождественской ночи / Таятся в чащобах враги, / Мерцают разбойные очи. // Каким мне ключом запереть / Границу от края до края? / Россия – вселенская твердь, / Отнюдь не преддверие рая».

«Мой сын, не торопись ни в ад, ни в рай, / Жди на мосту из радуг, на котором / Ты встретишься с отцом за разговором, / Когда наступит бренной жизни край…»

Строчки, посвящённые сыну поэта – Дмитрию Шацкову – являются одними из самых ранящих стихов в этой книге, которые наполнены самой что ни на есть живой и кровоточащей болью. Но поэт не боится этой боли, потому что она и есть основа его настоящей поэзии:

Всё уйдёт… Но воздвижится новая крепь –
Без тебя, без меня, без желанного внука.
Выйдут вои заслоном в полынную степь,
Если ворог с бедою нагрянет без стука.

Прерывается род. Угасает закат.
На окраинах подняли воды цунами.
Слышишь, кто-то трубит, меднолик и крылат?
Это наша судьба пролетает над нами.

Ничего не поделать – рано или поздно судьба каждого из нас пронесёт нас по небу над любимой нашей землёй и исчезнет, оставляя после нас в этом мире кто добрую память, а кто – только злые обиды. Поэт же оставит на память людям свои дивные строчки, которые ещё долго будут звучать в сознании, принося читателям целебную силу поэзии. Ну хотя бы в таком стихотворении, как «На Рузском холме»:

«Под малокровным небом ноября / Услышь, как пульс в висках стучит набатом. / Твой пращур, на холме канон творя, / Был кметем, воем,

ратником, солдатом! // Но что бы ни пророчил этот сон / И где бы ни стояли вражьи кони, / Ты можешь вздынуть колокольный звон, / Оставив шрам ожога на ладони, // От вервия сияющих лучей, / Во искупленье посланного Спасом. / И вспыхнут разом тысячи свечей / По всем Святой Руси иконостасам!»

Или вот в таком прекрасном стихотворении, как «Сон о снегопаде»:

«В опрелых листьях, брошенных судьбой, / Коростою над волглыми полями, / Где мы бродили в юности с тобой / Морозными рождественскими днями. // И мне осталось – верить в снегопад, / Как верят в новогодних сказок чудо... / Чтоб тихо падал сорок дней подряд, / Покуда я любовь не позабуду!»

Стихи настоящих поэтов не просто нравятся читателям, а идут вместе с ними по жизни, раздавая всем радость и силу, которые, словно волшебные микстуры, помогают людям укреплять мощь не только своей плоти, но и души. Мы не вечны, это известно каждому. Да и не только мы – не вечна даже сама вечность, но поэт для того в этот мир и приходит, чтобы хоть ненадолго удержать на земле память о всех, кто сюда хоть однажды приходил.

А вечность течёт и уходит в песок –
Прибрежный песок камышовой протоки.
И с устьем сольётся далёкий исток
Той жизни, чей Богом отмеренный срок
Позволил родить эти грустные строки…

Думается, что такие строчки заслуживают того, чтобы мы были благодарны поэту за возможность познакомиться с его творчеством. В сегодняшней литературе не так-то часто встречаются стихи, подобные таким, как у Андрея Шацкова.

Елена КРЮКОВА

Родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького.

Автор книг стихов и прозы, куратор и автор художественных проектов в России и за рубежом. Лауреат премии им. М. И. Цветаевой, Кубка мира по русской поэзии, премий журнала «Нева» за лучший роман года («Врата смерти», 2012), им. Горького (2014), им. И. Гончарова (2015), Международной литературной премии имени А. Куприна (2016), Международной премии им. Э. Хемингуэя (2017) и других.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

«...ЕСТЬ ДНЁМ – СИНИЦЫ, НОЧЬЮ – СОЛОВЬИ»

О поэзии Олега Рябова

Твори, художник, но всегда
Пусть на прицеле будет вечность...

Олег Рябов, «К поэту»

Что такое поэзия? Ей давали уж столько определений... столько имён промелькнуло и воссияло на все века и тысячелетия, столько разъяснений, как да зачем, поисков чуда, попыток угадать, догадаться... Почему человек пишет стихи? Почему созвучия – в рифму? А если без рифмы, в свободном полёте, тогда почему так ясно, так ярко просвечивает сквозь прозрачную толщу верлибра изначальная гармония Космоса?

Ритмы... рифмы... речь... рокот реки...

Поэзия необъяснима, трансцендентна. Реалистична ли она, если в ней поэт «издалека заводит речь» (М. И. Цветаева) о жизненном и житейском, о привычном и ожидаемом? Не все привычное любимо. Не все ожидаемое поэтично. Поэзия часто – страшный, неистовый, непредсказуемый, даже ужасающий взрыв: образа, мысли, эмоций. Это накал. Огонь. Это страсть – редкая птица в искусстве. Но мы задумались о реализме. О настоящести – и вспышки-мгновения, и протяжённого, длящегося времени, и пейзажа-ландшафта рядом с пейзажем души. О подлинности, аутентичности поэтического наполнения. Чему принадлежит стиль художника? Это механизм, головоломка? Или это знакомый нам с детства вид на широкую реку, звон и грохот трамваев, ворчанье грома среди громадных туч, блеск серебряной рыбы, как блеск молнии? Блеск возлюбленных глаз?..

Олег Рябов. Кто он в русском искусстве? Он ещё и прозу пишет, и его рассказы, повести и романы – принадлежность современной русской

литературы, неотъемлемая, весомая. Но прежде всего Олег Рябов – поэт; он и в прозе поэт, что для прозы ценно и превосходно.

Истоки поэтической реки Олега Рябова – не только в легендарном времени, откуда он родом, не только в пространстве той страны, где читали все запоем, хоть хороших книг и было не достать; он любит классическую русскую и мировую поэзию, это видно и слышно – читая его стихи, окунаешься в многослойность, густую многозвёздность культурных ассоциаций:

Листаем мы воспоминанья:
Вокзалы, лица, города,
Измятых перед расставаньем,
Пустых страничек череда.

Разлуки, встречи, анекдоты,
Года, свистящие в ушах.
И вдруг наткнешься – кто ты? Кто ты?
И переполнится душа.

Нахлынет с болью: в старом мире
Оставил я давным-давно
Тебя в слезах в пустой квартире,
Но возвратиться – не дано.

Сладка нам боль воспоминаний,
Когда за нею нет утрат.
Играет память в игры с нами.
И вот – как будто бы вчера…

Нет, не забыто твоё имя,
И шёпот, ну, и звонкий смех.

Что память? Это – только иней.
И снова холодно. И – снег!

Да, скажете вы, да, конечно же, прекрасная старая школа русского реалистического письма! Любитель, собиратель и знаток русской старины, русской живописи, Олег Рябов не удерживается и в искусстве слова от живописных штрихов и мазков. Это сразу невероятно расширяет вербальные границы. Эмоциональное переживание выходит из словесных рамок, свободно, вольно перерастает их и становится живописным ветром, и тут изобразительность летит на подмогу чистой лирике; образ играет видимыми и даже осязаемыми гранями, сквозь натюрморт и портрет просматривается история Родины, мы чуем тело родной земли, мы понимаем: без неё – нельзя. Да поэт без неё и не проживет.

Да здравствует провинция!
Прости меня, столица,
Погрязшая в амбициях,
Разыгранная в лицах,
Проплаченная, продана
Лимитчикам – талантам,
И никому не ро́дная –
Народная, и ладно!

Да здравствует провинция,
Где день прожитый – в радость,
Что никогда столицею
Не будет – и не надо,
Где принцы карамельные
Девчонкам ночью снятся.
Дожди идут неделями,
А в город – с автостанции.

Где незнакомцу – «здравствуйте!»,
Где каждый день – от Бога,
А дни, хотя и разные,
Но к храму есть дорога.
И место есть для творчества
И для защиты принципов.
Без всенародных почестей
Живёт моя провинция.

Изысканный ли автор Рябов? Владеет ли он арсеналом поэтических средств? О да, владеет! Но, как любой владелец бесценных сокровищ, не выставляет их напоказ, не демонстрирует всему свету постоянно, громоподобно и пафосно: за кадром у поэта гораздо больше богатств, нежели в кадре, и это правильно; искусство – это не точка, а объём, читатель не должен видеть в стихотворении образного «потолка», он, в идеале, должен ощущать над собою бездонный купол ночного ясного неба. Осеннего, цвета воронова крыла, усеянного бесчисленными звёздами. Они и есть достояние поэта.

Последнее яблоко в саду... последняя ночная, перед туманным утром, звезда... последняя любовь. Тютчевскую музыку, мелодии Пастернака несомненно вспоминаешь, читая лирику Рябова. Но он нигде и никому не подражает. Он живет внутри своей родной симфонии. Он пишет эти летящие осенние ноты всею своей жизнью.

Традицией он благоговейно жив, но он же традицию и безжалостно ломает – нежданной «неверной» рифмой, сюрпризным задыханием посреди строки, странным поворотом образа, необъяснимо, ниоткуда возникшей интонацией, но более всего – невероятным чувством, то перламутрово-изменчивым, нежнее выдоха, то железно-незыблемым, а чувство это живо в поэтике Рябова благодаря его почти воинскому бесстрашию.

Это бесстрашие художника, о котором говорил Бетховен: «Художники пламенны, они не плачут». Все слёзы поэта – внутри его смелой музыки.

Холодно. Очень холодно,
Будто меня ты голого
Бросила ночью в сугроб,
Бросила и оставила.
Нет – ты, наверно, не стала бы...
Но наломала дров.

Ты – босиком по улице.
Дождик, погода хмурится,
Холодно, колется, дрожь.
Всё! Всё тебе отмерено –

Так и должно быть, наверное.
Так ли? И не поймёшь!

И не услышу я голоса,
И не потрогаю волосы,
Вот – и уже ничего!
Мы с тобой, может быть, встретимся –
Ждешь на небесной лестнице
Явления моего.

...Мы все, дорогие мои, просто – люди. Простые смертные люди. Не цари, не полководцы, не ангелы. Но, возможно, затесались среди нас, тихо бродят, глядят на нас во все глаза и гордые дети голубых кровей, и молчаливые святые, и адские преступники. Кто же будет выхваляться святостью, признаваться в преступлении? Всякий хочет быть лучше, чем он есть на самом деле. Лучше – перед кем: перед людьми, перед Богом, перед историей? Или перед самим собой?

Поэт видит всё и всех. Поэт – тайный рентген культуры, он волей-неволей просве́тит вас насквозь, и вы отразитесь в зеркалах войны и мира, в спокойной водной глади молитвы, в кромешном ночном ужасе единственного в жизни покаяния, в шлемах, кольчугах, касках и бронежилетах извечной битвы не на жизнь, а на смерть.

Воображение, соображение, изображение, говаривал великий педагог, рисовальщик Павел Чистяков в Академии художеств... У Олега Рябова все три творческих начала сгущены, спрессованы в одном, отдельно взятом поэтическом тексте. Он слишком поэт, чтобы отказаться от безумного, задыхального полета воображения, принеся его в жертву столь модной, бездушно-бессердечной интернет-поэтике, часто композиционно копирующей изобретательную компьютерную игру; и он слишком художник, чтобы пренебречь любимым реалистическим изображением в угоду блестящей, безупречной логике. Он слишком живой! Да, он любит Пастернака, и да, он помнит эти слова: «...но быть живым, живым и только. / Живым и только до конца». Чудо меняющейся каждый миг жизни – это и есть поэзия Рябова! Если хотите освободиться, улыбаться, плакать, не таясь, смеяться, болеть, сокрушаться, жить на полную катушку – вам сюда. Точно сюда.

Не крылья – укрепились костыли,
Не подвспорхнуть мне больше от земли.

Тащусь – меня устраивает мой лес,
Я по нему хромаю до небес.

Еловой шишки нераскрывшийся бутон
Как чешуёю рыбьей оплетён.

Вот – муравья-друида Эверест,
Его предназначение и крест.

Неспешна комариная возня:
Они как дома у себя в сенях.

А солнечной лучиною луча
Лес освещён – горящая свеча.

Соломенная суть, соловый путь,
И силы нет, чтобы с него свернуть.

С кем разделить открытия свои?
Есть днём синицы, ночью – соловьи.

Простые люди. Простые вещи. Поэт любит их живописать и о них писать. Процесс письма, запечатления тут переходит в загадочный процесс параллельной жизни. Автор выходит вон из своего тела, из всего, что ему врождено и им приобретено, из собственного бытия (простите за невольную эзотерику...), и, не отпуская ритмику собственной крови, не теряя из виду собственную судьбу, наблюдая за ней словно бы с небес, начинает проживать другую, иную жизнь. Вот опять вспомнила Бетховена: «О, как же это прекрасно – тысячекратно прожить свою жизнь!» Это феномен Рябова-поэта, и, читая его стихи, вы не раз узнаете это явление-преображение, перевоплощение – жить другою жизнью! – прямо в лицо.

И ведь простые слова поэт находит, о самом сложном повествуя! А вернее сказать, он их и не ищет. Хлеб, вода, огонь, дорога. Всё архетипическое есть поэзия. Слова к поэту приходят сами, он их не прикармливает, не призывает, не расстилает для них роскошные ковры земли и неба. И вот ещё одно удивление: поэт не боится показаться неправильным, неточным, немелодичным, корявым, неловким. Он не боится остаться «живым и только». Он боится стать гармоничным, лощёным, правильным со всех сторон красавцем-манекеном в поэтической витрине. Он хочет остаться собой.

А между прочим, это и есть самое трудное на земле: остаться собой.

В своей судьбе. В своем высказывании.

Чтобы, вслед за Лютером, можно было сказать: «На том стою и не могу иначе».

Много воздуха и ветра в его поэзии! Простора много!

И от этого – много счастья. Радости.

Рябов – поэт радости. И это так хорошо.

Любая мелочь жизни – радость. Получается так, что в жизни нет мелочей. Верней, они есть, но из этих бликов солнца на зелёной старой бронзе, из винного запаха яблока в октябрьском, медленно плывущем в зиму саду, из беглого весёлого, сумасшедшего поцелуя, из горечи слёз на дорогих поминках, из танцев рыбы, играющей на рассвете в холодной лесной реке, из войска чайников и чашек в старинном буфете и рождается ежеминутно и ежесекундно, вырастает, сплетается сама наша великая жизнь:

…В буфете шкафчик был для серебра,
В который, переложенные бязью,
Приборы запирались. В руки брать
Их разрешалось лишь в великий праздник.
Ведёрко для шампанского, судки,
Икорницы, солонки и фужеры –
Роскошествовать было не с руки
По будним дням в квартире инженера.

Ещё в буфете шкафчик был другой:
В нём пахло валерьянкою и йодом.
Здесь бабушка дрожащею рукой
Хозяйничала при любой погоде.

А низ буфета, словно арсенал,
Забит был до отказа перед битвой
Бутылками заморского стекла
В наклейках самых-самых знаменитых.

Фарфор корниловский, саксонский и стекло
Мальцовское, богемское – всё было
В буфете. Только летнее тепло
Нас, пацанов, к себе всегда манило.
Оно стояло в банках, и на них
Карандашом чернильным, глаз лаская,
Синели надписи: «клубничное», «черни...»,
«Крыжовник», «тернослив», «варила Тая...».

…Когда вас пригласят зайти в буфет
В театре, в цирке или на хоккее,
Сходите, посмотрите: если нет
Варенья в нём, то требуйте смелее!
Пусть это место называют бар,
Шинок, разливочная, комната иная…
Я помню с детства, а ведь я уж стар, –
Буфетов без варенья не бывает.

Много всего испытал, пережил поэт. Огромная жизнь за плечами. Огромное небо жизни. За спиною небо – крылами: вот поэзия, а вот любовь.

Они и есть жизнь.

Все соединено. Сплавлено. Великое и малое.

Олег Рябов внимательно глядит в колодец русской и мировой истории. Путешествует по міру и видит Міръ – красивый и без прикрас, царский и нищий, нежный и злой, военный и тишайший. Олег в своей поэзии – пейзажист и наблюдатель, маринист и портретист, но более всего – психолог и исповедальник. Да и исповедник: именно у меня, читателя, он безмолвно принимает – всем пространством своего стиха – горячую исповедь; читаю и мыслю: да и у меня так же было; читаю и плачу: Господи, прости за всё, ведь и я так же страдаю и так же радуюсь.

Ангела вам в дорогу,
Выбравшие свой путь.
Все мы бредём понемногу,
Только вот – где свернуть,

Чтобы исполнить волю,
Чтобы познать себя,
Чтобы, наполнившись болью,
Вдруг превратиться в набат.

Знак провидения тонок –
Встань, обернись, посмотри:
Сколько их было, Зимёнок,
Сколько Александрий.

Рано! Без благословенья
Мы продолжаем путь.

Вечность или мгновенье –
Некогда передохнуть.

Истина или гордыня
Гонят нас. Не возвратить!
Солнце садится. Стынет.
Ангела вам в пути.

Внимание. Мы подошли к самому важному раздумью. Страдание и радость. Чувства? Да. Жизнь сердца? Да. Теперь ее жестоко желают сбросить со счетов, внушить нам, что искусство может – даже не творить: делать, конструировать, производить – человек, от искусства далекий, а ещё лучше, ещё хлеще – машина. Искусственный интеллект внедряется в то, что ранее рождал живой человек, создавало настоящее человечество, платя за это созидание слезами, праздником и кровью.

Злоба и любовь. Безумие и просветление. Грех и прощение. Встречи и разлуки. Боль и счастье. Рождение и смерть.

Все это мы, люди, чувствуем. Это жизнь нашего сердца.

Без биения сердца не живёт поэзия.

Или уже – живёт? В ледяных машинных текстах ИИ?

ИИ и в рифму уже, вот диво, умеет.

Но поэзия ли это?

Куда от нас так быстро, обреченно, неостановимо уходят сердце и душа, всю человеческую историю, всё время существования человека на земле резонировавшие на поэзию, на её пламя и искренность, на пронзительную чистую лирику, на героический эпос?

Олег Рябов уникален уж тем, что его поэтическое слово насквозь пропитано, посечено слёзными ливнями души и пронизано жарким солнцем сердца. «Да, старая школа!» – вздохнув, повторят иные.

А кто-то, благоговея, откроет книгу Олега на самом близком, незабвенном.

Весна прошлась по всем дворам,
Избавив женщин от мигреней,
И вдруг упала на сарай
Пушистою волной сирени.

Сирень исполнила прибой
И даже свесилась по краю,
Когда заполнила собой
Всю крышу старого сарая.

Он, стоя в глубине двора,
Изображал карниз утёса,
С которого по вечерам
Струилась вниз сирени россыпь,

Меняя тон, оттенки, цвет,
Срываясь вниз в душистой пене…
Приходит лето в торжестве,
С дворами, полными сирени.

Есть ли у поэзии цель? Ставит ли художник перед собою цели, вехи? Видит ли он сам, куда идёт? Или его бесповоротно тащит за собою, в ладье его судьбы, мощный поток Времени?

Тот, кто услышал душу свою и сердце своё – и смог выказать, высказать их, тот обновил и украсил свой родной язык, и тот уже – народ; так одинокий поэт тайно живет жизнью тысяч и тысяч, великих толп, огромного воинства, неохватного крестьянства, молчаливых матерей, жизнью детей, юношей и стариков; так поёт он, один, тысячью глоток; поэт, бывает, не осознаёт своей задачи, но осознают её немногие его современники, а ещё сильнее и яснее – многочисленные потомки, что видят и слышат сотворённое поэтом в ослепительном свете иных времён; и воля и ветер реки, и дали полей, и клубы солнечных облаков, необъятных небесных дворцов, и тот язык, чудесный русский язык, на коем говорим мы, читаем не только новости в интернете, но и Священное Писание, читаем стихи, молча и вслух, язык-народ, огненный залог нашего бессмертия, – это самое большое счастье ЧУВСТВА, щедро подаренного нам Богом и жизнью.

И поэзией.

И – Поэтом.

Ветер денежки считает на осине,
На осине жёлтой, розовой, осенней.
Заросла густой осиною Россия
Вся, и тут уже не жнут, уже не сеют.

Ну а вечером над лесом мальчик-месяц
Выйдет, но и он – увы, совсем не весел:
Страшно, только никуда уже не деться,
Если столько натворил, накуролесил.

Ночью тёмной филин ухает над ухом.
Пусть я с филином – не будет одиноко.
Вот мои – и лес-старик, и ночь-старуха,
И неведомая дальняя дорога.

Заповедные дороги-перепутья,
На ночь глядя, в никуда, через Россию –
Их так много, что пройдёшь и позабудешь,
Или в изумленье рот разинешь.

Я их часто и со страхом, и со смехом
Проходил. Вот как монетки посчитает
На осине друг мой, ветер-неумеха,
Мы пойдём с ним, а куда – пока не знаю.

БИТВА И ПОБЕДА

О поэзии Виктора Петрова

Суровость и жёсткость русской мужской души, русского солдата, русского мужика, русского моряка, пехотинца, землепроходца – может быть, уже легенда истории и культуры; грозная маскулинность, поставленная во главу угла, да не самим человеком – Богом, знающим не только великолепие, но и жестокость русской природы, рьяно и хищно размахнувшейся на все севера, на все постылые безлюдные земли, где только волки воют да Сияние над бедовыми, обречёнными головами в треухах да ушанках бешеными самоцветами играет. Мужчина – воин. Завоеватель. Казак Ермак. Ерофей Хабаров. Степан Разин. Это ли не Русь? Изнеженность на Руси не в чести.

Собранная, железная, раскалённо-металлическая жесткость, привычная к огню. К горнилу, к тиглю, к пылающей кузне. А разве характер, в особенности поэтический, – это не апология огня, пламени? Ещё один мегаобраз тут напрашивается, выступает из метельной тьмы: дорога, путь. Притом путь, преодолеваемый на скорости, измеряемый не только пешим изнурительным, каторжным шагом, но и тряской судьбой вагонов-теплушек, эшелонов, паровозов – от тех, царских, с гигантскими красными колёсами, до нынешних скоростных железных стрел, стремительно рвущих воздух от Колы до Якутии...

Поэзия Виктора Петрова. Мне она родная. Очень давно вообразила я в своей судьбе книгу «Дорога». Поезд, рельсы – дорожный рок всякой тревожной судьбы: она неистово и естественно становится скитальной. Скитание, странствие – это юродство и художество. В огне войны ли, любви, где люди сгорают дотла, а потом воскресают, как птица Феникс, в дороге, разрезающей жизнь на куски, а потом сшивающей кровоточащие раны серебряными рельсами, рождается художник. Не кляните его за суровость, за сжатый кулак. Это правильное его бытие.

Это – Виктор Петров.

«Гвозди бы делать из этих людей...» – помним слова Николая Тихонова. Чем железнее поэт в поэтике своей, тем он ранимее. Глубоко внутри, под слоями казнящего Аввакумова пламени, живёт боль. Порою страшная, тонкая, как предсмертный крик или далёкая песня. Невозможно сдержать, утаить. Да и не надо. Названия книг Петрова – вслушайтесь: «Грань», «Болевой порог»... Всё режет. Всё остро. Всё нестерпимо. И – сжав губы и зубы – стиснув кулаки – глядя вдаль взором орлиным, пронзительным, Аввакумовым – терпеть. Молиться? Да. Стихами. И стихами – восставать. И сражаться.

Смотрите, читайте, повторяйте, не бойтесь суждённого мороза по коже (и по сердцу...), ведь это жаркое пространство близ красного, во снегах, Аввакумова костра:

Смотрите: мукою Христовой
Искажены мои уста!
Я думал: слово – это слово,
А слово – это взлёт креста…

Шептать слова и – быть распятым,
Терновый вытерпеть венок
И белым светом, белым платом
Не удержать кровавый ток.

И огромные, на полміра раскинутые крылья страны! Земли жестокой, пламенной, родной!

Разрубают простор поезда. Да не поезда мирные, не уютные купейные вагоны, а – военные составы! Эшелоны. Это лейтмотив, лейтобраз. Это боль, облечённая в составное, сочленённое, грохочущее железо поезда; дорога – и наказанье, и причащенье пространством, и загадка: что впереди?.. – и клятва: едем на войну, прибудем, и сразимся во имя Родины, что «...уже за шеломянем еси...» («Слово о полку Игореве»).

Сибирь колесовали поезда —
Вела их паровозная звезда.

Стонал, стенал столыпинский вагон:
Паду на рельсы – неизбывный стон.

Этапами гоняли русский люд,
А хлад сибирский по-медвежьи лют.

И выдержать его не каждый мог,
Но где у русских болевой порог?

Дорога, вечный неизбывный путь железный, кандальный, ледяной, и есть преодолённый болевой порог. Плохо тому, кто боль уже не чувствует. Он может пропустить, не понять боль смертельную, опасную. Да именно таков русский человек: он НАД опасностью, НАД роковым обрывом, НАД рациональностью и осторожностью. Он сам, русский человек, не умеет, не может и не хочет спасать свою жизнь.

Он – лучше – насущнее – другого спасёт.

И там, где другой отступит, поляжет, испустит дух, русский человек соберётся, соберёт волю в кулак, возожжёт упрямый дух – и будет творить, созидать: для русского демиургия рождается именно из трагедии, из её преодоления.

…Кривить звериным криком мёртвый рот,
Но распрямить к обрыву поворот.
И лишь простёртую оплакав мать,
Шагнуть вперёд – и вражью рать ломать.

А где взять силы? Конечны они? Или беспредельны? Из какого Божественного источника они в тебя вливаются, поступают, щедро питают тебя, и благодарен ты судьбе – до слёз?

Виктор Петров – трагический поэт. Один из немногих теперь.

Русская поэзия изначально печальна. Но Петров поднимается НАД печалью.

Поднимается – выше.

Он поднимается к тотальной трагедии и работает в ней, внутри неё, как в тотальной радости.

Это абсолютно Бетховенский завет, Бетховенская формула: «Что такое жизнь? Трагедия. Ура!» Трагедия, русская, невероятная, немыслимая, апофатически неизбывная, становится питательной средой для поэзии Виктора Петрова, и он, как античный трагик, как новый русский Эсхил, выковывает строки, в коих – великая боль, и боль эту надлежит мгновенно, на ходу, на лету, переплавить в великую надобу, в великое желание жить ею и дышать, обращая её на святость, на радость себе; так поступал славный предок Петрова – огнепальный Аввакум, так поступает, по сути, любой поэт, намереваясь вывести трагедию в абсолют свободы и шири из-под гнёта, из-под спуда сетований, уныния, умирания. Никакой энтропии! Поэзия Петрова – вот уж никак не энтропия. Она – утверждение, и внутри полнейшего человеческого отчаяния – всё равно, наперекор горю, она есть музыка силы:

…Но пробиваться не впервой,
Поэтому и в этот раз
Останусь гвардии живой,
Стальных не опуская глаз.

Вернусь, и бросишься ко мне,
Объятием забинтовав:
Горел, да не сгорел в огне
И выжил, смертью смерть поправ!

«Смертию смерть поправ» (там в Пасхальном тропаре далее совсем чудесное – «...и сущим во гробех живот даровав...»), «Не умирай» – вечный русский завет бессмертия. Не столько сладко-утешительный, сколько трагически-высокий завет. Иной Міръ страшно, пугающе близко; он даже не то чтобы на расстоянии протянутой руки – он в ладони, в сжатом кулаке, в биении безумного от любви сердца. Сказка ли бессмертие? Русский человек таков, что он и порог смерти бесстрашно переступит; и вернется оттуда, из Иномірия, ибо есть, он знает, для его весёлого воскрешения молодильные яблоки, мёртвая вода и живая вода.

А Аввакум-то ведь Петров сын! И, значит, оба поэты, и оба – фамилии одной.

Одной семьи пророков и юродивых Христа ради, воинов Христовых, ведущих за собою в битву; родня Пересвета и Осляби, как ни крути.

И вечно наше Куликово поле.

И вечна музыка, широкая, как небеса, песня, которую русский поэт поёт о Родине.

Да ведь и война – вечна.

Та, в которой не победить – нельзя.

…У, треклятое каинство –
Стал вражиною зёма!
Окоём размыкается
Трауром чернозёма.

Хата ридная, мазанка –
Не редут ли внезапный?

Танки выбрали azимут
И уходят на запад.

Гул услышу авдеевский
На успенской таможне.
Родову как и где искать,
Если Бог не поможет?

Предана, перепродана,
По частям раскроима:
Нет двух родин – есть Родина,
Русь моя с Украиной!

Степь, Ростов, излучины Тихого Дона, Украйна рядом, обочь, с Украйной нераздельны... Наша освободительная война, и победа будет за нами; победа и над этой, суждённой, судьбинной трагедией, в этой немыслимой новой гражданской войне; а ведь стихи – разве не война такая? Разве они не война с душами чужими – за души родные, живые? Разве они не война с ложью – за Истину Божию? Разве это порою не война с самим собой, с собственной неисчезающей мукой душевной, с собственными сомнениями и ужасами, с собственным неверием?

А душа и впрямь болела,
Так болела – невтерпёж,
Впору вырваться из тела
Да и броситься под нож.

Любит Виктор Петров пружинящий шаг жёстких кратких строк, четырехстопного хорея... хотя может он многое, разнообразное, разноликое, и в ритмике, и в словописи самоцветной, он знает цену красочному слову, но не доводит его до барочной приторности, до избыточного украшательства; ни на минуту не упускает он из виду – в композиции, в дыхании – этой железной пружинной сжатости, говорящей о силе смысла, о воле и мужестве, ибо именно так и надобно писать о воле, мужестве, битве и боли:

…Потому как батарея
Бьёт прицельно по врагу,
И заката флаг, не рея,
Сник на траурном снегу.

Близок холод, лютый холод –
Жизни прежней больше нет:
Сердце так и ходит, ходит,
Разорвав бронежилет.

Марш – с этапа до этапа –
Изо всех железных жил.
Где Остап? А нет Остапа –
Сынку голову сложил.

Птица Жаль стенает следом,
Эта Жаль – всему беда.
Никому ещё не ведом
Путь последний в никуда.

«Путь последний в никуда...» Апофатичен поэт. Он может плакать сердцем, объемлющим Міръ и войну. Но он не боится ни близкой пропасти, ни назначенной смерти. Он глядит прямо ей в лицо. В глаза.

Сошлись при Армагеддоне и бьются бесстрашно миры:
Отходим, товарищ, с тобою, отходим пока…
Выносишь из окружения знамя полка,
Бинтуя полотнищем грудь… Ты знаменем стал – до поры!

Вторая Великая… Где же наше Отечество, где?
Отцы поднимаются – в марше идут гробовом,
Славянка помашет и слёз не сотрёт рукавом…
Назад не смотри – мы останемся на убитой звезде.

Культ предков есть сила предков. Царство мёртвых есть наша незыблемая связь с ушедшими поколениями. В этом заключается феномен человеческой памяти. «Бессмертный полк» – одна из вариаций живого существования такой памяти мёртвых; она мало того что овеществленная – она визуально обозначенная и именная, ибо обнародовано любимое, родное имя, поставлено перед лицом-фотографией, которая внутри памятного хода приобретает сакральность храмового Лика; Логос и изображение сливаются; и мы, нынешние, становимся в этот деисусный ряд, и мы молим Господа о том, чтобы в себе оставить святость и любовь ушедших, чтобы стать их достойными, стать с ними в один строй, в одно священное шествие:

…О Господи, силы нам дай остаться, кем были вчера,
Когда не предали ни братских могил и ни строк,
И если вдруг Западом наш обернётся Восток,
То двинется вслед за пророком к Западу эта гора.

Наступит геройства черёд, и знамя своё развернём…
Эй, братья-славяне, вперёд – полковая братва!
И тотчас на фрица пойдут в штыковую слова:
И взвеется сумеречь, и огонь поглотится огнём.

Спросят меня: а как же любовь? А изъявлена ли поэтом любовь как одно из необъяснимых чудес света? Любовь не просто рассказана Виктором Петровым, не только, как в XIX веке говаривали, воспета – ею, зарифмованной, выжжено на теле русской поэзии XXI века незаживающее клеймо. Поэт оставил современникам и потомкам живую боль. Опасно к ней прикасаться. Невозможно её понять. Да надо ли? Почему суждено было именно такое? Для того ли, чтобы на свет родились именно эти, именно такие, обжигающие, пытальные стихи? Не стихи – Лобное место бытия... Или чтобы сравнить явь – со сном, настоящую плоть, подлинные запахи и звуки – с ледяным зеркалом-мороком; чтобы выйти из колдовского круга – и идти дальше, осознав и себя, и Міръ, и людей по-новому, по-иному...

И боль, только боль, опять боль, опять новый, неведомый лик вечной трагедии...

…Когда затравленно посмотришь мне вослед,
Предвидя пытку от невыносимых бед,

А я тебе не попытаюсь и помочь,
Уйду, бесстыжий, в разгулявшуюся ночь.

И ты свернёшься на казённой простыне
И станешь думать об ушедшем, обо мне...
И я почувствую тебя как никогда,
И устыжусь, хотя не ведаю стыда.

У русских точно нет болевого порога отчаяния; и болевого порога любви тоже.

Любовь уходит навек; остаётся память.

Любовь, она бывает как война. Только в ней нет победителей. Все – побеждены.

...Виктор Петров. Степь крестила простором его. Степь убивала и воскрешала его.

Есть возможность у русского человека всегда начать сначала. С нуля. С пустоты зимы, степи, снега, ветра. С чёрного безумного прогала ночного неба. С грохота мчащегося поезда. Мчащегося – мимо? А может, я, поэт, в этом эшелоне – еду? На новую войну? Биться за новый Міръ?

Счастье не объяснить. Горе не оплакать. Поэзию не втиснуть в рамки катренов или критических статей. Войну не остановить. Она идёт до конца. Любовь не повторить. Она разольётся по русской Вселенной, вот она – весна, лёд, пламя, ручьи, соловьи, костры, песни. Мы сражаемся за Русский Міръ. Это наш фронт, дорогой Виктор. Наша битва. И наша – будущая – Победа.

Прощальное слово

ЧЕРНОРАБОЧИЙ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Памяти Валерия Шамшурина (1939–2023)

Ушел Валерий Шамшурин. Явление для нашего города такое же знаковое, как Дмитровская башня Нижегородского кремля или памятник Валерию Чкалову на Откосе. «Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия», – писал известный всем классик русской поэзии. Перефразируя слова Маяковского, можно сказать: «Мы говорим “Шамшурин” – подразумеваем “Нижний Новгород”».

Действительно, это так. Когда приходится выступать перед читателями, всегда просят назвать имена выдающихся нижегородских писателей, тех, чьи имена уже вошли в анналы литературы. Я всегда называю только четыре имени – Максим Горький, Николай Кочин, Борис Корнилов и Федор Сухов. Называю потому, что произведения этих авторов уже точно, на сто процентов, прошли испытания временем.

Однако никого из вышеперечисленных писателей я не могу так связать с нашим городом, как Валерия Шамшурина. И действительно. Горький провел в Нижнем только детство и отрочество, а потом, после долгих лет скитаний по стране, три года прожил с семьей на Мартыновской, пока не покинул родной город навсегда. Кочин поселился в нашем городе двадцати шести лет от роду, после заключения по политической статье долго жил на Бору, потом перебрался в Москву и жил на два города. Корнилов вообще был в Нижнем только проездом, в детстве и юности обитал в Семеновском уезде, а потом переехал в Ленинград, где и был расстрелян. Жизнь Сухова, уроженца Лысковского района, на добрую треть прошла в Сталинграде – Волгограде. А самое главное – нижегородская тема для вышеперечисленных авторов совсем не была ключевой.

Во всяком случае, называя эти имена, читатель никак не подразумевает прежде всего Нижний Новгород. Совсем иначе можно сказать о Шамшурине. Он был настоящим патриотом своего края, глубоким знатоком его истории. Неслучайно его лучшие исторические романы связаны с именами тех нижегородцев, которых знает весь мир, – Кузьмой Мининым и Валерием Чкаловым.

Шамшурин – последний из «классиков» нижегородской литературы. Не было у нас ни одного пишущего человека, который бы так или иначе не столкнулся с Валерием Анатольевичем, не получил бы от него оценку своего творчества.

Удивительная работоспособность – одна из ключевых черт Валерия Анатольевича.

У меня сложилось такое ощущение, что Шамшурин работал всегда. Даже в советские годы, когда писатель мог и не работать, а заниматься только своим творчеством. Торчал до пяти-шести часов вечера то в редакциях газет, то в Волго-Вятском книжном издательстве. Не чурался окололитературной поденщины. Находил общий язык со всеми людьми – даже с такими, которым не каждый бы и руку подал. Его часто критиковали за повышенную лояльность ко всем властям – подчас, возможно, и справедливо.

Я не был исключением среди этих «критиков», и, возможно, мои слова однажды дошли до него. Никогда не забуду, как он мне сказал (это было уже после 2002 года, во времена его второго восшествия на престол в Нижегородской областной писательской организации): «Вот ты, Женя, в мединституте работаешь, получаешь там какую-никакую зарплату. И не так уж важно тебе, напечатали тебя в каком журнале или нет, издали твою книжечку или нет. От голода ты не умрешь. А вот у меня, кроме литературы, совсем ничего нет. Вот и приходится мне крутиться». Эти слова оказали на меня огромное впечатление, и мне стало мучительно стыдно за свою «критику». С тех пор я уже никогда не «критиковал» образ жизни своего старшего коллеги.

Меня преследует ощущение, что в моей жизни было несколько Шамшуриных. Первый – Шамшурин 80-х годов – молодой, уверенный в себе руководитель областной писательской организации, редактор Волго-Вятского книжного издательства, член обкома партии, от которого напрямую зависело, поставят твою книгу в план областного издательства или нет. Я, как и многие двадцатилетние писатели, в ту пору Шамшурина несколько побаивался и смотрел на него снизу вверх, как на классика, – а так и нужно молодым!

Впервые увидал я его, наверное, в 1981 году, когда начал изредка посещать писательскую организацию. Запомнился эпизод марта 1984 года, когда я попал на областной семинар творческой молодежи, который проходил на территории одного из пансионатов, находящихся на Горьковском море. Эти семинары проводил обком комсомола, собирая вместе молодых литераторов, музыкантов, артистов, художников. Эти короткие (обычно трехдневные) встречи в пригородных пансионатах, проходящие примерно раз в полгода, были очень нам нужны. Благодаря им мы, творческие люди закрытого, но в то же время огромного полуторамиллионного мегаполиса, стали знать друг друга, дружить и общаться. Именно там, на Горьковском море, подружился я с двумя удивительно талантливыми людьми – композитором Сергеем Терхановым, уехавшим в дальнейшем в Саранск и ставшим народным композитором Республики Мордовия, создателем первого мордовского балета, и художником Сергеем Родионовым, с которым общаюсь до сих пор.

Наши рукописи должны были разбирать, и среди приглашенных был, разумеется, Валерий Анатольевич как один из высших авторитетов областного масштаба. Меня тогда несколько насторожило, как он ругал одного поэта, пишущего о Боге. «Какой может быть Бог, – провозглашал Шамшурин, рубя рукой воздух, – когда наши ребята в тяжелейших условиях, по пояс в грязи, строят БАМ! Разве Бог помог нашим отцам одолеть фашистов?» Но неприятное ощущение от этой казенной речи исчезло вечером того же дня. Убежав из низкого деревянного домика, где мои коллеги уже напились до умопомрачения, под яркой лампой электрического фонаря, освещавшего покрытые причудливым

снегом сказочные темные елки, я увидел группу семинаристов, среди которых были местные писатели Василий Осипов и Валерий Шамшурин. Разговор шел о литературе. Шамшурин говорил теперь уже совсем иначе, чем в официальной обстановке. От имиджа инструктора обкома партии или заштатного политрука не осталось и следа

«Не судите по наружности, но судите судом праведным», – учил Христос. Я помню, что тогда Валерий Анатольевич долго говорил о том, что настоящие наши писатели – не те, которые ездят в бесконечные командировки по всему миру и дерут глотки в Политехническом музее, а те, кто не отступил от традиций нашей литературы, – Белов, Астафьев, Абрамов, Распутин, Носов. Называл и других писателей, которых я в ту пору не знал. Почему он так ценил именно этих авторов, я в то время еще не понимал. «Почитайте стихи Алексея Прасолова», – порекомендовал он присутствующим. Вернувшись в домик, я записал эту фамилию на клочке бумаги, а книгу Прасолова сумел отыскать только в читальном зале областной библиотеки. В формуляре, где приходилось расписываться, было всего только две или три подписи – сборник Прасолова явно не пользовался спросом и популярностью. Но стихи этого автора ошеломили меня. Только тогда я понял суть пословицы «Не всё золото, что блестит».

Не понимал я тогда еще и того, что каждый человек – это матрешка, внутри которой находятся другие, меньшие матрешки, тоже полые внутри. Но есть всегда и последняя, цельная матрешечка, внутри которой уже нет пустоты. «А ты не замечал, что эта самая маленькая матрешечка никогда не смеется?» – однажды сказала мне бабушка. Я стал специально раскручивать матрешки, обращая внимание на то, нарисована ли на цельной матрешечке красная скоба улыбки или нет… Но это уже другая история, не касающаяся Шамшурина напрямую.

Не могу сказать, что часто общался с Валерием Анатольевичем в 80-е годы, особенно в их конце. Во времена перестройки многие молодые писатели стали играть в оппозицию, и посещать писательскую организацию считалось моветоном. Какое-то время и я, как песчинка, вращался в этой мутной «демократической» волне, пока жестокие реалии 90-х годов не выбросили меня на сухой и бездушный каменистый берег реальности. Помню, как в начале 1989 года Валерий Анатольевич подошел ко мне на первом этаже в Союзе на Минина и сказал: «Женя! Ты даже не думай в наше издательство рукопись подавать! Для тебя это слишком мелко. Ну зачем тебе провинциальное издательство? В Москву езжай!» Интересно, что я последовал его совету. Послал рукопись на последнее в истории СССР IX Совещание молодых писателей, получил приглашение, а по результатам совещания рукопись была рекомендована издательству «Молодая гвардия». А за то, что книжка не вышла, большое спасибо Горбачеву, Ельцину и эпохе всеобщей «демократии».

Жизнь творческого человека в авторитарном идеологическом государстве – настоящая трагедия. И не только Валерий Анатольевич был жертвой этой системы. Нам тогда казалось, что главное – освободиться от цепей идеологии, что с наступлением эпохи демократии и гласности можно будет писать о чем угодно. Но мы были наивны и политически близоруки. Идеологическую диктатуру сменила диктатура рыночная, и профессия писателя вообще перестала существовать. Так и редакцию по работе с молодыми авторами издательства «Молодая гвардия», куда я отнес свою рукопись, сопровожденную бумагой, подписанной пер-

вым секретарем Союза писателей СССР Константином Скворцовым, закрыли за отсутствием рентабельности, а план издательства, утвержденный в ЦК ВЛКСМ, выбросили в мусорное ведро

Почему это произошло? А всего лишь потому, что расход денежных средств на издание книги в стандартные 10 000 экземпляров намного превышал доход от продажи, то есть с точки зрения рыночной экономики издательство оказалось нерентабельным.

Но какой идиот стал переносить объективные, как законы физики, законы рыночной экономики на товары, относящиеся к культуре, которая всегда во всех странах была и будет только дотационной? Кто был первый? Горбачев, Ельцин, тогдашний министр экономики Павлов? Чубайс, Немцов? Я не знаю. Но не нужно быть дипломированным экономистом, чтобы понимать, что продажа туалетной бумаги и зубной пасты как товаров первой необходимости и продажа книг – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Особенно в России, где исторически существовала диглоссия – говорили на древнерусском, а писали на церковнославянском языке. Церковнославянский язык как язык книжный, литургический, обрядовый, породил и особое отношение к книге у русских людей. Особенно этим отличались люди, относящиеся к ревнителям древлеправославной церкви (старообрядцы).

Конечно, сравнивать книгу с туалетной бумагой смешно. Но давайте сравним книгоиздание с другой знаковой культурной отраслью – с театральным искусством.

Ведь любой первоклассник понимает: чтобы работа театра была рентабельной, цена билета на спектакль не может составлять ни тысячу, ни три тысячи рублей. Этих денег не хватит, чтобы оплатить труд администраторов, артистов, художников-оформителей, портных, гардеробщиц, электриков, пожарников и т. д. А если еще и иметь в виду, что любое уважающее себя предприятие хочет не только покрыть расходы, но и получить какой-никакой доход, то цена билета должна быть… Продолжать не буду. Понятно, что без государственных, бюджетных дотаций театры существовать не могут. А почему книгоиздание должно без них существовать и существует уже тридцать два года?

Таким образом, сама физическая жизнь писателя-профессионала в жуткие 90-е годы оказалась под вопросом. Выживали только две категории людей. К первой относились такие, как я, – люди, имеющие изначально другие профессии, не имеющие отношение к литературе. А ко второй – такие неисправимые трудоголики, как Валерий Анатольевич.

Шамшурин 90-х годов был совсем другим человеком. Он уже не имел никакой власти. Впрочем, ни о какой «писательской» власти в те времена говорить уже не приходилось. Время «литературных генералов» кануло в Лету. В 1990 году с поста руководителя писательской организации Шамшурина сняли (и не без оснований!) его же коллеги. Областную организацию возглавил Владимир Васильевич Половинкин, потомственный интеллигент, вузовский преподаватель, пользовавшийся большим уважением своих коллег. Интересно, что, уйдя с поста председателя правления местной организации, Шамшурин остался секретарем правления Союза писателей России. Это случай совершенно беспрецедентный, свидетельствующий об отношении к творчеству писателя в Москве, в аппарате Союза. Действительно, сколько я ни был в Москве, в каких только редакциях ни бывал – везде, как только узнавали,

что я из Нижнего, просили передать большой привет Валерию Анатольевичу Шамшурину. Складывалось такое ощущение, что этого человека знают все. И он всегда для всех был первым среди нижегородских писателей. В лихие девяностые, когда многие спивались и валялись в депрессии, Шамшурин очень много писал. И стихи, и романы. Не чурался, как всегда, и журналистики. Он был настоящим чернорабочим от литературы!

Когда в нашем городе возник журнал «Нижний Новгород» и встал вопрос о кандидатуре главного редактора, Владимир Васильевич Половинкин, к которому обратился потенциальный издатель как к руководителю писательской организации, сразу же назвал фамилию Шамшурина. И понятно, почему. Валерий Анатольевич имел к тому времени и несомненный писательский опыт, и очень большой опыт редактора. И, кроме этого, неоспоримый авторитет и в культурных кругах, и в областной администрации, состоявшей в ту пору из бывших партийных и комсомольских работников, с которыми Шамшурин успел подружиться еще при советской власти. Возглавив журнал, Шамшурин был полон наполеоновских планов. Он всю жизнь мечтал о таком вот региональном издании, которое бы размещалось в нашем городе. И понятно. Нижний Новгород – не последний город в Российской Федерации. «Волжская столица», «карман России» – всё это про нас. Не все знают, однако, что история этого журнала упирается еще в далекие пятидесятые-шестидесятые годы и неразрывно связана… с русской идеей! Да-да, с той самой русской идеей, которая в середине позапрошлого века явилась яблоком раздора между так называемыми «западниками» и «славянофилами» и которая сейчас, в связи с украинским конфликтом, обрела новое звучание.

Так уж получилось, что только в пятидесятые годы наши писатели стали обращать внимание на то, что в России, а точнее в РСФСР, как тогда называлась наша республика, не было своего Союза писателей. Был Союз писателей Литвы, Украины, Узбекистана… А вот в РСФСР Союза писателей не было! Был так называемый «большой Союз», а именно Союз писателей СССР, который и командовал всеми писателями страны.

В 1958 году возник, наконец, Союз писателей РСФСР. У его истоков стояли как раз те писатели, которые особенно ратовали за «русскую идею», частенько говорили о том, что самый большой и многочисленный из народов СССР унижен в своих правах, поскольку не имеет своих, национальных, русских периодических изданий. Один из таких вот региональных русских журналов, который решено было назвать «Волга», решили прописать в самом большом в те времена волжском городе – Горьком. Однако местная писательская организация проявила какую-то вялость и сомнения по поводу того, что произведений местных письменников хватит на двенадцать номеров журнала в год. Не было у организации и опыта редактирования профессионального «толстого» литературного журнала. Дело кончилось тем, что «Волгу» отправили «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Именно там, конечно, уже не в глуши, а в прекрасном волжском городе Саратове, стали издавать «Волгу» с января 1966 года. Журнал стал одним из лучших в России. Однако в умах местных писателей и культурного литературного сообщества вообще появилось нечто вроде обиды или недоумения. Как это так – один из крупнейших городов в России – и без своего журнала! И вот через тридцать с лишним лет после появления «Волги» мечта,

наконец, реализовалась, и во главе этой реализации встал, конечно же, Валерий Анатольевич. Как редактор журнала он проявил необычайную активность, постоянно ездил по области, где рекламировал журнал, привлекал к сотрудничеству иногородних авторов, имеющих авторитет в писательском сообществе. Однако нерентабельность привела к гибели и этого издания. Журнал существовал исключительно на деньги издателя-коммерсанта, не имея никакой государственной дотации. В 2002 году он погиб, чтобы восстать из пепла только через 12 лет, в 2014 году.

В 90-е годы я продолжал посещать писательскую организацию, которая к тому времени превратилась в клуб. Мечта о вступлении в Союз, с которой я не разлучался при советской власти, в те годы меня уже не преследовала. Я не видел особого смысла быть членом непонятной «общественной организации», не дающей никаких льгот и привилегий. Хотя и против вступления в Союз, разумеется, не был. Само словосочетание «Союз писателей» тогда еще как-то звучало в общественном сознании. Поэтому, когда Валерий Анатольевич в 1998 году позвонил мне и спросил, не против ли я вступления в Союз, я, конечно же, ответил, что не против. А почему я должен быть против? Я всегда дружил с нашими писателями, мне было интересно общаться с ними. Принимали меня на выездном секретариате Союза писателей 11 сентября 1998 года.

Именно в 90-е годы Валерий Анатольевич стал инициатором уникальной литературной экспедиции-поиска под названием «Живи, родник». Целью этого мероприятия был поиск молодых талантов в глубинке. Это были как раз те молодые писатели, которые в силу географических, экономических и социальных причин не имели возможности часто бывать в областном городе. Многие из них в ту пору едва сводили концы с концами, в самом что ни на есть буквальном, физическом смысле перебиваясь с хлеба на воду. И вот в те самые годы, когда впервые заговорили об олигархическом правлении, когда людям по полгода не платили зарплату, когда в нашем, всегда очень благополучном в эпидемиологическом отношении городе появились забытые за годы советской власти туберкулез и сифилис, когда трассы области облепили ВИЧ-инфицированные проститутки, появилась уникальная акция, направленная на поддержку… начинающих поэтов! Уже первая такая экспедиция-поиск «Живи, родник», состоявшаяся в 1993–1994 годах, принесла ощутимые результаты – членами Союза писателей России после нее стали такие талантливые поэты, как Владимир Миронов из Семеновского района, Виктор Кельдюшкин из Большого Мурашкина, Виктор Карпочев из Сосновского района, Марина Котова из Дзержинска, Марина Вахто из Городца. Все вышеперечисленные – удивительно талантливые люди. Все они обязаны появлением своих книг инициативе Валерия Анатольевича. К сожалению, Миронов и Кельдюшкин к настоящему времени ушли из жизни. Марина Котова, воодушевленная вниманием Шамшурина, поступила на ВЛК при Литературном институте и после окончания курсов осталась жить в Москве. Она автор многочисленных публикаций в центральной печати и лауреат нескольких литературных премий. Марину Вахто судьба тоже привела в Литературный институт – знаковое и ключевое место для русских писателей. Книжка этой поэтессы была издана на грант Министерства культуры Нижегородской области при непосредственном участии Шамшурина. Сменивший Шамшурина на посту

председателя правления талантливый поэт Владимир Жильцов (вместе с которым меня принимали в Союз писателей в 1998 году) подхватил эстафетную палочку из рук своего учителя и продолжал экспедиции-конкурсы «Живи, родник» уже в нулевые годы. В те времена жизнь уже потихоньку начала налаживаться, бандитские разборки несколько поутихли, реже уже встречались в кюветах сожженные иномарки, но начинающим поэтам нужна была поддержка, как нужна она и сейчас. Благодаря этому конкурсу писательскую организацию в нулевые годы пополнили такие талантливые поэты, как Вячеслав Карташов из Балахны и Владимир Решетников из Семеновского района.

Шамшурин нулевых годов был для меня уже совсем другим человеком. В эти годы я общался с ним на равных. Узнал о нем много нового и интересного. Чернорабочий от литературы, он начинал свою трудовую деятельность в должности директора сельской школы. Уже тогда проявились его неординарные организаторские способности.

Он сделал все для того, чтобы зерно его таланта не упало в каменистую почву, а дало бы обширный урожай. И вовсю помогал другим писателям. В том числе и мне, издав мою прозаическую книжку «Запотевшее стекло» на грант от Министерства культуры Нижегородской области. Правда, для этого ему пришлось разместить на обложке книги фотографию Дмитровской башни Нижегородского кремля – дабы наши чиновники, не читающие книг, посчитали, что это книга о Нижнем Новгороде. По негласным условиям гранта в приоритете была краеведческая тематика.

Конечно, приятно было, что не пришлось искать спонсоров на издание книги. Бегать с протянутой рукой мне никогда не нравилось. И всё же остался у меня от этой обложки какой-то неприятный осадок. Как будто я вновь вернулся в советское идеологизированное время. Прекрасно, когда человек пишет о своей малой родине. Прекрасно в двойном объеме, когда о малой родине пишут так талантливо, как писал Валерий Анатольевич. Но если человек живет в Нижнем Новгороде, то почему он не имеет права писать о Москве, Париже, Сан-Франциско… Урюпинске, на худой конец? Почему нельзя гордиться своими авторами, когда они просто **хорошо, профессионально пишут,** а не только воспевают местные достопримечательности? Почему финансировать надо только туристические буклеты и путеводители по городу? И вообще, когда литература не будет идеологизирована?

В последние годы жизни Валерий Анатольевич стал меньше бывать на литературных тусовках. Однажды он сказал мне, что вовсе не считает себя писателем со счастливо сложившейся литературной судьбой. Конечно, так оно и было. Жизнь подчас заставляла его кривить душой. Но много ли среди нас подвижников, готовых идти в огонь ради своих убеждений, особенно среди писателей? Я знаю только одного такого – это Аввакум Петров, тоже, кстати, уроженец нашего края.

Конечно, в силу большой разницы в возрасте (мои родители всего лишь на два года старше Шамшурина!) он не мог быть моим близким другом. Но многие черты Шамшурина-человека мне импонировали. Так, я никогда не видел его пьяным и даже выпивающим, никогда не видел, чтобы Шамшурин грязно приставал к женщине – к сожалению, не о всех своих коллегах я могу такое сказать.

К великому счастью, после ухода Шамшурина у нас на нижегородской земле не исчезли таланты. Таланты не исчезли – исчезли подвижники. А писатели резко разделились на доходяг и коммерческих борзопис-

цев. Могу засвидетельствовать, однако, с полной откровенностью – к последней категории Валерий Анатольевич точно не относился. Он был настоящим профессионалом и трудоголиком. Доказательством трепетного, целомудренного отношения поэта к русскому слову может быть стихотворение (одно из моих любимых!), которым вполне логично закончить эти воспоминания.

Встану – строчку зачеркну,
скрипну половицей,
гляну в ночь и зачерпну
из ведра водицы.

И заплачу оттого,
что живу на свете,
что над белою травой
белый месяц светит,
что над стогом спит звезда,
что при всех удачах
так я больше никогда
в жизни не заплачу.

Евгений ЭРАСТОВ,
член Союза писателей России

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Лев Зелексон

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Басинский (Москва)

Владимир Безденежных

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Диана Кан (Новокуйбышевск)

Елена Крюкова

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Екатеринбург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Олег Беркович

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Владимир Седов

Наталья Суханова

Надежда Шевелилова

УЧРЕДИТЕЛЬ и **ИЗДАТЕЛЬ**
ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04
Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru
Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и биографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

Подписано к печати 06.02.2024.
Выпущено в свет 27.02.2024.
Формат 70×108 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 21.
Тираж 800 экз. Заказ
Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13